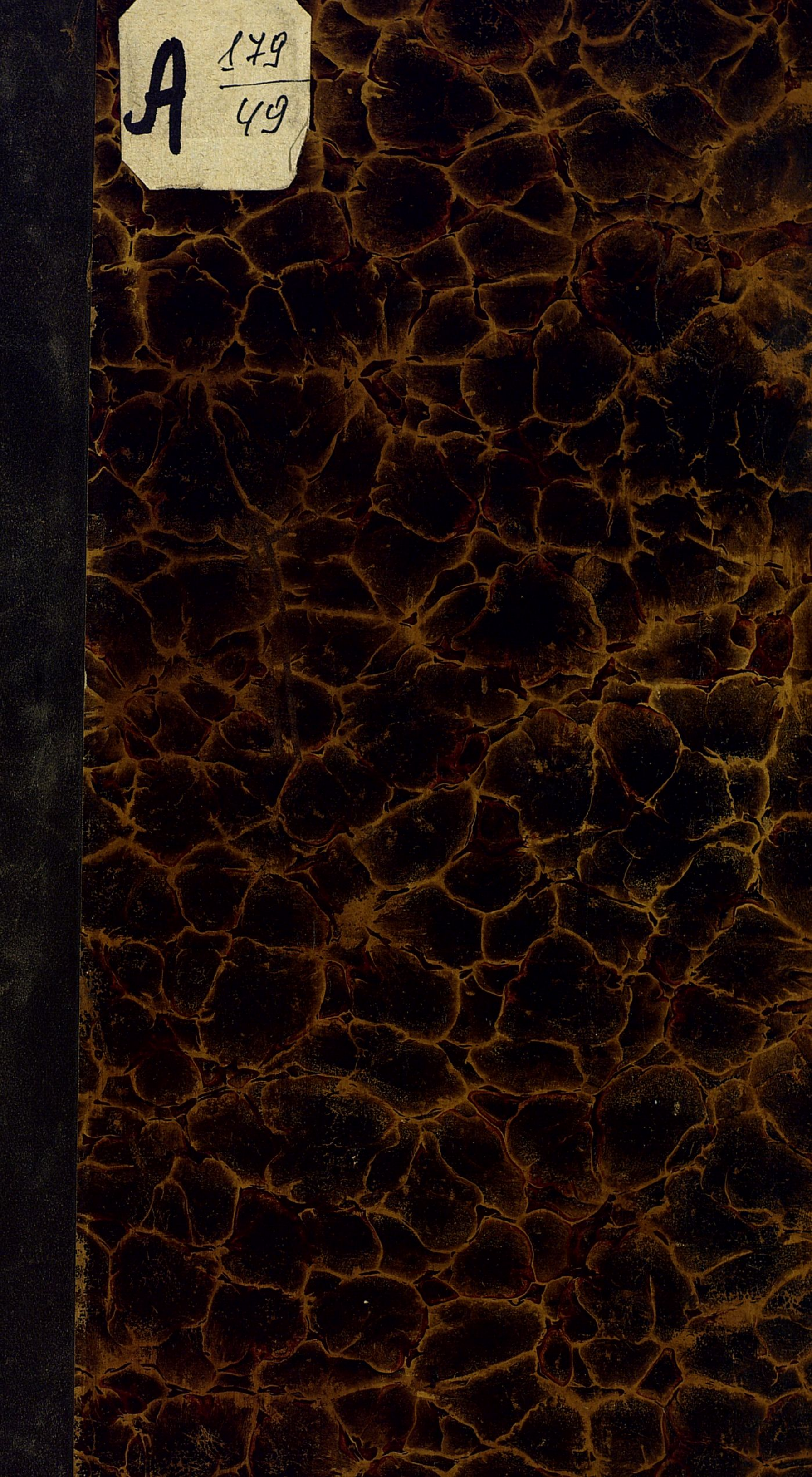
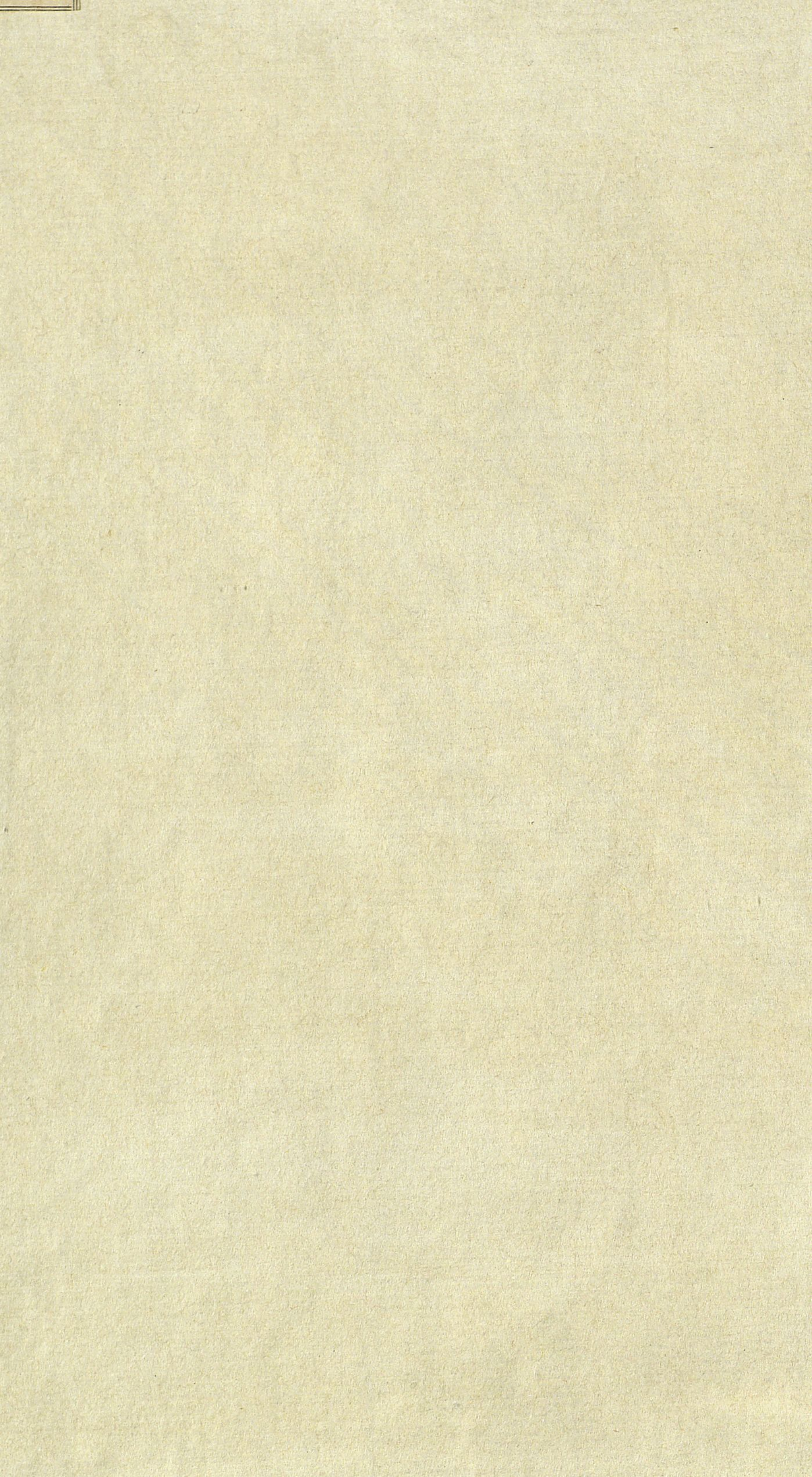




Ювеналъ къ Фабрицію. Стихотв. В. Попова.

„Библ. для чтенія" 1858 г. № 7.

Сатиры Д. Юнія Ювенала. Стихотворный переводъ и объясненія Андрея Адольфа, учителя Московской 3ей гимназіи. Съ прибавленіемъ латинскаго текста. XX + 504. 8°. Москва 1887 г.

Рец. „Ист. Вѣстн." 1886 мартъ стр. 708-709 А. К.

„Слогъ мѣстами такъ труденъ, что даже посредственному латинисту легче понять Ювеналовскій оригиналъ, чѣмъ Фетовскій переводъ, за то добросовѣстность изученія и вѣрность пониманія автора, за весьма немногими исключеніями такова, что А. Фету можно присудить почетную ученую степень."

Невѣрности гекзаметра:

I, 3: Иль безнаказанно мнѣ вонъ тотъ все драмы читаетъ.

VI, 425: Удручены. Наконецъ вся красненькая она входитъ.

VI, 338: Полонъ, чѣмъ Цезаревы два свертка Антикатона.

г. Фетъ во многихъ мѣстахъ перевелъ лучше Благовѣщенскаго (напр. III, 72, 77, 99 и др.).

Короче сказать, если можно 2-3 страницы исписать стихами неудачно переведенными у г. Фета, то понадобятся не одинъ десятокъ ихъ, чтобы перечислить всѣ стихи труднѣйшаго изъ знаменитыхъ римскихъ поэтовъ, переданные съ замѣчательной вѣрностью и силой. Честь и слава дилеттанту классицизма!

А. К.

Д. ЮНІЯ ЮВЕНАЛА.

Рецензіи: I, „Новое Время" 1885 г. № 3221. В. Буренина.
II, „Русская Мысль" 1885, № IV, библ. отд. стр. 4–6.
III, „Новь" 1885, № 6 стр. 383 „Новыя книги.
IV, „Ист. Вѣстн." 1886, Мартъ. Крит. и библ. стр. 706–709.
V, Ж. Мин. Нар. Просв. 1886, Февраль. А. К.
VI, „Наблюдатель" 1886 г. Іюнь. Графъ А. В. Олсуфьевъ. „Обз. ист. журналовъ" стр. 15.

САТИРЫ.

Въ переводѣ и съ объясненіями

А. Фета.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова, (бывшая М. Н. Лаврова и К°.),
Леонт. пер., домъ Лаврова.
1885.

Исправления гр. Олсуфьева

Sat. I, 87 Quando major avaritiae patuit sinus? когда шире была отверзта алчность.

ibid. 96 ille = dispensator или рабъ - nomenclator.

ibid. 105 Quid confert purpura major (sc. bellaticlavium) optandum = что приноситъ желательнаго тога съ широкою каймой.

ibid. 137 una не solitaria = одинокая трапеза, а просто = одна;

ibid. 145 надо читать (по Фету):

Ut nova, nec tristis per cunctas fabula coenas: ducitur etc. т.е. „вотъ свежая и непечальная новость для всехъ пировъ; похороны, не оплакиваемыя, а осмеянныя, справляются раздраженными друзьями."

Sat. II, 8 pluteum servare = хранить на полкахъ; здесь не смотри кресло, а ваятель, неизвестный намъ.

ibid. 10 - cinaedi = scortiti masculini и потому fossa не яма;

ibid. 35 - Scaurus = неумолимый цензоръ;

ibid. 41 hirsuto collo = волосистая шея, а не заскорузлая.

ibid. 53 - colyphia = растительная, а не мясная пища - (коливо).

ibid. 83 paulatim = мало-по-малу, accipient te = вернутъ тебя въ свое общество.

abdomen porcae teneraе = вымя юной свиньи;

ibid. 92. lassare = утомлять Котитто оргiями и торжествами.

ibid. 93 Повторение ille показываетъ, что тотъ, кто bibit vitreo Priapo не есть тотъ самый, кто себе supercilium et oculos pingit.

ibid. 125 arcano = таинственномъ, а не мистическомъ, ключъ и самый щитъ. Тяжелые доспехи временъ суровой доблести Рима не подъ силу изнеженному сыну извращеннаго века Цесарей, и онъ sudat, изнемогаетъ подъ ихъ ношею.

ibid. 127. urtica = prurigo = похоть (schol.).

ibid. 167 nam si longior mora indulsit urbem: но если более продолжительное время будетъ посвящено городу, то amator (= concubitor masculorum) non deerit pueris = охотника до подобныхъ развлеченій не будетъ недоставать у мальчиковъ.

169 mittentur (по Фарнабiю) = omittent и exuent т.е. шальвары - bracae, cultelli - кинжалы, frena - уздечки, flagellum - нагайка, все эти принадлежности воинственныхъ племенъ Востока.

Sat. III, 31 aedes = храмы (ед. ч.), а не постройки;

ibid. 33. domina hasta не роковое копье, а копье победителя, временнаго господина продаваемаго раба.

ibid. 43 promittere не сулить, а обязаться, брать на себя обязательство устранить, посредствомъ убийства, чьего-либо отца для доставления наследства сыну; это гораздо вернее догадки Руперти и другихъ, что тутъ идетъ речь о haruspices, предсказывающихъ смерть отца.

ibid. 61 „не могу переносить города греческаго, хотя бы небольшая доля грязи ахейской была ему присуща."

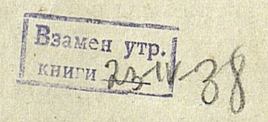
Д. ЮНІЯ ЮВЕНАЛА.

САТИРЫ.

ВЪ ПЕРЕВОДѢ И СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ

А. Фета.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова, (бывшая М. Н. Лаврова и К°),
Леонтьевскій пер., д. Лаврова.
1885.



Дозволено цензурой. Москва, 9 ноября 1884 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Трудно рукѣ долго и тщательно подбиравшей за мастеромъ камневержцемъ (литоболомъ) камень за камнемъ, чтобы швырнуть ихъ въ далекій Римскій огородъ, трудно, повторяемъ такой рукѣ порой не ошибиться, и не запустить камня въ ближайшій, нашъ современный огородъ, благо въ поводахъ къ тому, даже по отношенію къ обнародованію настоящаго труда, недостатка нѣтъ.

Тѣмъ не менѣе воздержимся отъ соблазна и постараемся въ самыхъ неблагопріятныхъ для насъ условіяхъ поискать и хорошихъ сторонъ.

Съ этой точки зрѣнія придется поблагодарить судьбу, пославшую намъ досугъ не только наслаждаться изученіемъ образцовыхъ произведеній чуждыхъ вѣковъ и народовъ, стараясь по мѣрѣ силъ переносить ихъ на родную почву, но и самостоятельно печатать наши переводы для желающихъ съ ними ознакомиться. Въ этомъ случаѣ мы чувствуемъ себя на необитаемомъ островѣ, омываемомъ лишь общими для всѣхъ волнами цензуры.

Не нужно, забѣгая съ нашими матерьялами въ пристань того или другаго журнала, тщательно справляться со вкусами и образомъ мыслей начальника порта, въ угоду которому мы должны были бы придавать ту или другую архитектуру или окраску матерьяламъ, изъ которыхъ приходится слагать зданіе. Мы совершенно свободны, и если въ возводимомъ нами русскомъ зданіи

найдутся ничтожныя отступленія отъ буквъ подлинника, то они являются добровольными уступками или нашему языку или нашимъ нравамъ.

На своемъ необитаемомъ островѣ мы старались только прислушиваться къ голосу общечеловѣческаго здраваго смысла, и потому многіе долетающіе изъ того или другаго порта голоса намъ даже нескажемъ, враждебны, а совершенно не понятны.

Мы напр. непонимаемъ словъ: „намъ не нужны классики, не нужна философія а необходимо народное образованіе". Должно ли слово *образованіе* понимать тутъ въ томъ смыслѣ, что если безграмотному солдату вобьютъ титулъ Эрцъ-Герцога Фердинанда и тѣмъ же путемъ внушатъ, что на одномъ театрѣ играли Антигону, а на другомъ Гамлета, то тѣмъ самымъ, сообщатъ уже ему достаточно ясное представленіе о средневѣковой Германской жизни или о задачахъ древней и новой трагедіи? Неболѣе понятны намъ голоса о народной наукѣ. Наука коренится единственно—на общихъ всѣму человѣчеству законахъ мышленія, которыхъ даже желтый домъ вполнѣ прервать и извратить не можетъ и если, въ силу тѣхъ или другихъ народныхъ свойствъ, высшее, обобщающее мышленіе (философія) принимаетъ то или другое направленіе, то идеаломъ истинной мудрости всегда будетъ найти примиреніе между различными направленіями, а въ случаѣ насилованія мудрости со стороны извѣстной народности, соскресть все чужеядное съ истиннаго древа познанія, а не смотрѣть на мохъ и плесень какъ на какую то отрадную надежду.

Оглядываясь на безспорные факты всечеловѣческаго образованія, мы видимъ, что ни какіе отдѣльные его токи не были такъ всесторонне широки, какъ тотъ, который по счастливымъ обстоятельствамъ, заструившись у Гомера и Гезіода и постепенно воспринимая воды изъ другихъ руслъ, преимущественно протекъ и продолжаетъ разливаться по Европѣ, оставивъ обиліемъ водъ далеко за собой всѣ другія самобытныя теченія,

такъ что и такимъ особнякамъ, какъ напр. Японія, не остается другаго средства къ широкому образованію, какъ примкнуть къ Европейскому теченію. Равнымъ образомъ не въ силахъ мы закрыть глазъ передъ фактомъ, что мусульманское образованіе въ періодъ своего расцвѣта, въ лицѣ Арабовъ и Персовъ, вынуждено было примкнуть къ тому же могучему, торжествующему теченію. Ревнители образованія помимо классической науки являются на наши глаза людьми желающими стремиться въ невѣдомые страны и самостоятельно долбящими для этихъ цѣлей „впервые утлый челнъ“, вмѣсто того, чтобы сѣсть на винтовой пароходъ, управляемый хорошо изучившимъ морскую карту капитаномъ и ѣхать въ открытую за 400 лѣтъ Колумбомъ Америку, запаспись печатнымъ путеводителемъ.

Не думая отрицать значенія тѣхъ знаній, каковыя слывутъ подъ именемъ общаго образованія, мы тѣмъ не менѣе не можемъ преувеличивать этого значенія, хотя признаемъ, что истинно человѣческое (humaniora) образованіе безъ нихъ даже немыслимо; ибо возможно ли себѣ представить историка, философа или истиннаго служителя искусствъ, который бы никогда неслыхивалъ о Парагваѣ, Коперникѣ, артеріяхъ, биномѣ, кислородѣ и даже протоплазмѣ. Тѣмъ не менѣе всѣ подобныя отрывочныя знанія, какъ бы велики они не были сами по себѣ, не даютъ права человѣку на титулъ образованнаго, точно также, какъ окраска пасхальнаго яйца недаетъ права собственно яйцу на названіе крашеннаго; ибо разрѣзанное оно, не взирая на яркую скорлупу, такое же не тронутое краской яйцо какъ и не крашенное. Еще Попе сказалъ: „благороднѣйшій предметъ изученія для человѣка—самъ человѣкъ“ И чтобы мы ни дѣлали, существенѣйшими и интереснѣйшими вопросами для человѣка всегда останутся тѣ, къ разрѣшенію которыхъ стремится религія, философія и искусство, каждая съ своей стороны насущными средствами. Приступая къ такимъ вопросамъ, духъ человѣческій вынужденъ исхо-

дить изъ себя и къ себѣ же какъ центру возвращаться.

То что слыветъ общимъ образованіемъ не болѣе какъ канва, по которой приходится усидчиво выводить узоры,—это планъ, по которому мы только можемъ сообразить въ какую сторону искать въ городѣ той или другой улицы, но ни какъ не ознакомиться съ самимъ городомъ. Въ этомъ случаѣ гораздо ближе ознакомитъ съ бытомъ Ньюіорка, пребываніе въ той или другой туземной семьѣ или средѣ, чѣмъ самое добросовѣстное чужое описаніе этого быта. Что-же сказать о знакомствѣ съ чужихъ словъ, съ произведеніями искусства? Самая плохая фотографія или шарманка доставляетъ болѣе возможности познакомиться съ Венерой Милосской, Мадонной или Нормой, чѣмъ всевозможныя словесныя описанія. Тоже самое можно сказать и о переводахъ геніальныхъ произведеній. Счастливъ переводчикъ, которому удалось хотя отчасти достигнуть той общей прелести формы, которая не разлучна съ геніальнымъ произведеніемъ; это высшее счастье и для него и для читателя. Но не въ этомъ главная задача, а въ возможной буквальности перевода; какъ бы послѣдній ни казался тяжеловатъ и шероховатъ на новой почвѣ чужаго языка, читатель съ чутьемъ всегда угадаетъ въ такомъ переводѣ силу оригинала, тогда какъ въ переводѣ, гоняющемся за привычной и пріятной читателю формой, послѣдній большею частью читаетъ переводчика, а не автора.

Имѣя въ настоящее время дѣло съ литературнымъ произведеніемъ, мы просимъ читателя оглянуться въ отечественной литературѣ—и указать намъ хоть на одинъ отдѣлъ, который, въ силу упомянутой необходимости, примкнуть къ обще-европейскому образованію, не былъ бы отраженіемъ или проще подражаніемъ тому же въ Европѣ. Съ той минуты, какъ геніальный Ломоносовъ перенесъ нашъ языкъ съ общихъ до сихъ поръ большинству Славянъ бѣдныхъ узкоколейныхъ силлабическихъ рельсовъ на ширококолейную антично-нѣмецкую тоническую дорогу, мы только подражали и подражаемъ

по сей день. Безъ Парни, Шенье, Байрона, Шиллера, Гете, Шекспира, Вальтеръ Скотта, Теккерея и т. д. у насъ не было бы ни Жуковскаго, ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Тютчева, ни Тургенева, ни Гончарова, ни Толстыхъ, ни Писемскаго, ни Островскаго и т. д.

Если-бы возможно было опредѣлить цифрами процентъ дѣйствительнаго образованія внесеннаго въ нашу народность Иліадой Гнѣдича и Одиссеей Жуковскаго, то безъ сомнѣнія цифра оказалась бы почтенной. Невозможно требовать отъ массъ способности читать классиковъ въ оригиналѣ, но какой свѣтъ проливаетъ добросовѣстный переводъ и на тѣхъ, которые внимательно и медленно изучаютъ оригиналъ, мы помнимъ изъ школы, гдѣ въ концѣ семетра учителя, пройдя съ нами извѣстное число пѣсенъ Энеиды или Иліады, читали намъ въ награду тѣ же мѣста по Фоссу. Гдѣ же у насъ за исключеніемъ Иліады и Одиссеи стихотворные переводы классиковъ, которыми изобилуютъ наши старшіе братья по обще-европейскому образованію? Ихъ нѣтъ, а они необходимы. Насколько 63 лѣтній старикъ въ силахъ удовлетворить этой потребности, мы стараемся послужить дѣлу. Честь и слава тому, кто оставитъ насъ за флагомъ. Читателю способному заподозрить насъ въ стремленіи къ полемикѣ или доктринерству, отвѣтимъ словами Фауста:

„Не мню я, что нѣчто хорошее знаю,
Не мню, что чему то могу поучать,
Людей исправлять и на путь наставлять.“

Но благодаримъ Бога, пославшаго намъ охоту и возможность всматриваться въ причины, по которымъ отдѣльные народы въ извѣстные періоды своей жизни, не взирая на сравнительную высоту общей образованности, впадали въ какую то безшабашную разнузданность страстей и какъ бы на пропалую отворачивались отъ того, что величайшій отступникъ въ глубинѣ души сознаетъ прекраснымъ; ставя превыше всего удовлетво-

реніе плотскимъ вожделѣніямъ и главнѣйшее къ тому средство—деньги.

Съ такимъ именно періодомъ Нероновъ считался нашъ авторъ. Нечего говорить, что такія періоды самые не благопріятные для чистаго искусства. Искусство, по существу своему требующее сочувствія публики, должно бы, оставаясь вѣрнымъ своему внутренему смыслу, замирать во времена, когда публика бѣжитъ не ко внутренней, безотносительной тишинѣ и созерцанію красоты, а ко внѣшнимъ наслажденіямъ. Говоря не тенденціями, искусство поучаетъ своей красотой, а изображая безобразія оно становится во внутренное противорѣчіе и является отталкивающей безсмыслицей; по этому музыкальная, архитектурная, живописная, скульптурная сатира или пропаганда какъ разъ производятъ антиэстетическое, отталкивающее впечатлѣніе. Исключеніе представляетъ одна литература, такъ какъ слово можетъ служить и искусству и поученію и красотѣ и порицанію безобразія. Все это глубоко сознавалъ нашъ авторъ и ярко высказалъ въ первой сатирѣ, гдѣ прямо отказывается отъ тихаго созерцательнаго искусства, и объявляетъ, что его перомъ исключительно водитъ негодованіе. Если онъ вмѣстѣ съ тѣмъ—могучій поэтъ, то вовсе не въ силу этого онъ сатирикъ, а въ силу того, что будучи вынужденъ стать сатирикомъ, не можетъ скрыть въ себѣ поэта, какъ, отказавшаяся отъ свѣта, монахиня не въ силахъ скрыть своей дѣвственной красоты. Вотъ это то счастливое совпаденіе такъ высоко цѣнится въ Ювеналѣ.

Такая могучая и цѣльная натура, какъ Ювеналъ, не могла на ряду со всѣми истинными художниками, подпасть подъ то самоубійственное раздвоеніе, не оправдываемое ни логической сущностью дѣла, ни вѣковѣчнымъ опытомъ, которое въ теченіе столькихъ лѣтъ торжествовало въ нашемъ эстетическомъ ученіи: будто искусство обязано поучать и исправлять людей. Ювеналъ нетолько зналъ, что въ словесномъ искусствѣ, въ

отличіе отъ всѣхъ другихъ, является возможность и воспроизводить данные предметы, и выражать возбужденное ими въ писателѣ впечатлѣніе; но и пользовался послѣдней возможностію въ изумляющихъ размѣрахъ. Онъ говоритъ о современныхъ порокахъ съ пѣной у рту, но вопіетъ по невольному чувству, также какъ нервный человѣкъ, стоящій на берегу, можетъ предаваться отчаянью, при видѣ бѣдствій кораблекрушенія, которому онъ помочь, за полной невозможностью, и не помышляетъ.

Возвращаясь къ нашему сравненію, мы видимъ себя на необитаемомъ островѣ и поэтому невольно рождается вопросъ: съ кѣмъ же мы бесѣдуемъ? Очевидно съ тѣмъ благосклоннымъ читателемъ, который на своей одинокой лодочкѣ, завидя издали возводимое воспроизведеніе римскаго автора, направится къ нему по волнамъ окружающей насъ цензуры, существующей въ интересахъ того же читателя. А какъ интересы ихъ въ данномъ случаѣ солидарны, то обращаясь къ читателю, мы обращаемся и къ нашему цензору.

Читатель! прежде, чѣмъ вы вступите на нашъ необитаемый островъ, позвольте напомнить вамъ мудрый совѣтъ Гете: „кто хочетъ понять поэта, долженъ вступить въ страну поэта". Нравственная чистота поэтическихъ образовъ дѣло великое, но чистота эта зависитъ не столько отъ самыхъ предметовъ, сколько отъ отношеній къ нимъ художника и вслѣдствіе этаго отъ произведеннаго ими впечатлѣнія. По этому, приступая къ нашему зданію, не воздѣвайте рукъ съ выраженіемъ оскорбленнаго нравственнаго чувства.

Правда, нечего грѣха таить, Ювеналъ не церемонится съ предстоящими передъ нимъ картинами современнаго разврата; но ваши восклицанія, читатель, мы должны были бы счесть или жеманнымъ притворствомъ или совершеннымъ незнаніемъ. Если же, сойдя съ нашего острова, взлянуть на вашъ материкъ, куда мы нерѣдко ѣздимъ за провизіей, то окажется, что нравствен-

ная разшатанность тамъ никогда болѣе, чѣмъ въ настоящее время не подходила къ тому, противъ чего вопіетъ Ювеналъ.

Если же вы не знаете и не чувствуете, что красивыя статуи временъ упадка древней скульптуры и новѣйшіе французскіе романы представляютъ наготы въ соблазнительномъ видѣ, то и не поймете, что безнравственое на сторонѣ такихъ произведеній, а не на сторонѣ Ювенала. Если же и затѣмъ вы будете настаивать на томъ, что наготы совершенно безотносительно къ данному времени (безсмыслица) сами по себѣ не могутъ быть допускаемы, то мы укажемъ на творенія, находящія несравненно многочисленнѣйшій кругъ читателей и представляющія нерѣдко наготы, которымъ Ювеналъ могъ бы позавидовать, но которыми ни одинъ здравомыслящій не возмущается, чувствуя себя съ первыхъ строкъ перенесеннымъ совершенно въ другой міръ и другое міросозерцаніе. Если Ювеналъ съ такимъ ожесточеніемъ нападаетъ на извѣстные античные пороки, утратившіе въ новомъ мірѣ, съ измѣнившимся положеніемъ женщины, свою силу, то все остальное о мошенничествахъ, адвокатскихъ уловкахъ, попрошайствѣ, утратѣ высшимъ обществомъ художественныхъ инстинктовъ, обоготвореніи денегъ, приводящемъ къ несказаннымъ звѣрствамъ, словно списано — съ нашей современности. Можно обладать несомнѣннымъ даромъ карикатуры и сатиры, дающимъ возможность находить смѣшное и въ самыхъ прекрасныхъ и достойныхъ уваженія предметахъ. Но спросите у такого сатирика, во имя чего онъ бичуетъ то или другое? Гдѣ и каковъ его идеалъ? Увы! въ большинствѣ случаевъ этотъ идеалъ отсутствуетъ, а въ наилучшемъ самъ идеалъ мизернѣе и смѣшнѣе всякой карикатуры. Не таковъ идеалъ ювеналовской сатиры. Бичуя современныя уклоненія, Ювеналъ твердо вѣритъ въ коренную Римскую доблесть и здравомысліе. Мало того, онъ стоитъ на самой высотѣ стоическаго ученія, указывающаго не только на должное, но и на причины: почему?

Пусть для примѣра читатель прочтетъ сатиры XV ст. 131—158 и положа руку на сердце скажетъ: много ли въ сущности новѣйшая этика прибавила ясности и вѣрности въ своихъ основахъ? А вѣдь это высказано въ 27 стихахъ, а не въ цѣлыхъ томахъ!

Тѣмъ не менѣе признаемся, что всюду смягчили слишкомъ рѣзкія отдѣльныя выраженія, но смягчить самый текстъ невозможно тамъ, гдѣ бичеваніе извѣстнаго порока составляетъ содержаніе сатиры. Въ этомъ случаѣ смягчить значитъ или сочинить свою сатиру или совершенно вычеркнуть оригинальную, какъ мы это сдѣлали съ IX.

До сей минуты Ювеналъ дѣйствительно какъ бы вычеркнутъ изъ нашей литературы, въ которой рѣшались только „потолковать о Ювеналѣ“ его не читавши. Но на нашемъ островѣ подражательное зданіе возведено съ возможной близостью къ оригиналу, и читатель, не страшащійся холостой бесѣды древняго Рима, пусть оставитъ маску лицемѣрія въ своемъ челнокѣ и благодушно вступитъ въ пестрые корридоры ювеналовскихъ сатиръ.

Къ взаимному ободренію скажемъ, что по нашему зданію съ оригиналомъ въ рукахъ, проходилъ русскій знатокъ древностей, могущій противопоставить свое глубокое знаніе первымъ современнымъ знатокамъ въ Европѣ.

Тѣмъ не менѣе благоразумный читатель можетъ намъ замѣтить, что мы слишкомъ рано появляемся на рынокъ съ нашимъ товаромъ, на который спросу не предвидится. Мы до такой степени раздѣляемъ это мнѣніе, что изготовили нашъ товаръ въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Кому же мы мѣшаемъ, передавая, по выраженію Шопенгауэра, наши труды черезъ головы одного или многихъ поколѣній? Кто-нибудь да скажетъ покойнику спасибо; а главное, что, трудясь, онъ говорилъ его самъ себѣ.

Жизнь и творенія Ювенала.

При существовавшемъ у древнихъ способѣ сохраненія и распространенія литературныхъ произведеній, при отсутствіи печати, понятны тѣ вставки переписщиковъ, которыми изобиловали рукописи, и въ рукописяхъ, созданныхъ дружеской рукой по манускриптамъ самого автора, появлялись и варьянты той же самой мысли, выраженной послѣдовательно различными стихами. При такомъ положеніи дѣла и сжатости древнихъ, нельзя удивиться постоянной заботѣ грамматиковъ и схоліастовъ (толкователей) объ объясненіи самого текста, который будучи и тогда, въ сравнительно ближайшее время, мѣстами непонятенъ, явился бы для насъ чуть не пустымъ наборомъ словъ. Но и въ добросовѣстной работѣ древнихъ ясно выступаетъ различіе ихъ воззрѣнія на дѣло отъ нашего современнаго. Сосредоточивая вниманіе на сочиненіи, они мало занимались личностью и жизненными условіями автора, тогда какъ въ наше время критики ставятъ себѣ въ заслугу натащить все, даже никогда не предназначавшееся авторомъ къ обнародыванію, и выводить на свѣтъ такія біографическія подробности, которыя только усложняютъ задачу характеристики писателя. Въ наше время критики, какъ мухи, только засиживаютъ и портретъ и произведенія писателя.

Но, указанное нами у древнихъ, направленіе критики приводитъ къ совершенной безвѣстности личной жизни писателя, напр. нашего Ювенала, такъ что все, что мы съ большей или меньшей достовѣрностью въ состояніи высказать, является плодомъ соображеній новѣйшихъ критиковъ, а не основано на какихъ либо историческихъ свидѣтельствахъ.

Не вдаваясь въ цѣлый отдѣльный міръ Ювеналовской литературы съ его различными и порою противоположными выводами, дозволяемъ указать читателю на главныя артеріи этого дѣла и притомъ на столько, сколько необходимо для знакомства съ самимъ текстомъ. Между множествомъ рукопи-

сей, сохранившихъ до насъ текстъ, легко различить два класса. Изъ древнѣйшихъ текстовъ сохранился только Budensis или Pithaeanus, каторый изъ Офена (Буды), гдѣ главнымъ собирателемъ рукописей былъ Матѳей Корвинъ, перешелъ въ Montpellier въ библіотеку de l' école de medicine (№ 125.) Эта рукопись вѣроятно IX вѣка. Второй многочисленный классъ рукописей изобилуетъ тѣми недостатками, о которыхъ мы выше упомянули, происшедшими частію отъ излишной добросовѣстности, а частью отъ предпочтенія не ясно написанному и подчищенному тексту болѣе яркаго, хотя и менѣе вѣрнаго.

Для правильнаго пониманія какъ самаго текста, такъ и болѣе правдоподобной постановки главнѣйшихъ вопросовъ жизни нашего автора, весьма важно, что и самая литературная дѣятельность Ювенала видимо распадается на два періода. Въ первомъ онъ является безпощаднымъ сатирикомъ, не смягчаемымъ никакими обще-философскими размышленіями. Въ этомъ періодѣ онъ пишетъ картины гнуснаго разврата, безъ всякаго проблеска свѣта,— чернымъ по черному, а во второмъ онъ, какъ бы укрощенный годами и философскими размышленіями, отъ личной сатиры уже переходитъ къ общему обозрѣнію пороковъ и даже къ эпистолярному изложенію своихъ мыслей. Хотя сатиры носящія послѣдній характеръ и разбросаны по всему сочиненію, которое распредѣлено на пять книгъ, но онѣ явно принадлежатъ къ періоду жизни перешедшему 60-лѣтній возрастъ поэта, дожившаго до 80 лѣтъ. При разнообразіи воззрѣній на послѣдовательныя судьбы нашего поэта, мы могли бы безъ всякихъ затрудненій сунуть читателю то не многое, что намъ несомнѣнно извѣстно. Но мы считаемъ такое отношеніе къ дѣлу слишкомъ недобросовѣстнымъ и безцеремоннымъ. Если мы и ошибемся, то желаемъ хотъ указать, чѣмъ мы введены были въ ошибки. Чтоже наконецъ достовѣрно извѣстно изъ жизни Ювенала? То, что онъ родился въ Аквинумѣ (Aquinum) въ странѣ Вольсковъ, прошелъ систематически классы грамматики, риторики и философіи, былъ публичнымъ ораторомъ въ своемъ городѣ, затѣмъ при Домиціанѣ военнымъ *трибуномъ*, *Дуумвиромъ*, *Фламиномъ (жрецомъ) Божественнаго* Веспасіана, какъ видно изъ сохранившейся надписи, посвященной имъ на родинѣ въ храмѣ Цереры. Онъ былъ другомъ Марціала, пріятелемъ Стація и знакомымъ Квинтильяна. Былъ (вѣроятно въ качествѣ военнаго трибуна) въ Британніи и жилъ въ верхнемъ Египтѣ. Вотъ и весь скудный запасъ достовѣрныхъ извѣстій. Но расположить и ихъ въ сколько нибудь стройное и правдоподобное цѣлое можно только съ крайней осмотрительностію. Хотя въ одномъ

(Vita) жизнеописаніи сказано, что онъ *сынъ или воспитанникъ зажиточнаго вольноотпущеннаго*, но съ этимъ согласиться трудно. По всему тону его отношеній къ родовитымъ всадникамъ, по значительности занимаемыхъ имъ должностей, доступныхъ плебеямъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, даже по его надменному отзыву о брадобрѣѣ Циннамѣ (Сат. I. 1. 25.), получившемъ званіе всадника, послѣ того какъ онъ самому поэту брилъ бороду съ трескомъ, — надо предположить, что Ювеналъ сынъ всадника, или свободнаго гражданина изъ рода Юніевъ.

Чтобы читателю понятны были наши соображенія касательно извѣстныхъ лѣтъ жизни поэта, приводимъ таблицу лѣтъ царствованій, съ которыми такъ или иначе соприкасается дѣятельность Ювенала.

Клавдій	41— 54	по Р. Хр.
Неронъ	54— 68	" " "
Гальба, Оттонъ, Вителлій	68— 70	" " "
Веспасіанъ	70— 79	" " "
Титъ	79— 81	" " "
Домиціанъ	81— 96	" " "
Нерва	96— 98	" " "
Траянъ	98—117	" " "
Адріанъ	117—138	" " "
Антонинъ	138—161	" " "

Зная что XV Сатира написана 127 г. по Р. Хр. большинство критиковъ отсчитывая 80 лѣтъ жизни Ювенала, полагаетъ 47 годъ годомъ его рожденія. Но потому же расчету выходитъ, что Ювеналъ на 70 году своей жизни написалъ или издалъ VI сатиру, отличающуюся свойственной ему рѣзкостью тона, а затѣмъ перешелъ къ болѣе мирному настроенію и міросозерцанію. Конечно такіе рѣзкіе переходы встрѣчаются напр. въ Гафизѣ, но не на 8-мъ десяткѣ отъ рожденія.

A. Widal. Juvenal et ses satires (Paris 1870. p. XIV.) справедливо говоритъ: c'est le siécle de Domicien, c'est l'universelle perversité romaine sous cet effroyable tyran, qu'attaque et que stigmatie notre poëte. Равнымъ образомъ Тейффель указываетъ на необходимость предположить, что Ювеналъ прожилъ время Домиціана въ полномъ и зрѣломъ сознаніи. На этотъ фактъ необходимо опираться при разбирательствѣ дѣла. Нѣтъ надобности распространять этого положенія и на время Нерона, играющее у Ювенала второстепенную роль; ибо такимъ путемъ слѣдовало-бы допустить зрѣлость поэта и во времена Тиверія, съ которыми онъ, подобно Тациту могъ познакомиться по пись-

меннымъ и устнымъ преданіямъ, а въ могучемъ воображеніи у него недостатка не было. На основаніи всего этого мы рѣшаемся присоединиться ко мнѣнію *Вейднера*, принимающаго 57 г. по Р.Хр. за годъ рожденія Ювенала, чѣмъ устраняются всѣ несообразности. Такимъ образомъ Ювеналъ пережилъ царствованіе Домиціана будучи 24—39 лѣтъ и началъ писать 44 лѣтъ отъ роду, такъ что VI сатира, опредѣляемая 115-г. по Р. Хр. появленіемъ кометы, разлитіемъ Нифата и походомъ Траяна противъ Армянъ и Персовъ, написанна имъ приблизительно на 60 году отъ рожденія; а затѣмъ является и возможность перехода поэта къ болѣе кроткому отношенію къ окружающимъ событіямъ. Римская знать, по самому государственному устройству была покровительницей народа, носительницей государства, высшаго образованія и римской доблести. Кроткій въ началѣ царствованія Домиціанъ превратился въ неслыханнаго гонителя всего лучшаго и доблестнаго. Этого ни Тацитъ, ни Ювеналъ не могли ему простить. Они молчали, пока нельзя было говорить, но съ тѣмъ большимъ ожесточеніемъ накинулся Ювеналъ, при Нервѣ и Траянѣ, какъ на гонителя римской знати, такъ и на порочныхъ потомковъ этой знати, позорившихъ свои роды гнуснымъ развратомъ, вслѣдствіе неслыханной роскоши, побуждавшей ко всякимъ позорнымъ средствамъ наживы. Первая сатира, въ которой говорится объ осужденіи Марія Приска въ 100 году, очевидно написана позднѣе этого года. Также и IV, въ которой говорится о убіеніи Домиціана, не могла быть написана раньше Нервы или Траяна. Тоже можно сказать и о II Сат. гдѣ, говорится о развратѣ Домиціана съ племянницей Юліей. А если *Боргези* справедливо считаетъ упоминаемаго въ ней Гиспона консуломъ суффектомъ 101 г. по Р. Хр., то II Сат. должна быть написана по смерти Гиспона во времена Траяна; тоже можно сказать и объ остальныхъ Сат. первой книги. О времени писанія или обнародованія II книги, состоящей изъ огромной VI сатиры, мы уже говорили, что оно опредѣляется 115 или 116 годомъ по Р. Христовомъ. Не смотря на рѣзкость тона, подходящаго къ Сатирамъ I книги, сатира эта бросается въ глаза тѣмъ, что въ ней поэтъ съ одинаковымъ озлобленіемъ относится и къ ужаснымъ порокамъ и къ мелкимъ недостаткамъ. Конечно можно это отчасти объяснить старческой брюзгливостью холостяка, враждебнаго женскому полу, но невольно приходитъ и мысль, что эта сатира составлена на живую нитку изъ отдѣльныхъ сатирическихъ отрывковъ, почему и не носитъ въ себѣ характера стройнаго цѣлаго.

Съ третьей книгой, содержащей VII, VIII и IX сатиры, на-

чинается упомянутый нами періодъ обобщающей рефлексіи. Преслѣдуются уже не отдѣльныя преступленія, а общіе пороки, которымъ по правиламъ нашего поэта, придаются имена людей уже умершихъ. Тѣмъ не менѣе жалобы на скупость патроновъ, на упадокъ старой знати, на разореніе провинцій вызываются въ нихъ дѣйствительнымъ а не вымышленнымъ зломъ.

Время сочиненія сдержанныхъ сатиръ остальныхъ IV и V книгъ слѣдуетъ отнести къ періоду отъ 112 до 116 г. по Р. Христ., отнеся и редакцію второй къ тому же 116 году, когда по свидѣтельству самого поэта(XIII. 16) ему перешло за 60 лѣтъ. Адріанъ былъ великій покровитель наукъ и искусствъ и надежда на Цезаря, въ противоположность съ потерявшей всякую эстетическую потребность аристократіей, видимо возлагается на Адріана при вступленіи его на престолъ. Въ жизни Ювенала есть событіе, связанное съ его поэтической дѣятельностію и требующее тщательнаго разсмотрѣнія. Мы говоримъ о его ссылкѣ. Одни считаютъ мѣстомъ ея Британію, а другіе Египетъ. Ювеналъ въ качествѣ военнаго трибуна дѣйствительно служилъ въ Британіи въ концѣ царствованія Тита или при началѣ Домиціанова. Но есть доказательство, что въ 84 г. по Р. Х. онъ снова былъ уже въ Римѣ; тогда какъ по собственному свидѣтельству въ XV сатирѣ, онъ былъ очевидцемъ людоѣдства въ Египтѣ. Если принять въ соображеніе, что Сидоній Аполлинарій сравниваетъ его участь съ участью Овидія, то надо прійти къ заключенію, что ссылка его была пожизненной. При этомъ Сидоній Аполлинарій указываетъ и на поводъ къ такой ссылкѣ. Ювеналъ постоянно раздражался актерскимъ притворствомъ и при первомъ удобномъ случаѣ изливалъ на мимовъ свою желчь. Народъ возбужденный стихами Ювенала встрѣтилъ любимца Императора шиканьемъ и быть можетъ прокричалъ ему злобный стихъ. Подъ Сат. VII ст. 92. схоліи объясняютъ, что за этотъ стихъ Ювеналъ былъ сосланъ Клавдіемъ Нерономъ. Это примѣчаніе находится во всѣхъ жизнеописаніяхъ съ тою разницей, что вмѣсто Нерона упоминается то Домиціанъ, а то и Траянъ. Такъ какъ, допустивъ, что Ювеналъ родился въ 57 году по Р. Х., нечего и думать о Неронѣ, Веспасіанѣ или Титѣ, то остаются только Домиціанъ, Траянъ и Адріанъ.

Въ схоліи къ I кн. говорится о ссылкѣ Ювенала Домиціаномъ на одинъ изъ Верхне-Египетскихъ оазисовъ, служившихъ мѣстами заточенія, а приводимый Сидоніемъ актеръ, по его мнѣнію, часто упоминаемый Ювеналомъ Парисъ. Но Парисъ приревнованный Домиціаномъ къ своей супругѣ, былъ въ 83 году публично убитъ на улицѣ и потому ссылка Ювенала дол-

жна была предшествовать этому событію. Если же предположимъ, что по смерти Париса, поэтъ въ скорости былъ возвращенъ, то нельзя объяснить его позднѣйшей ненависти къ Домиціану и знанія всѣхъ подробностей римской жизни, не говоря о томъ, что его поэтическая дѣятельность проявляется уже послѣ смерти Домиціана. Кромѣ того письмо Марціала, написанное въ 91 или 92 году къ Ювеналу, предполагаетъ пребываніе его въ Римѣ или Аквинумѣ. Очевидно, что какъ поводъ къ ссылкѣ такъ и мѣсто заключенія въ Египтѣ могли быть вѣрно угаданы составителями жизнеописаній, но имена императоровъ выставлялись невѣрно и притомъ годъ ссылки 132 по Р. Хр. смѣшанъ съ годомъ смерти поэта. По нашему же исчисленію поэтъ отправился въ ссылку 65 лѣтъ отъ роду и слѣдовательно пробылъ тамъ 15 лѣтъ, доживъ до царст. Антонина. Подобнымъ ударомъ судьбы объясняется и нравственное потрясеніе, надломившее сатирика и перемѣна въ его тонѣ и міросозерцаніи. Что приводимый схоліастами поводъ къ изгнанію могъ имѣть мѣсто и при Адріанѣ, можно допустить, судя по нѣжной страсти послѣдняго къ Антиною.

Такимъ образомъ, провѣривъ вмѣстѣ съ нами весь матеріалъ жизнеописаній нашего поэта, читатель придетъ къ слѣдующимъ болѣе вѣроятнымъ выводамъ. Родившійся въ наслѣдственномъ, отъ благородныхъ родителей, Аквинумѣ въ 57 г. по Р. Х. Ювеналъ, получивши полное образованіе доступное высшему сословію, предавался ораторскому искусству, занималъ почетные должности, между проч. и военнаго трибуна въ Британіи и лишь со смертію Домиціана, вслѣдствіе накипѣвшаго негодованія, предался сатирѣ, а въ царствованіе Адріана, попалъ на 65 году отъ рожденія въ вѣчное заточеніе, гдѣ хотя и продолжалъ писать, но видимо съ ослабѣвшимъ жаромъ и рѣзкостью, доживъ до 80 лѣтъ.

Д. ЮНІЯ ЮВЕНАЛА

КНИГА ПЕРВАЯ

Сатира I.

Вѣкъ ли мнѣ слушать другихъ? когда жь отдохну я отъ стольких [1])
Мукъ, причиняемыхъ мнѣ Тезеидой охрипшаго Корда? [2])
Иль безнаказанно мнѣ вонъ тотъ все драмы читаетъ
Этотъ элегіи? Иль безнаказанно день мой похитятъ
Телефъ громадный, или, хоть тѣсно написанный въ книгѣ,
На оборотѣ еще Орестъ до конца не дошедшій? [5])

САТ. I.

Эта сатира является какъ бы предисловіемъ ко всему собранію. Въ ней объясняется во первыхъ, что стихотворная дѣятельность Ювенала служитъ ему какъ бы местію за мученія, выносимыя отъ всеобщей страсти писать и читать свои произведенія. Сатирическій же родъ вынужденъ негодованіемъ къ окружающимъ безобразіямъ. Въ видахъ опасностей грозящихъ сатирику, онъ рѣшается не трогать живыхъ.

[1]) Во времена Домиціана, при упадкѣ общественныхъ интересовъ, введенныя Азиніемъ Полліономъ публичныя чтенія поэтовъ, подстрекаемыхъ самолюбіемъ достигли карикатурныхъ размѣровъ; такъ что, по свидѣтельству Плинія, въ Апрѣлѣ непроходило дня, чтобъ кто либо не читалъ. При этомъ пережовывались античные греческіе миѳы до пресыщенія. Ювеналъ говоритъ о т д о х н у, такъ какъ большія произведенія читались по нѣскольку дней къ ряду.

[2]) Тезеида, какъ Энеида, Ахиллеида и т. д., поэма о Тезеѣ неизвѣстнаго поэта Корда, которого не должно смѣшивать съ историкомъ того же имени.

[5]) Царь Мизійскій Т е л е ф ъ, раненый копьемъ Ахиллеса, долженъ былъ получить исцѣленіе отъ прикосновенія того же копья. Тему эту Энній обработалъ по Еврипиду, а Акцій по Эсхилу. Сочиненіе объ Орестѣ такъ пространно, что хотя послѣдній листъ и поля и даже на оборотѣ листа все исписано, но конца все таки нѣтъ.

Лучше собственный домъ ни кому не знакомъ, чѣмъ мнѣ роща
Марса, или пещеры Вулкана въ сосѣдствѣ не дальнемъ [8]
Отъ эоловыхъ скалъ. Что вѣтры творятъ; что за тѣни [9]
Мучитъ Эакъ, отколь золотое руно похищаетъ
Тотъ-то, какими большими дубами швыряется Монихъ, [11]
Восклицаютъ платаны Фронтона и мраморы съ дрожью [12]
Постоянной и вѣчно чтецомъ пронятыя колонны.
Жди того же отъ первыхъ и отъ послѣднихъ поэтовъ.
Вѣдь и мы жъ ферулѣ ладонь подставляли и мы же
Суллѣ давали совѣтъ, покинувши должность, глубоко
Спать; снисхожденіе глупое, натыкаясь повсюду
На вдохновенныхъ, щадить обреченную сгибнуть бумагу. [18]
Но почему я избралъ для бѣга то именно поле,
Гдѣ великій питомецъ Аврунки правилъ конями,

---

[8]) Роща Марса въ Колхидѣ, гдѣ драконъ стерегъ золотое руно.

[9]) Описанія бурь и подземнаго царства, въ которомъ тѣни подвергаются суду Эака.

[11]) Центавръ Монихъ въ битвѣ съ Лапитами.

[12]) Богатый домовладѣлецъ Фронтонъ, обсадившій переднюю часть дома платанами, предоставлялъ свою мраморную залу поэтамъ, потрясавшимъ стѣны и колонны своими чтеніями.

[15]) Если всѣ сочиняютъ стихи, то и я, говоритъ поэтъ, подставлялъ руки подъ ферулу, т. е. учился грамматикѣ, и въ качествѣ ученика ритора подавалъ, за 100 лѣтъ умершему, Суллѣ совѣты.

[18]) Слово vates, здѣсь употреблено съ видимой ироніей, ибо при Энніѣ оно было презрительно, относясь къ сатурнинскимъ поэтамъ, но съ Горація получило значеніе вдохновеннаго, какъ мы и переводимъ. Воздерживаться исписывать бумагу, которую все равно измараютъ бездарные писаки.

[20]) Объясненіе причинъ заставившихъ писать Сатиры. Родоначальникъ римскихъ Сатиръ, Луцилій родился въ латинскомъ городѣ Суэссѣ Аврункѣ. Ювеналъ часто прибѣгаетъ къ риторическому обходу прямыхъ наименованій и здѣсь изображаетъ дѣятельность Луцилія въ видѣ военного поприща.

Если есть время у васъ и терпѣніе слушать, открою.
Коль худощавый кастратъ беретъ супругу, коль, груди
Обнажая, копьемъ кабановъ колетъ Мевія тусскихъ, [24])
Коли патриціевъ всѣхъ своими богатствами дразнитъ
Тотъ, кто юношѣ мнѣ брилъ скучную бороду съ трескомъ,
Коли у Нила рожденный плебей, коль рабъ изъ Канопа, [26])
Коли Криспинъ на плечѣ поправляетъ накидку изъ Тира, [27])
Потною лѣтомъ рукою съ кольцомъ золотымъ помаваетъ
И не въ силахъ поднять поувѣсистѣй камня цвѣтнаго,
Трудно тогда сатиръ не писать. Ибо кто же на столько
Подлость выноситъ, на столько желѣзенъ, чтобъ удержаться,
Коли новыя стряпчаго идутъ носилки Матона [32]),
Полныя имъ; а за нимъ доносчикъ на важнаго друга, [33])
Тотъ, что скоро похититъ у знати оглоданной всюду

---

24) Въ амфитеатрѣ, въ костюмѣ амазонки, забывая прямое назначеніе римской женщины, не извѣстная намъ Мевія поражаетъ тосканскаго кабана.

25) Тотъ вѣроятно Циннамъ, который по свидѣтельству Марціала VII. 64. изъ брадобрѣевъ помилости госпожи попалъ во всадники. На подобныхъ выскочекъ Римъ смотрѣлъ не дружелюбно.

26) Канопъ, Египетскій городъ при устьяхъ Нила.

27) Криспинъ, смотр. Сат. IV. I., выведенный въ люди Домиціаномъ, разыгрываетъ знатнаго щеголя.

32) Тучный адвокатъ Матонъ, конечно разжился не защитою правыхъ дѣлъ. Въ такихъ носилкахъ (портшезахъ) обыкновенно было два мѣста, а толстякъ наполняетъ ихъ одинъ.

33) Можно предполагать, что непоименованный здѣсь доносчикъ – знаменитый при Домиціанѣ М. Аквилій Регулъ, былъ еще живъ во время написанія этой сатиры.

Что осталось, котораго Масса боится и мажетъ
Каръ дарами, Латинъ же Тимелой дрожа ублажаетъ.
Коль тѣснятъ тебя тѣ, что завѣщанья стяжали [37]
Ночью, которыхъ до неба взвела наилучшая нынѣ
Къ высшему благу дорога—лоно богатой старухи?
Прокулею двѣнадцатую лишь часть, а одинадцать Гиллу,
Каждый получитъ свое по мѣрѣ усердья въ наслѣдство.
Подлинно пусть получаетъ награду за кровь и на столько
Блѣденъ, какъ тотъ, что ступилъ на змѣю разутой ногою,
Или какъ риторъ, что спорить идетъ къ алтарю Лугдунума. [44]
Что говорить, какой загорается злобою печень,
Какъ толпой провожатыхъ народъ раздвигаетъ грабитель,
Развратившій питомца, а здѣсь приговоромъ безплоднымъ
По суду (что значитъ безчестье, коль денежки цѣлы?)
Изгнанный Марій съ полудня ужь пьетъ, не смущаяся божьимъ
Гнѣвомъ; а ты, одержавъ и побѣду, провинція плачешь!

---

35) Бэбій Масса, въ 70 г. п. Р. Хр., прокураторъ Африки, былъ при Домиціанѣ наглѣйшимъ доносчикомъ; такимъ же извѣстнымъ доносчикомъ былъ и Каръ. Актеръ Латинъ, бывшій въ великой милости у Домиціана и жившій въ интимности съ актрисой Тимелой, настолько боится всемогущаго доносчика, что подсылаетъ ему свою Тимелу.

37) Такъ перевели мы summoveant, тѣснятъ съ пути, какъ ликторъ предшествующій власти.

44) По свидѣтельству Светонія, въ Лугдунумѣ (Ліонѣ), у алтаря Августа, при Калигулѣ было состязаніе между Латинскими и Греческими ораторами, при чемъ не понравившихся бросали въ Рону.

50) Марій Прискъ ограбилъ Африку, какъ нѣкогда Верресъ Сицилію и обвиненный Плиніемъ во взяточничествѣ, осужденъ былъ на изгнаніе.—Провинціи мало радости, что она на судѣ одержала верхъ, когда ей приходится голодать въ то время, какъ изгнанный Марій пьетъ цѣлый день на награбленныя деньги.

Этого ль я не сочту Венузинской достойнымъ лампады? [51])
Этого ль не подыму? Ужели скорѣй про Иракла
Иль Діомеда стану твердить или рёвъ лабиринта [53])
И какъ мальчикъ потрясъ пучину, а—мастеръ пронесся, [54])
Если самъ мужъ забираетъ добро любодѣя.—коль права
Нѣтъ у жены получить,—смотрѣть въ потолокъ ужь привычный
И привычный за чашей храпѣть не дремлющимъ носомъ;
Если считаетъ себя способнымъ править когортой,
Кто въ вертепы добро свое сдалъ и съ цензомъ отцовскимъ
Простъ, кто на быстрой оси по Фламинской дорогѣ несется
Юноша Автомедонъ, потому что держитъ самъ вожжи,
Чтобъ передъ милой хвастнуть, носящей мужскую накидку?
Не захочется ли исписать большія таблицы
На перекресткѣ, когда того шесть затылковъ проносятъ,
Кто, виднѣясь оттоль и отсель въ чуть скрытыхъ носилкахъ
И отвалясь Мецената напоминая отчасти,

---

[51]) Этого ли не сочту достойнымъ Сатиры Горація (Венузинскаго уроженца)?

[53]) Ревъ Минотавра въ Критскомъ лабиринтѣ. Страшный сынъ жены царя Миноса Пазифаи и быка, высланнаго Нептуномъ изъ моря, Минотавръ убитъ Тезеемъ.

[54]) Дедалъ, любовникъ Пазифаи, искусный мастеръ-механикъ, улетѣлъ отъ Миноса съ своимъ мальчикомъ Икаромъ, упавшимъ въ море.

[55]) По закону Воконія Сакса замужняя не могла при мужѣ получить значительной суммы по завѣщанію, поэтому мужъ устраиваетъ такъ, чтобы завѣщено было ему.

Руки поддѣлывалъ, кто богатъ сталъ и пышенъ отъ малыхъ
Только таблицъ, и притомъ отъ печати слегка подмоченой? [68])
Знатная дама бѣжитъ, которая нѣжнымъ Каленскимъ
Жажду супруга поя, подмѣшала и яду отъ жабы
И научила неопытныхъ родственницъ лучше Лукусты, [71].)
Черезъ говоръ толпы, мужей выноситъ почернѣвшихъ.
Ты на такое дерзни, что тюрьмы иль Гіара достойно, [73])
Если желаешь чѣмъ быть, а честность и хвалятъ, да морятъ.
Преступленья цѣной сады, дворцы со столами,
Старое серебро и козелъ изъ кубка торчащій. [76])
Кто можетъ спать, коль сноху подкупаетъ иной соблазнитель,
Гнустные браки свершаются и любодѣйствуетъ мальчикъ?
Если природа не дастъ, то негодованіе сложитъ
Стихъ, какой ни на есть, какъ мой или Клувіена.
Съ дней какъ Девкаліонъ по вздутому ливнями морю
На гору всплылъ въ кораблѣ и себѣ испросилъ изреченій [82])
И понемногу душей согрѣлись покорные камни
И мужамъ нагихъ представила дѣвушекъ Пирра.

---

68) Отъ ничтожныхъ клочковъ бумаги съ фальшивой записью и поддѣльными печатями.

71) Лукуста, знаменитая ядосмѣсительница, служившая Агриппинѣ и Нерону.

73) Добиться успѣха можно только великимъ преступленіемъ, за которое попадешь въ ссылку на Гіаръ: небольшой островъ Эгейскаго моря.

76) Мастерское изображеніе рельефа на кубкѣ.

80) Клувіенъ неизвѣстный, плохой стихотворецъ.

82) Девкаліонъ, всплывъ съ ковчегомъ на Парнасъ, вопрошаетъ оракула (Ѳемиды).

Все что волнуетъ людей, желанья, страхъ, гнѣвъ, наслажденье,
Радость и суета для книжки моей все покормка.
И когда же былъ скопъ пороковъ полнѣй? И когда же
Алчность такъ нараспашку бывала? Когда же играли
Съ рвеньемъ такимъ? Вѣдь не ходятъ теперь къ столу роковому
Съ кошелькомъ, а поставятъ ужъ цѣлый сундукъ да играютъ.
Что за сраженія тутъ увидишь, когда казначей то
Оруженосцемъ! Простое ль безуміе, сотни сестерцій[92])
Проигравши, туники жалѣть рабу, что продрогнулъ?
Кто изъ дѣдовъ столько виллъ воздвигалъ, кто изъ нихъ въ одиночку
Семь съѣдалъ перемѣнъ? Теперь скупая подачка
На порогѣ сидитъ, нарасхватъ у столпившихся граждан,
А хозяинъ-то прежде заглянетъ въ лице и трепещетъ,
Чтобъ ты обманно не шелъ, не просилъ подъ именемъ ложнымъ.
Если ты узнанъ—бери. Глашатому вызвать велитъ онъ
Самыхъ потомковъ Троянъ, (и они обиваютъ пороги

---

[92]) Сто (фунтовъ сестерцій) приблизительно 5000 руб. сер.

[95]) Sportula—собственно корзиночка съ остатками отъ трапезы, вручавшаяся патрономъ приходившему клієнту. Но во времена богатства такая подачка изъ натуральной превратилась въ денежную, возбуждая съ одной стороны жадность кліентовъ, получавшихъ подачку у дверей многихъ патроновъ, а съ другой скупость, такъ какъ при императорахъ кліенты уже не могли приносить прежней пользы патрону.

[100]) Принимая мѣры, противъ самозванныхъ кліентовъ, надменный патронъ заставлялъ глашатая (швейцара) выкликать людей захудалыхъ древне-Троянского (отъ Энея) происхожденія.

Вмѣстѣ съ нами) „Дай претору, дай затѣмъ и трибуну!“[101])
Но впереди отпущенецъ „Я раньше, кричитъ, дожидаюсь;
Что мнѣ бояться, смутясь отстаивать мѣсто, хотя я
У Эвфрата рожденъ, въ чемъ женскія въ ухѣ окошки [104])
Признакъ прямой, хоть я отрицай? Но пятеро лавокъ
Мнѣ богатство даютъ; чѣмъ пурпуръ лучше поможетъ
Выпросить, если Корвинъ наемныхъ овецъ караулитъ
На Лаврентинскихъ поляхъ, а я состояньемъ богаче
Палласа или Лициновъ.“—Такъ пусть подождутъ ужъ трибуны, [109])
А богатство впередъ, пусть чести святой не уступитъ
Тотъ, кто съ бѣлыми въ городъ недавно прибылъ ногами, [111])
Разъ, что богатство у насъ священнѣйшее изъ величествъ,
Хоть досель еще вы, губители деньги во храмѣ
Не живете и мы алтарей не воздвигли монетѣ,
Какъ въ честь Мира, и Вѣрности, Доблести или Побѣды
Или Согласья, что намъ на поклоны съ гнѣзда то стрекочетъ. [116])

---

101) Поздравлять приходятъ и чиновники.

104) Разбогатѣвшаго лавочника, эѳіопа легко узнать по сергамъ въ ушахъ (насмѣхъ обзываемымъ окошками). Опираясь на богатство, онъ не хочетъ уступить мѣста чиновнымъ и породистымъ, когда такой родовитый человѣкъ какъ Корвинъ, — вынужденъ наниматься въ пастухи къ Лаврентинскому (въ Лаціумѣ) землевладѣльцу.

109) Палласъ, камердинеръ императ. Клавдія, составилъ себѣ состояніе въ 20 милліоновъ руб. сер. Лицинъ, рабъ Цезаря, вывезенный изъ Галліи. Ставши прокураторомъ на родинѣ, онъ нажилъ громадное богатство. Здѣсь множествен. число только указываетъ на подобныхъ ему людей.

111) Рабамъ, выставляемымъ на продажу, для видимости, бѣлили мѣломъ ноги.

116) Это мѣсто объясняютъ тѣмъ, что на храмѣ Согласія жилъ на гнѣздѣ аистъ, стрекотаніе котораго было слышно набожно остановившемуся для молитвы.

Но коли высшій чиновникъ ужъ къ новому году смекаетъ,
Много ль подачка внесетъ и что къ содержанью прибавитъ,
Что жь подчиненнымъ-то дѣлать, которыхъ тутъ платье и обувь,
Хлѣбъ и топка въ дому? Толпа носилокъ за сотней
Ищетъ пробиться грошей и тутъ же слѣдомъ за мужемъ
Хворую или на сносѣ жену таскаютъ повсюду.
Онъ и отсутствующей съ извѣстной уловкою проситъ,
Вмѣсто жены указавъ, на пустое, закрытое кресло.
„Вонъ моя Галла, кричитъ, скорѣй отпускай; ты въ раздумьи?
Галла, голову высунь!“—Нетрогай, она почиваетъ.
Самый день раздѣляется чуднымъ порядкомъ занятій:
Вотъ подачка, тутъ форумъ съ искуснымъ въ судахъ Аполлономъ [128])
И тріумфаторы, средь которыхъ дерзнулъ, я незнаю
Съ правомъ какимъ, Египтянинъ стоять, начальникъ Арабовъ,
Предъ изваяніемъ чьимъ не только мочиться прилично...
Старые отъ преддверья уходятъ уставши кліенты.
Оставляя мечты, хотя надежда питанья
Крѣпче всего у людей: капустки да дровъ купитъ бѣдный.

---

125) Ловкій проситель, желая получить вдвойнѣ, разыгрываетъ комедію передъ пустыми креслами закрытыхъ носилокъ.

128) Статуя Аполлона на форумѣ до того наслушалась судоговореній, что Аполлонъ сталъ ученымъ юристомъ.

130) По обѣимъ сторонамъ форума Августъ поставилъ статуи знаменитыхъ Римлянъ, въ костюмахъ тріумфаторовъ. Между ними, къ негодованію Ювенала, помѣстилась, вѣроятно во времена Нерона или Домиціана, статуя арабскаго вождя. Слѣдующій стихъ предполагаетъ продолженіе: но и—

Лучшее изъ лѣсовъ и морей между тѣмъ поглощаетъ
Ихъ владыка, на ложахъ пустыхъ одинъ развалившись.
Но надъ пышнымъ, широкимъ и древнимъ столомъ поглощаютъ
За одинокой трапезой теперь достоянiе предковъ.
Нѣтъ прихлебателей больше. Но выдержать кто же способенъ
Гнусную роскошь такую? И глотка какая жь, коль проситъ
Цѣлаго вепря, животное, что для пировъ и родится!
Но наказанiе ждетъ, когда ты скидаешь одежду,
Вздутый и не сваря павлина въ баню приносишь.
Тутъ внезапная смертъ и безъ завѣщанiя старость;
И не печальная, свѣжая новость пиры всѣ обходитъ,
Да хоронятъ его при плескахъ друзей раздраженныхъ. [146])
Нечего будетъ наддать, прибавить потомкамъ ко нравамъ
Нашимъ; хотя бъ и старалися тоже творить,—да отстанутъ,
Все на вершинѣ пороковъ стоитъ; берись за вѣтрила.
Всѣ распусти паруса! Быть можетъ ты спросишь: „Откуда
Равенство силъ съ содержаньемъ? Откуда та милая древнимъ,
Въ пылкой о чемъ бы душѣ писать ни возникло желанье,
Простота, которой по имени звать не дерзаю [153])?

---

[146]) Друзей раздраженныхъ несбывшимися ожиданiями.

[150]) Напрягай всѣ силы для описанiя всѣхъ безобразiй. Вопросъ только въ томъ соотвѣтствуютъ ли богатству содержанiя и другiя условiя для сатиры.

[153]) Онъ не смѣетъ сказать: свобода. Луцилiю въ свое время можно было не спрашивать доволенъ ли знатный Муцiй сатирами? Но попробуй поставить

Что за дѣло доволенъ ли Муцій написаннымъ, нѣтъ ли?
Предположи Тигеллина: такъ факеломъ тѣмъ же засвѣтишь,
Коимъ пылая стоятъ въ дыму съ пронзенною грудью,
И широкій слѣдъ проложишь собой по аренѣ.“ [157])—
Стало-быть, кто поднёсъ тремъ дядямъ яду, поѣдетъ
Лежа на пышномъ пуху и меня съ высоты озирая?—
„Какъ повстрѣчаешься съ нимъ, сдержи уста свои пальцемъ:
Станетъ доносчикомъ тотъ, кто вымолвитъ слово: *вотъ этотъ.*
Безопасно спустить со свирѣпымъ Рутуломъ можешь
Ты Энея, не будетъ бѣды отъ убійства Ахилла
Или отъ поисковъ Гила, который ушелъ за сосудомъ [164]);
Но какъ съ голымъ мечемъ, лишь пылкій помчится Луцилій,
Слушатель краской горитъ, коль сердце его холодаетъ
Отъ преступленій и съ тайной вины его потъ прошибаетъ.

на мѣсто Муція гнуснаго друга Неронова Тигеллина, то и придется или представлять факелъ Нерона или быть растерзаннымъ звѣрями въ циркѣ и выволоченнымъ изъ него багромъ.

157) Сгорѣвшаго на колу нельзя затѣмъ протащить по аренѣ, поэтому въ виду соединительнаго *et—и*, стихъ этотъ внушаетъ комментаторамъ подозрѣніе въ искаженности. Разрѣшеніе предоставляемъ будущимъ критикамъ.

160) Въ глазахъ разбогатѣвшаго злодѣя ты прослывешь доносчикомъ, если на него укажешь.

164) Ты можешь безопасно описывать бой Энея съ княземъ Рутуловъ Турномъ, пораженіе Ахиллеса или поиски Геркулеса, сошедшаго на берегъ, съ товарищемъ Аргонавтомъ-Полифемомъ и красавцемъ Гиломъ, вырубить весло. Гила, ушедшаго съ кувшиномъ по воду, увлекли рѣчныя нимфы, а пока Геркулесъ съ Полифемомъ (не Циклопомъ) его разыскивали, корабль Арго—ушелъ.

Вотъ причина и гнѣва и слезъ. Обдумай же въ духѣ
Все ты до трубъ. Сожалѣть же о битвѣ, шлемъ ужъ надѣвши
Поздно".—Попробую, что дозволено будетъ надъ тѣми,
Коихъ прахъ на Фламинской дорогѣ покрытъ и Латинской.

САТИРА II.

За Сарматовъ отсюда готовъ убѣжать и за льдистый [1])
Я Океанъ, каждый разъ какъ дерзаютъ судачить про нравы
Тѣ, что Куріевъ корчатъ, живя посреди Вакханалій [3]).
Неучи прежде всего; хоть найдешь у нихъ ты повсюду [4])
Въ гипсѣ Хризиппа; затѣмъ что у нихъ совершеннѣйшій тотъ лишь,

---

170) Между кавычками говоритъ какъ бы пріятель, предупреждающій поэта, чтобы онъ, пускаясь въ сатирическую битву, сообразилъ всѣ обстоятельства до сигнальныхъ трубъ, т. е. до начала подвига. Но мы готовы вторую половину мысли отъ слова: сожалѣть, принять не за продолженіе увѣщанія, а за отвѣтъ поэта: что онъ уже настолько вооруженъ, что ему поздно отказываться отъ борьбы. Но онъ полагаетъ себѣ осторожнымъ правиломъ, не касаться живыхъ личностей или тѣхъ, которыхъ близкіе еще живы.

САТ. II.

Сатира эта какъ бы представляетъ соотвѣтствіе съ VI, въ которой выставляются пороки и не достатки женщинъ; такъ какъ настоящая устами женщины говоритъ о порокахъ мужчинъ, тѣмъ болѣе гнусныхъ, что они прикрываются лицемѣрными личинами. Отвратительныя картины мѣтятъ на времена Нерона и преимущественно Домиціана, имѣвшаго безстыдство постановлять строгіе законы цѣломудрія и возобновить законъ Августа, ограждающій бракъ (lex Julia), тогда какъ самъ состоялъ съ родной племянницей Юліей въ порочной связи.

1) За предѣлами Скиѳскихъ или Сарматскихъ племенъ Ювеналъ представляетъ себѣ ледовитый океанъ.

2) Катонъ и М. Курій Дентатъ и у Горація od. 1. 12. 41. выставляются образцами строгой нравственности.

4) Люди не изучавшіе философіи, а выдающіе себя за мыслителей.

5) Питтакъ Митиленскій одинъ изъ семи мудрецовъ. Х р и з и п п ъ и Клеантъ стоики.

Кто рисунки купилъ съ Аристотеля или съ Питтака,
И караулить велитъ свою полку Клеантовымъ снимкамъ.
Не довѣряй ты лицу: какой кварталъ не исполненъ
Грустныхъ ярыгъ? Ты гнусность караешь, тогда какъ ты самъ-то
Средь нечестивцевъ Сократовскихъ всѣмъ извѣстная яма.
Хоть шершавые члены и руки въ волосѣ жесткомъ
Духъ суровый сулятъ, однако съ блестящаго заду
Съ хохотомъ медикъ снимаетъ наплывшія, гадкія груши.
Рѣчи за рѣдкость у нихъ, къ молчанью большая охота
И короче бровей волоса. Правдивѣй однако
И гораздо прямѣй Перибомій; его на судьбу я
Радъ свалить, — онъ лицемъ и походкой недугъ заявляетъ [17]).
Ихъ простота снисхожденья достойна, имъ отпущеньемъ
Ихъ безумство; но тѣ гораздо хуже, что рѣчью
Геркулесовской это громятъ и, вѣщая про доблесть,
Задомъ вертятъ. „Стану ль, Секстъ вертогузый, тебя уважать я?“ [21])
Такъ позорный Вариллъ говоритъ: „чѣмъ я хуже тебя-то?“
Кривоногому смѣйся прямой, Эѳіопу самъ бѣлый:
Кто бы стерпѣлъ, еслибъ Гракхи на возмущенье роптали? [24])

---

15) Стрижка подъ гребенку, какъ знакъ невниманія ко внѣшности.

17) Радъ признать, что по волѣ судьбы таковъ отъ природы Перибомій, по схоліямъ, одинъ изъ жрецовъ Цибелы, славившихся вообще развратомъ.

21) Секстъ и Вариллъ неизвѣстны.

24) Гракхи трибуны возмущавшіе народъ.

Кто не смѣшалъ бы неба съ землей и моря то съ небомъ,
Если бъ не нравился Верресу воръ, убійца Милону [26]),
Клодій сталъ любодѣевъ винить, Катилина Цетега,
И хулили втроемъ подражатели Суллы таблицу? [28])
Вотъ недавно еще запачканъ трагической связью [29])
Былъ любодѣй, тотъ горькій для всѣхъ законъ обновившій,
Что опасенъ былъ бы даже и Марсу съ Венерой,
Въ дни, какъ многими средствами Юлія въ тягостяхъ чрево
Облегчивши, извергла на дядю похожіе комья.
И не вправѣ-ль затѣмъ послѣднія твари поддѣльныхъ
Скавровъ вполнѣ презирать и на всякій укоръ огрызаться?
Не снесла одного изъ такихъ Ларонія мрачныхъ [36]),
Восклицавшихъ не разъ: гдѣ-жь законъ Іюліанскій? ты дремлешь?
И отвѣчала смѣясь: „Счастливое время, въ которомъ
Нравовъ блюстителемъ ты! и въ Римѣ ужъ стыдъ будетъ вѣдомъ.

---

26) Верресъ, обвиненный Цицерономъ въ ограбленіи Сициліи въ качествѣ претора; Милонъ, защищаемый Цицерономъ, убійца Клодія. Клодій, смотр. сат. VI ст. 336., въ 693 г. отъ. о. Рим., одѣвшись арфянкой, прокрался въ домъ Цезаря (бывшаго тогда преторомъ), въ то время когда женщины справляли оффиціальное празднованіе въ честь Bona Dea. За что Цезарь изгналъ жену свою (Помпею). Цетегъ сообщникъ Катилины.

28) Тріумвиры Антоній, Октавіанъ и Лепидъ, продолжавшіе таблицы проскрипцій времени Суллы.

29) Трагической—возбуждающей ужасъ. Здѣсь указывается на преступную связь Домиціана съ родной племянницей Юліей, дочерью Тита, сперва еще при жизни ея мужа Флавія Сабина, а затѣмъ послѣ его казни, совершенно открыто. При чемъ дядя Домиціанъ принудилъ ее къ вытравленію плода; а между тѣмъ онъ издавалъ строгіе законы противъ безнравственности и возобновилъ законъ Августа (lex Iulia de adulteriis), передъ которымъ пришлось бы дрожать Венерѣ и Марсу за ихъ любовныя продѣлки.

35) М. Эмилій Скавръ, въ 115 г. д. Р. Хр. консулъ, приведенъ въ примѣръ безукоризненнаго человѣка.

36) Ларонія неизвѣстная представительница женскихъ интересовъ.

Третій съ неба свалился Катонъ! Но гдѣ покупаешь
Ты бальзамъ, которымъ твоя заскорузлая шея
Благоухаетъ? Хозяина лавки назвать не стыдися.
Если ворочать законы, то по правдѣ бы должно
Прежде всѣхъ вызвать Скантинскій; ты погляди-ко во первыхъ [44])
Да мужчинъ разбери: они дѣлаютъ хуже, но ихъ-то
Защищаетъ число, да щитами укрывшись, фаланги.
У распутныхъ большое согласіе, но не найдешь ты
Гнусныхъ на столько примѣровъ нигдѣ средь нашего пола.
Ведія не ублажаетъ Клувію, Флора Катуллу.
Къ мальчикамъ ходитъ Гиспонъ и блѣденъ отъ страсти двоякой.
Развѣ ведемъ мы дѣла или гражданское право
Вѣдаемъ, или у васъ тотъ гамъ подымаемъ на рынкахъ?
Борятся—рѣдкія лишь, на пищѣ мясной ихъ немного [53]).
Вы-жъ отпрядаете шерсть и готовую волну въ корзины
Суете, вы веретена тончайшей пухлыя пряжей
Крутите лучше самой Пенелопы и легче Арахны [56]).
Какъ шаршавая, сидя на пнѣ, то умѣетъ рабыня [57]).
Всѣмъ извѣстно, за что одному завѣщалъ отпущенцу
Гистеръ все, за что женѣ при жизни далъ много,
Будетъ богата, что спитъ втроемъ на широкой постели.
Замужъ ступай и молчи: за тайны получишь запястья.

[44]) Скантинскій законъ былъ направленъ противъ неестественныхъ отношеній между мужчинами.

[53]) Женщины рѣдко врываются въ область мужскую: не становятся борцами, атлетами, которыхъ подготовляютъ на особенной мясной пищѣ (colyphia).

[56]) Арахна—воплощеніе паука, въ котораго за тончайшую нить изъ зависти превращена Минервой.

[57]) Нечесанная рабыня сидитъ на обрубкѣ дерева.

Но и за этимъ надъ нами печальный судъ изрекаютъ;
Вороновъ мнѣнье щадитъ, голубокъ оно наказуетъ.
Убѣжали смутясь отъ вѣщавшей явную правду
Стоики: въ чемъ же сказала Ларонія ложь? Но чего же
Не совершатъ другіе, когда ты прозрачныя ткани,
Кретикъ надѣлъ и въ этой одеждѣ, на диво народу, [66])
На Прокуллъ и Политтъ возстаешь? блудлива Фабулла:
Осуди, если хочешь, и также Карфинію; все же
Осужденная въ тогѣ такой не пойдетъ. „Но Іюль жжетъ,
Я пылаю". Такъ голый суди; меньше гнусно безумство!
Вотъ одежда, въ которой тебя, блюститель законовъ,
Могъ бы слушать народъ въ незажившихъ ранахъ побѣды
Новой или тѣ горцы, что только плуги побросали.
Развѣ бы ты не воскликнулъ, на тѣлѣ судьи увидавши
Это? А развѣ свидѣтелю ткань сквозная приличнѣй?
Строгъ и неумолимъ, ты Кретикъ, защитникъ свободы,
Видный на сквозь! Получилъ ты бѣду отъ заразы,—
И другимъ передашь; въ поляхъ такъ цѣлое стадо
Отъ паршей и забойки одной свиньи пропадаетъ,
И виноградная кисть на другую глядя тускнѣетъ.
Ты еще что похуже выкинешь этой одежды;

---

[66]) Кретикъ выставленъ въ примѣръ женоподобнаго юноши знатнаго рода, неимѣвшаго видно представителей при Ювеналѣ. Онъ является на судъ съ обвиненіемъ женщины въ любодѣяніи, но въ такой прозрачной одеждѣ, въ какой не пойдетъ и осужденная къ званію публичной женщины.

Сразу никто не бываетъ гнуснѣйшимъ; скоро поступишь
Къ тѣмъ ты, которыя длинныя ленты себѣ надѣваютъ
Дома на лбы и всю убираютъ монистами шею,
Да брюшкомъ поросеночка нѣжнымъ и емкою кружкой
Добрую ублажаютъ Богиню; но, нравомъ превратнымъ [87])
Отстраненная прочь, не входитъ тамъ женщина въ двери.
Лишь для мужчинъ алтарь богини. Прочь вы профанки!
Восклицаютъ: здѣсь женскаго трубнаго рева не нужно.
Такъ при факелѣ тайномъ справляли оргіи Бапты
Въ области Кекропса привычные мучить Котитту.
Онъ себѣ брови, покрывши ихъ смочёною сажей,
Гнутой проводитъ иглой и глаза дрожащіе вскинувъ,
Самъ ихъ краситъ себѣ: изъ стекляннаго пьетъ онъ пріапа,
Въ сѣтку онъ золотую огромные волосы суетъ,
Въ клѣтчатомъ синемъ одѣтъ, не то въ золотистомъ и гладкомъ
И прислужникъ его клянется господской Юноной.

---

87) Женоподобные мужчины справляютъ женскій праздникъ. Храмъ Доброй Богини (Bona dea) былъ сооруженъ на Авентинѣ весталкой Клавдіею и возобновленъ супругой Августа Ливіей. Женщины признавали эту загадочную богиню покровительницей домашняго быта и ежегодно 1 Мая справляли ея торжество въ домѣ Претора, куда въ это время мужчины не допускались (смотри Сат. VI ст. 336.), Ее считаютъ то Цибелой, то подземной Церерой. У нея тоже и другіе имена: Опсъ, Фатуа, Фавна. Одни считаютъ ее дочерью Фавна, другіе женой и прибавляютъ, что напившись его вина, она была бита Фавномъ миртовой вѣтвію и отъ побоевъ умерла; Фавнъ въ раскаяніи возвелъ ее въ богини.

83—114)—описаніе вакханалій Галловъ—жрецовъ Доброй богини (Bona Dea). Ихъ развратъ перешелъ изъ Сиріи въ Грецію и Римъ.

Зеркало держитъ онъ, развратнаго цацу Оттона, [99])
Что у Актора взявъ изъ Аврунки, въ немъ себя видѣлъ
Тотъ въ доспѣхахъ, когда ужъ велѣлъ подымать онъ штандарты.
Вещь достойная новыхъ анналъ и исторіи новой,
Зеркало въ гражданской войнѣ представляетъ поклажу!
Явно вождю верховному Гальбу убить подобаетъ,
Да и кожу лелѣять; первѣйшаго долгъ гражданина
На поляхъ Бебріака искать добычи престола
И по лицу размазывать пальцами хлѣбное тѣсто;
Съ чѣмъ не знакома была колченосная Семирамида
И Клеопатра, грустившая по кораблямъ Акціумскимъ.
Тутъ ни въ словахъ нѣтъ стыда и нѣтъ уваженья къ трапезѣ,
Здѣсь нечестью Цибелы и рѣчи съ порвавшимся звукомъ
Воля, и старецъ фанатикъ, предстатель жертвъ съ убѣленнымъ
Волосомъ, рѣдкій образчикъ и замѣчательный горла
Необъятнаго и достойный платы наставникъ.
Но чего ждутъ тѣ, которымъ давно бы ужъ время
По фригійски ножемъ отрѣзать излишніе члены.
Гракхъ четыреста тысячъ сестерцій въ приданое выдалъ
За трубачемъ, знать онъ на трубѣ-то игралъ настоящей;

---

99) Онъ подобно Оттону не разстается съ зеркаломъ. Мы полагаемъ, что простонародное цаца ближе всего выражаетъ несуществующее у насъ слово: gestamen, то, съ чѣмъ носится человѣкъ.

100) Насмѣшки надъ изнѣженнымъ Оттономъ, словно онъ, какъ нѣкогда Турнъ (у Виргил. 12,94.) вооруженный копьемъ Актора изъ Аврунки—вооружался взятымъ съ бою зеркаломъ,—этой принадлежностію женскаго туалета, дошедшею по роскоши отдѣлки до баснословныхъ цѣнъ.

105) Здѣсь въ 3 стихахъ, помимо насмѣшки надъ женоподобнымъ Оттономъ упоминается и убійство имъ Гальбы и проигранное сраженіе при Бебріакѣ, (близъ По) противъ Вителлія; послѣ чего Оттонъ кончилъ самоубійствомъ.

Подписали контрактъ, пожелали Счастія! ужинъ
Заданъ славный, легла новобрачная мужу въ объятья.
О Патриціи, цензора намъ иль гадателя нужно?
Неуже ль, оробѣвъ, ты счелъ бы за большее диво,
Еслибъ теленка жена родила, а ягненка корова?
Галуны и плащъ длиннополый съ фатой надѣваетъ
Тотъ, кто, тайно неся на ремнѣ святые доспѣхи,
Подъ щитомъ изогнутымъ потѣлъ. О праотецъ Рима
Молви, откуда на пастырей Лація гибель такая,
И такая коснулась, Градивъ, твоихъ внуковъ крапива [128])?
Видишь, замужъ идетъ мужъ знатный богатствомъ и родомъ:
Чтожь не тряхнешь ты ни шлемомъ, ни въ землю копьемъ не ударишь.
Ни къ отцу не взовешь? Уходи же, покинь же суровый
Округъ полей, коль имъ пренебрегъ! — «На завтра мнѣ нужно
Съ раннимъ солнцемъ дѣло обдѣлать въ долинѣ Квирина“.
Что же за дѣло?—„Что спрашивать? Замужъ другъ мой выходитъ
И не многихъ зоветъ“. Вотъ только бы пожилъ я: будутъ,
Будутъ творить это въявь, захотятъ оглашать въ объявленьяхъ [136]).
Между тѣмъ у замужнихъ такихъ есть большая досада,

---

[128]) Градивъ одно изъ наименованій Марса.

[136]) Семейныя событія какъ свадьбы, рожденія, разводы — помѣщались въ ежедневныхъ объявленіяхъ, (acta diurna) съ цѣлью воспользоваться извѣстными преимуществами, которыя имѣющимъ дѣтей предоставляли напр. lex Iulia или Papia Poppaea.

Что не могутъ родить и дѣтьми привязывать мужа.
Но прекрасно что власти надъ тѣломъ природа желаньямъ
Не представляетъ: умрутъ бездѣтными, имъ не поможетъ
Толстая Лида снадобьемъ своимъ изъ банки закрытой [141])
И не поможетъ Луперку проворному руки подставить [142]).
Но безобразія верхъ, что Гракхъ въ туникѣ съ Трезубцемъ [143]),
И гладіаторомъ тотъ бѣжитъ посрединѣ арены,
Кто родовитѣе Капитолиновъ (или Марцелловъ
Катуловъ, или и Павловъ самихъ) и Фабіевъ также
Всѣхъ, что глядятъ у ограды, и къ нимъ не мѣшаетъ прибавить
И того, на чьихъ играхъ тогда онъ выкидывалъ сѣти [148]).
Что какія-то маны есть и подземное царство
И весло, и черныя въ зыби Стигійской лягушки,
И что столько тысячъ одинъ челнокъ перевозитъ,
Мальчики нынѣ не вѣрятъ и тѣ, что купаются даромъ [152]).

---

[141]) Толстая Лида, торговка цѣлебными снадобьями.

[142]) Римскій Луперкъ вѣроятно соотвѣтствовалъ греческому пану—онъ блюститель стадъ отъ волковъ. Праздникъ Луперкалій установленъ Ромуломъ. Бѣжавшіе при этомъ юноши, Луперки, были наги, легко прикрыты свѣжей кожей жертвенной овцы. Они, пробѣгая, расточали встрѣчнымъ козловыми ремнями удары, подъ которые безплодныя женщины протягивали руки въ надеждѣ исцѣленія.

[143]) Въ глазахъ римскаго сатирика верхомъ всякаго безобразія является родовитый Гракхъ, вышедшій на арену въ одеждѣ съ сѣтью и съ трезубцемъ ладіатора, тогда какъ онъ превосходитъ знатностью рода всѣ знаменитыя фамилии, занимавшія ближайшія къ низкой оградѣ цирка мѣста.—Слѣдующіе стихи подчеркнутые нами, очевидно вставлены позднѣе съ цѣлію сгруппировать побольше древнихъ фамилій.

[148]) Имя претора, на играхъ котораго Гракхъ является ретіаріемъ, неизвѣстно.

[152]) Дѣти моложе четырехъ лѣтъ мылись безплатно въ общественныхъ баняхъ, гдѣ и взрослые платили (смотр. Сат. VI ст. 447) только quadrans (денежку).

Но все правдой сочти: что почувствуетъ Курій и оба
Сципіона, и также Фабрицій и маны Камилла,
Что Кремеры толпа и при Каннахъ погибшая юность,
Столько воинственныхъ душъ, какъ къ нимъ низойдетъ вотъ такая
Тѣнь? Захотятъ очищаться, ежели только найдутся
Сѣра, да вѣтви смолистыя съ лавромъ слегка намоченнымъ.
Вотъ до чего, бѣдняки, мы дошли! Вѣдь простерли оружье
Мы до Юбернскихъ уже береговъ и Оркадъ, лишь недавно
Взятыхъ и до Британцевъ, довольныхъ краткою ночью.
Но что творится теперь у народа - владыки въ столицѣ,
Не творится у тѣхъ, кого побѣдили мы. Впрочемъ
Про Армянина Салака молва, что изъ юношей всѣхъ онъ
Беззавѣтнѣе самъ себя пылкому предалъ трибуну.
Видишь, что значитъ сообщество! Къ намъ онъ заложникомъ прибылъ
Здѣсь и мужаютъ они. Ибо если пробывши подольше
Городъ полюбятъ они, всегда найдется охотникъ.
Подошлются штаны, уздечка, ножичекъ, кнутикъ [169]):
Такъ въ Артаксату они переносятъ столичные нравы.

---

155) Кремера, рѣчка въ Этруріи, у которой по свидѣтельству Ливія погибло 300 Фабіевъ.

160) Юберна—Ирландія. Оркадскіе острова открыты и взяты Агриколой.

169) Штаны принадлежность военнаго костюма.

170) Артаксата, столица Великой Арменіи.

САТИРА III.

Хоть и смущаюся я уходомъ стараго друга,
Но хвалю, что избрать жилищемъ пустынныя Кумы
Онъ рѣшилъ и даетъ одного гражданина Сивиллѣ.
Въ Баи это врата и берегъ манящій отраднымъ [4])
Уединеньемъ; Прохиту и ту предпочту я Субурѣ.
Ибо гдѣ-же найдешь такую пустыню и бѣдность,
Чтобы лучше желалъ бояться пожаровъ, паденій
Крышъ то и дѣло и вѣчныхъ опасностей невыносимыхъ
Города, да хоть въ Августѣ мѣсяцѣ чтеній поэтовъ [9])?
Но покуда весь домъ на одну нагружаютъ повозку,
Остановился у старыхъ онъ сводовъ и влажной Капены [11]).
Здѣсь, гдѣ съ ночною подругой свиданья устроивалъ Нума,

III сатира.

Одна изъ удачнѣйшихъ и выдержаннѣйшихъ. Поэтъ разсказываетъ о выселеніи друга своего Умбриція (подъ личиной котораго очевидно скрывается онъ самъ) изъ Рима, причемъ Умбрицій объясняетъ причины заставляющія его бѣжать въ Кумы и заключающіяся: во всеобщей безчестности, безсовѣстности, низкопоклонствѣ, дороговизнѣ жизни, невозможной конкурренціи Грековъ, недозволяющей бѣдняку оправиться, кромѣ того указывается въ самомъ Римѣ непрочность домовъ безпрестанно падающихъ, частые пожары, шумъ и толкотня на улицахъ, нападенія черезъ окна ночныхъ гулякъ и воровъ. Умбрицій прощаясь проситъ Ювенала вызвать его къ себѣ въ Аквинумъ, когда поэтъ отправится туда на отдыхъ.

4) По дорогѣ къ Байскимъ купаньямъ нужно было слѣдовать изъ Рима черезъ Кумы, славныя Сивиллой.

5) Не только Кумы, но и близлежащій островъ Прохиту, я предпочту многолюдной римской улицѣ Субурѣ.

9) Мы (сат. I. 1) говорили, по Плинію, о несносныхъ ежедневныхъ поэтическихъ чтеніяхъ въ Апрѣлѣ; оказывается что въ этомъ случаѣ Августъ былъ не лучше.

11) Отъ Porta Capena начиналась южная дорога via Appia, а влѣво къ востоку долина Эгеріи. Надъ воротами шелъ старый водопроводъ.

Нынѣ и лѣсъ со священнымъ ключемъ и храмъ отдаются
Въ наймы жидамъ, у которыхъ корзина, да сѣно вся утварь;
(Ибо каждое дерево нынѣ аренду народу
Платитъ и проситъ лѣсъ, изгнавши Каменъ, подаянья);
Стали спускаться въ долину Эгеріи мы и къ пещерамъ
Видъ потерявшимъ: на сколько пригляднѣй была бы святыня
Водъ, когда бы волну окружали зеленой каймою
Травы и не тѣснилъ бы мраморъ природнаго туфа!
Тутъ Умбрицій сказалъ: когда уже честнымъ занятьямъ
Въ Римѣ нѣтъ мѣста и нѣтъ никакого за трудъ воздаянья,
Нынѣ достатокъ скуднѣй, чѣмъ былъ онъ вчера, а на завтра
Въ томъ то убудетъ еще что-нибудь, рѣшился идти я
Къ мѣсту тому, гдѣ Дедалъ утомленныя крылья покинулъ,
Вновь пока сѣдина и не гнетъ еще первая старость,
А у Лахезисъ еще осталось что прясть, да и ноги [27])
Носятъ меня и рука ни въ какой не нуждается палкѣ,
Родину кину свою: пусть въ ней проживаютъ Арторій
Да Катулъ: пусть живутъ тѣ, что черное дѣлаютъ бѣлымъ,

---

15) и 16) стихи: вводное восклицаніе поэта, негодующаго на сдачу въ аренду священнаго лѣса Эгеріи и Музъ жидамъ, у которыхъ все имущество составляетъ корзины и сѣно для ночлега.

25) Въ Кумахъ Дедалъ спустился на землю и построилъ храмъ Аполлону.

27) Одна изъ Парокъ.

30) Арторій и Катулъ представители людей не стѣсняющихся никакими мѣрами для наживы.

Коимъ постройки легко снимать и порты да рѣки,
Осушать болота̀, вывозить на сожженіе трупы,
Да подъ копье роковое продажную голову ставить. [33])
Бывшіе вотъ трубачи, на всѣхъ аренахъ провинцій
Вѣчные, всѣмъ городамъ извѣстныя вздутыя щеки
Зрѣлища нынѣ даютъ и, кого лишь вскинутымъ пальцемъ
Кажетъ народъ, убиваютъ публично, вернувшись отъ туда
Стольчаки откупаютъ; за чѣмъ ужъ не всё? Коль они то [38])
Тѣ, которыхъ съ нижайшей на самую высшую степень
Подымаетъ фортуна, когда позабавиться хочетъ;
Что же въ Римѣ мнѣ дѣлать? Я лгать не умѣю и книгу,
Если плоха, не умѣю хвалить и выпрашивать; звѣздъ я
Неразумѣю теченья; сулить родительской смерти
Не хочу и не въ силахъ; нутра никогда я лягушекъ
Не разбиралъ; носить отъ любодѣя къ замужней
Что онъ шлетъ, что велитъ, съумѣютъ другіе; я вору
Не возмусь помогать, тутъ я никому не товарищъ,
Какъ сухорукой десной не нужный членъ онѣмѣвшій.

---

[33]) При отдачѣ общественой собственности въ аренду, арендаторъ былъ обязанъ выставлять копье, въ знакъ зависимости отъ казны, которая въ случаѣ его неустойки бралась за его имѣніе, а въ случаѣ мошеннической утайки онаго, виновный подвергался уголовной карѣ: лишенію гражданскихъ правъ, какъ capite minor.

[35]) Бывшіе уличные музыканты настолько разбогатѣли спекуляціями, что даютъ зрѣлища, хотя продолжаютъ держать на откупѣ нечистоты.

[38]) За этимъ слѣдуетъ смутная фраза: et cur non omnia? Зачѣмъ ужъ не все? которую Вейднеръ предлагаетъ прочесть: et cur non omina? Зачѣмъ ужъ не желанія? толкуя это наглостью людей, которые даже всѣ желанія хотятъ взять себѣ на откупъ, не оставляя другимъ даже пожеланій. Но намъ кажется, что такое толкованіе, усложняя, не уясняетъ дѣла и мы рѣшили ее

Кто въ почетѣ теперь исключая сообщника, въ коемъ
Вѣчно пылаетъ душа отъ тайнъ обреченныхъ молчанью?
Не считаетъ себя въ долгу и ничѣмъ не поможетъ,
Кто тебя соучастникомъ тайны чистой содѣлалъ;
Тотъ и Верресу милъ, кто Верреса, коли захочетъ [53])
Можетъ сейчасъ обвинить. Не настолько цѣнишь песокъ ты
Весь тѣнистаго Тага, что катитъ золото въ море,
Чтобы лишиться сна и временно взять награжденье
Съ грустію, ставъ навсегда страшилищемъ мощнаго друга.
Что теперь за народъ богачамъ пріятнѣйшій нашимъ
И отъ кого я всѣхъ пуще бѣгу, сейчасъ разскажу я;
Стыдъ не удержитъ меня. Не выношу я, Квириты,
Гречества въ городѣ; хоть часть грязи меньшая Ахейцы.
Уже давно Сирійскій Оронтъ влилъ въ Тибръ свои воды,
И съ собою привелъ языкъ и нравы и флейты,
Да и струны косыя, туземный тимпанъ и при этомъ [64])
Дѣвъ, что неволей стоятъ у цирка себя предлагая.
Вотъ ступайте, кто радъ шкурѣ варварской въ пестромъ турбанѣ!

понимать: за чѣмъ ужь не все? въ смыслѣ: благо все остальное у насъ, кстати ужь и стольчаки или выгребныя ямы, что совершенно въ духѣ Ювенала.

[53]) Имя Верреса стало у Римлянъ прототипомъ вора и мошенника.

[55]) Рѣка Тагъ (Tajo) часто упоминается у древнихъ, какъ золотоносная.

[64]) Косыя струны самбуки, сирійской арфы.

[65]) Неволей, на откупѣ у содержателя.

Селянинъ твой, Квиринъ, надѣлъ на себя трехедипну, [67])
На умащенную шею навѣсивши знаки побѣды!
Тотъ съ высотъ Сикіона пришелъ, тотъ изъ Амидона,
Изъ Андроса, Самоса, изъ Траллъ или изъ Алабанды,
Къ Эсквилину спѣшитъ и къ холму съ прозваньемъ отъ ивы [71])
Будущій потрохъ домовъ роскошныхъ и домовладѣльцы.
Быстрая сметка, отвага пропащая, рѣчь безъ запинки
И кипящая пуще Изея. Скажи, за кого ты [74])
Вонъ считаешь того? Весь людъ съ собой онъ приноситъ:
Риторъ, грамматикъ въ немъ, геометръ, живописецъ, купальщикъ,
Лѣкарь, магъ, авгуръ, канатный плясунъ: все голодный
Знаетъ Греченокъ; велишь онъ даже на небо взберется. [78])

---

67) Эти 2 стиха въ очевидной связи съ продажными сиріянками — и Ювеналъ изображаетъ простаго селянина, который, попадая въ омутъ римскаго разврата, идетъ на оргію одѣтъ въ соотвѣтственный греческій костюмъ и даже съ коралловыми знаками отличія за утонченную греческую гимнастику, требующую и умащенія, (вмѣсто простыхъ Римскихъ упражненій въ фехтованіи, плаваніи, верховой ѣздѣ и охотѣ). Слово τρεχεδειπνοσ (отъ τρεχω δειπνοσ) „къ трапезѣ бѣгущій" въ настоящемъ мѣстѣ по случаю множественнаго trechedipna, возбудило много толковъ. Обычно объясняютъ его, какъ и мы, особымъ платьемъ. Но Вейднеръ по случаю *a* видитъ тутъ приглашеніе на оргію такихъ лизоблюдовъ. Мы удерживаемъ греческое слово, сохраненное и Ювеналомъ.

70) Сикіонъ, въ Пелопонезѣ. Амидонъ—въ Македоніи. Алабанда и Траллы въ Каріи; Андросъ и Самосъ Эгейскіе острова.

71) Отъ vimen ива, лоза, viminalis (ивовый) Виминалъ—поблизости Эсквилина, мѣстопребываніе бѣдняковъ, которые затѣмъ становятся богатыми домовладѣльцами.

74) Изей изъ Ассиріи, былъ при Траянѣ, во времена Плинія и Ювенала знаменитый импровизаторъ.

78) Какъ Дедалъ.

Словомъ тотъ не былъ ни Мавръ, ни Сарматъ, ни Өракіецъ,
Кто взялъ крылья себѣ, а среди Аөинъ онъ родился.
Мнѣ ли отъ пурпуровъ ихъ не бѣжать? Чтобъ ставилъ печать то [81])
Выше меня и лежалъ опершись на лучшемъ диванѣ,
Кто со сливами въ Римъ да съ фигами прибылъ по вѣтру?
Развѣ ничтожно ужъ такъ, что дѣтство наше вдыхало
Авентинское небо, питаясь плодами Сабина?
Чтоже, что самый на лесть способный народъ выхваляетъ
Неуча рѣчь и очеркъ лица безобразнаго друга,
Длинную шею болящаго сопоставляя съ затылкомъ
Геркулеса, что держитъ, съ земли приподнявши, Антея?
Удивляется голосу съ хрипомъ, какого нѣтъ хуже
И у того, кто курицу въ чинѣ супруга кусаетъ?
Не возбраняется тоже и намъ восхвалять, только вѣрятъ
Имъ. Развѣ не лучшій актеръ онъ, когда играетъ Таису [93])
Иль представляетъ супругу или Дориду безъ всякой
Верхней одежды? Вѣдь кажется подлинно женщину видишь,
А не актеръ говоритъ: ты скажешь, что чисто и гладко

---

[81]) Подпись при духовныхъ и приложеніе печати исполнялись съ наблюденіемъ извѣстнаго чинопочитанія, что у Горація видно даже въ триклиніѣ.

[93]) Онъ всю жизнь актеръ, точно такой же какъ когда въ комедіи играетъ тонкую гетеру Таису или почтенную матрону или беззастѣнчивую Дориду, коей нагота составляетъ главное украшеніе.

Все и округло въ немъ точно женщиной онъ и родился.
Тамъ за то никого Антіохъ не заставитъ дивиться [98])
Или Стратоклъ или самъ Деметрій съ изнѣженнымъ Гэмомъ:
Комедіантъ весь народъ. Разсмѣйся, — онъ хохотомъ пуще
Потрясаемъ, онъ плачетъ, завидя слезы у друга,
Хоть несочувствуетъ; если зимою огня ты попросишь,
Шубу онъ надѣваетъ; а скажешь: *мнѣ жарко*, вспотѣетъ.
Вотъ и не равны мы съ нимъ: тотъ выше, кто вѣчно и также [104])
Ночью способенъ и днемъ чужаго лица выраженье
Схватывать, руки свои воздѣвать и готовъ восхищаться,
Если рыгнулъ хорошо иль круто другъ помочился,
Коль опрокинутымъ дномъ золотая звякнула чарка [108]).
Нѣтъ святого ему ничего, незавѣтны для страсти
Ни хозяйка въ дому, ни невинная дочь, ни ея же
Безбородый женихъ, ни сынъ дотолѣ стыдливый,
Если же этихъ всѣхъ нѣтъ, повалитъ онъ бабушку друга.
Тайны дома имъ хочется знать, чтобъ затѣмъ ихъ боялись.

---

98) Тамъ (въ Греціи) никого не удивятъ и такіе великіе актеры, какъ Антіохъ, Стратоклъ, Деметрій и Гэмъ, такъ какъ весь народъ комедіантъ.

104) Этотъ стихъ прерывающій теченіе рѣчи, очевидно вставочный.

108) Сомнительнаго смысла стихъ:

Si trulla inverso crepitum dedit aurea fundo

мы переводимъ буквально и полагаемъ, что читатель не станетъ съ большинствомъ объяснять его громкимъ очищеніемъ, при другѣ, въ золотой сосудъ. Тутъ слово з о л о т о е невѣроятно въ такомъ сосудѣ, а опрокинутое дно при этомъ даже не мыслимо. Мы раздѣляемъ мнѣніе Вейднера, который объясняетъ это такъ. Когда горячащійся Грекъ хочетъ въ свою очередь золотою

(Благо и вспомнить пришлось о Грекахъ, въ гимназіи только
Ты ступай и узнай о продѣлкахъ степенной хламиды:
Стоикъ—доносщикъ Барея убилъ, ученицу и друга
Старецъ тотъ, что на самомъ томъ берегу былъ воспитанъ,
Гдѣ у коня Горгонскаго внизъ отвалилися крылья)[118].
Мѣста нѣтъ никакому тутъ Римлянину, гдѣ владыкой
Протогенъ, да какой то еще Дифилъ тамъ съ Гермархомъ,
Что врожденнымъ никакъ не подѣлится съ другомъ порокомъ,
Всѣ они въ немъ; лишь стоитъ ему въ благосклонное ухо
Капнуть немного природнаго, родиной даннаго яду,—
Гонятъ съ порога меня, пропало долгое время
Службы моей; ничего нѣтъ легче чѣмъ бросить кліента.
„Чѣмъ же дальше поможешь, не намъ ужь хвастать, иль чѣмъ же [126])

чаркой зачерпнуть изъ винной вазы себѣ вина, то хозяинъ чтобы подтрунить надъ нимъ подставляетъ ему такую вазу пустой и опрокинутой, а онъ въ горячахъ звенитъ своей чаркой о подставленное дно.

115) Εφηβοσ, юноши отъ 16 до 20 лѣтъ, носили менѣе почетную хламиду, а стоики болѣе почетную, степенную. Подчеркнутые стихи явно вставленны по Тациту XVI, 21—33. При обвиненіи Тразеи ~~Поэта~~ и Барея Сорана, также лживо обвинена была какъ сообщница и дочь Барея, Сервилія, подкупленнымъ другомъ дома Сорана, принимавшимъ образъ стоика, Егнаціемъ.

118) Ювеналъ не говоритъ, что Егнацій рожденъ, а только воспитанъ въ образованномъ Тарсѣ, производившемъ свое имя отъ (Ταρσος)—распущенныя крылья, объясняя это названіе паденіемъ Беллерофона съ Горгонскаго пегаса.

120) Продѣлокъ ни Протогена, ни Дифила ни Гермарха мы не знаемъ. О нихъ и схоліи молчатъ.

126) Гдѣ уже намъ увлекаться надеждой, помочь дѣлу усердными побѣгушками на службѣ патрона, когда чѣмъ свѣтъ, въ то время когда въ преддверіи дожидаются претора безпомощныя сироты, ища покровительства, онъ самъ въ

Бѣдный заслужитъ, хотя бы всю ночь старался онъ бѣгать
Въ тогѣ, коль ликтора въ запуски преторъ торопитъ и гонитъ [128])
Быстро бѣжать, хоть давно неспятъ дожидаясь сироты,
Не поклонился-бъ Альбинѣ и Модіи раньше товарищъ?
Вотъ предъ богатымъ рабомъ въ провожатыхъ свободно рожденныхъ
Сынъ; вѣдь тотъ то даритъ Кальвинѣ иль Катіенѣ
Столько же, какъ въ легіонѣ своемъ получаютъ трибуны,
Чтобы разъ иль другой понѣжиться съ нею, а ты то,
Хоть приглянулось тебѣ лице нарядной красотки,
Сталъ, и въ раздуміи, звать ли Хіону съ высокаго мѣста.
Выставь свидѣтелемъ въ Римѣ святого, какъ былъ воспріявшій
Иды богиню, пусть выйдетъ хоть Нума или кто исхитилъ [138])
Изъ пылавшаго храма дрожащую въ страхѣ Минерву,
Первый будетъ вопросъ о цензѣ, о нравахъ послѣдній.

запуски бѣжитъ съ своимъ ликторомъ раньше всѣхъ другихъ поклониться вліятельнымъ и богатымъ вдовамъ.

128) Тога вывѣска Римскаго гражданина.

135) Хіону упоминаетъ и Марціалъ. Она не какъ заурядная развратница nuda, а vestita, нарядна.

138) Сципіонъ Назика, какъ vir optimus долженъ былъ, въ исполненіе изреченія оракула, воспринять съ Иды (въ Троадѣ) статую матери боговъ Цибелы. У Плинія VII. 43. 45. Л. Цэцилій Метеллъ, спасъ изъ пожара храма Весты Палладіумъ, но потерялъ при этомъ зрѣніе (слѣпой) смотр. Сат. VI 265.

Много-ли кормитъ онъ слугъ и много-ль за нимъ десятинъ есть
Въ полѣ? Со многихъ ли блюдъ и съ какихъ онъ кушаетъ ужинъ?
Сколько кто у себя въ сундукѣ сохраняетъ монеты,
Столько и вѣры ему; хоть Самоѳракійскими станетъ
Алтарями и нашими клясться,—считаютъ, что бѣдный
Божескихъ громовъ не чтитъ, да боги съ него и не ищутъ.
Что ужь, если вотъ онъ и поводъ даетъ и причину
Всѣмъ для насмѣшекъ, коль плащъ на немъ некрасивъ и разодранъ,
Тога его грязновата и съ лопнувшей кожей одинъ то
Настежъ башмакъ и когда изъ раны зашитой недавно
Грубая нитка торчитъ не въ единственной только заплатѣ?
Въ злополучной бѣдности нѣтъ ничего тяжелѣе,
Какъ что становитъ она людей смѣшными.—„Исчезни,
Скажутъ, коль стыдъ еще есть,—и всадника мѣсто покинь ты,
Если достатокъ твой малъ для закона, пусть тутъ засѣдаютъ
Сводниковъ дѣти, рожденные въ первомъ вертепѣ разврата;
Рукоплещи тутъ блестящаго сынъ глашатая, между
Юношей знатныхъ изъ школы борцовъ и наставниковъ боя [158]).

---

155) Законъ Росція о четырнадцати рядахъ скамѣекъ въ амфитеатрѣ, предназначавшихся для всадниковъ, коихъ цензъ полагался въ 400,000 сестерцій по закону Оттона.

158) Такія школы посѣщались преимущественно знатной молодежью.

Такъ раздѣлить насъ тщеславному было угодно Оттону.“
Какъ тутъ понравится зять съ имуществомъ меньшимъ, дѣвицѣ
Съ состояньемъ не пара? Кто бѣднаго впишетъ въ наслѣдство?
Какъ въ совѣтъ ему сѣсть эдиловъ? Собравшись толпою [162])
Бѣдные переселились давно изъ Рима Квириты.
Не легко пробиваются тѣ, съ чьей доблестью въ спорѣ
Малый достатокъ въ дому; но въ Римѣ попытки труднѣе:
Дорого стоитъ бѣднѣйшій пріютъ и дорого брюхи
Слугъ напитать, дорога и самая скромная пища.
Стыдно съ глиняной ѣсть посуды, а въ этомъ дурнаго
Тотъ неувидитъ, кто къ Марзамъ иль къ трапезѣ Сабинской
Перенесенъ, башлыкомъ полинялымъ и грубымъ доволенъ.
Въ большей части Италіи, если мы правду допустимъ,
Въ тогу никто не одѣтъ, развѣ мертвый. Даже коль важность
Дней справляется праздничныхъ и возвращается снова
На помостки театра давно извѣстная шутка,
Какъ передъ страшною, разинутой пастію маски
Къ лону матери жмется дрожа деревенскій ребенокъ,

---

162) Должность эдиловъ, связанная съ большими расходами и полицейскимъ надзоромъ и наказаніями, требуя большаго вниманія, заставляла ихъ созывать вокругъ себя совѣтъ.

170) Простота одѣянія доходитъ въ провинціи до того, что широкую и дорогую тогу никто не носитъ, и гражданина развѣ въ нее одѣнутъ, убирая какъ покойника.

175) Во время праздничныхъ Сатурнинскихъ Ателланъ — (какъ милъ ребе-

Ты въ такомъ же нарядѣ или въ подобномъ увидишь
И оркестръ и народъ, одеждой быть почести видной
У высокихъ эдиловъ достаточно бѣлой туники.
Здѣсь одеждою всякъ блеститъ свыше силъ, здѣсь нерѣдко
Изъ шкатулки чужой берется больше чѣмъ нужно.
Общій это порокъ: тщеславною бѣдностью всѣ мы
Здѣсь живемъ. Да что говорить! Все въ Римѣ за деньги.
Что ты мнѣ дашь, чтобы Коссу порой ты могъ поклониться?
Чтобы, губъ не раскрывъ, на тебя Вейентонъ оглянулся?
Бреетъ бороду тотъ, тотъ волосы рѣжетъ любимцу,
Полонъ домъ пирожковъ продажныхъ; бери и да будетъ [187])
Это закваской тебѣ: мы подать платить какъ кліенты
Принуждены и доходъ умножать пресыщенной прислуги.
Кто боялся развалинъ домовъ въ прохладной Пренестѣ

покъ пугающійся уродливой маски съ разинутымъ ртомъ!) — даже чиновный людъ, помѣщавшійся въ оркестрѣ, довольствуется бѣлою туникой.

180) Здѣсь—въ Римѣ.

185) Косса мы незнаемъ, но можемъ судить о немъ по сопоставленію съ гнуснымъ доносчикомъ при Домиціанѣ, Вейентономъ, съ которымъ встрѣчаемся Сат. IV. 113, 123. 129. VI. 113. Прислуга безъ взятокъ не допускаетъ къ такимъ вліятельнымъ патронамъ. А въ предлогахъ недосуга недостатка не было; тотъ празднуетъ первое бритье бороды любимца, тотъ стрижку отроческихъ волосъ. При такомъ торжествѣ домъ полонъ жертвенныхъ пирожковъ, которые прислуга дорого продаетъ кліентамъ.

187) „Бери", говоритъ Ювеналъ кліенту, и пусть тѣсто пироговъ будетъ для тебя fermentum закваской общаго понимания твоего положенія.

190) Пренеста (Палестрина) на юго-востокъ отъ Рима; Вольсиніи, на сѣверовосточномъ берегу озера того же названія (нынѣ Balsena); Габіи въ Лаціумѣ. Тибуръ (Тиволи).

Или въ Вольсиніяхъ, что средь холмовъ помѣстились лѣсистыхъ,
Или въ Габіяхъ скромныхъ, иль на твердыняхъ Ѳибура?
Въ городѣ мы проживаемъ подпертомъ большею частью
Тонкими дудочками; затѣмъ что смотритель лишь этимъ
Предупреждаетъ паденье; лишь трещинъ старыхъ замажетъ
Зѣвы, то насъ приглашаетъ онъ спать, не страшась разрушенья.
Тамъ намъ слѣдуетъ жить, гдѣ нѣтъ пожаровъ, гдѣ страха
Нѣтъ по ночамъ. Уже проситъ воды, ужъ скарбъ свой выноситъ
Укалегонъ; уже третій этажъ подъ тобою дымится, [199])
Ты жь ничего и не знаешь; затѣмъ что какъ съ нижнихъ ступеней
Бросятся, позже всего загорится, гдѣ въ дождь лишь защитой
Крыша, подъ коей кладутъ дружелюбные голуби яйца.
Ложе было у Кодра и Прокулѣ мало, шесть чарокъ [203])
Украшенье стола, подъ нимъ невзрачная кружка,
Да распростертый Хиронъ, лежащій подъ мраморомъ тѣмъ же,

---

[199]) Укалегонъ въ подражаніе Энеидѣ II, 311. Уже сосѣдній горитъ Укалегонъ „jam proximus ardet Ucalegon“.

[203]) На чердакѣ подъ самой крышей жилъ (неизвѣстный бѣднякъ учитель) Кодръ, у котораго постель была мала даже для его малорослой жены Прокулы.

[205]) У бѣднаго учителя хранится и статуэтка Ахиллова учителя Хирона. Быть можетъ у Кодра и былъ старый мраморный столъ, но eodem marmore, мы считаемъ такою же ироніей, какъ у Овидія Метамор. VIII. 668. гдѣ завѣдомая глина сосуда даже въ одныхъ изданіяхъ: eadem argilla,

Также греческихъ книгъ собраніе въ ящикѣ старомъ—
Пѣсни божественныя точили глупыя мыши.—
Кодръ ничего не имѣлъ, кто станетъ спорить? Однако
Все ничто потерялъ онъ несчастный; но верхъ то невзгоды
Въ томъ, что нагаго его и просящаго лишь по напрасну
Не поддержитъ пищей никто, не укроетъ пріютомъ.
Если Астурика рухнетъ чертогъ, то въ грусти матрона [212]),
Въ трауръ знатные всѣ и преторъ разборъ отлагаетъ;
Тутъ мы о городѣ плачемъ и тутъ мы огонь ненавидимъ.
Все пылаетъ еще, ужь бѣжитъ, кто мраморъ подноситъ,
Платитъ расходы: одинъ нагіе, бѣлые лики,
А другой изъ чудесъ Евфранора или Поликлита [117]),
Тотъ старинныя украшенья боговъ Азіатскихъ [118]),
Этотъ книги даритъ и шкапы и среди ихъ Минерву [119]),
Этотъ мѣшекъ серебра. И выстроитъ лучше и больше
Персикъ, блаженнѣйшій горемыка, вполнѣ заслужившій

въ другихъ и съ большею вѣроятностью поставлено eodem argento изъ того же серебра.

212) Астурикъ и позднѣе Персикъ очевидно (вымышленныя) имена знатныхъ, получившихъ прозванія по завоеваннымъ мѣстностямъ: Крымскій, Рымникскій.

217) Эвфраноръ знаменитый живописецъ и литейщикъ временъ Филиппа и Александра. Поликлитъ, ваятель времени Фидія.

218) Вставочный стихъ: Цибела, Митра.

119) Среди шкаповъ для книгъ бюстъ покровительницы наукъ—Минервы.

Подозрѣнье, что самъ свой поджегъ онъ строенья.
Если отъ зрѣлищъ ты оторваться можешь, то чудный
Въ Сорѣ домъ, въ Фабратеріи иль Фрузинонѣ ты купишь [224]),
Не дороже того, что въ годъ тутъ за мракъ ты заплатишь.
Садикъ тамъ и мелкій колодезь, изъ коего черпать
Безъ веревки легко струю для поливки растеній.
Тамъ полюби ты кирку, займися уходомъ за садомъ,
Изъ котораго-бъ могъ сто пировъ дать Пиѳагорейцамъ [229]).
Что то въ томъ есть, чтобъ въ какомъ либо мѣстѣ, въ какомъ либо дальнемъ
Уголкѣ хоть одной стать ящерицы господиномъ.
Чаще здѣсь отъ безсонницъ больной умираетъ, но даже
Самый недугъ порождаемъ дурною пищей, застрявшей
Въ воспаленномъ желудкѣ; какой ужъ въ наемныхъ квартирахъ
Сонъ возможенъ? За деньги большія лишь въ городѣ спится.
Вотъ откуда болѣзнь; проѣздъ повозокъ по тѣснымъ
Улицъ поверткамъ и крикъ погоньщиковъ, ставшихъ на мѣстѣ,
Отняли-бъ сонъ и у Друза и у морскихъ бы тюленей [238]).

---

224) Примѣрно три провинціальныхъ городка: Сора къ юго-востоку, Фабратеріи и Фрузинонъ на югъ отъ Рима.

225) За мрачную квартиру.

229) Питающимся овощами.

238) Клавдій Друзъ, сынъ старшаго Друза, извѣстный своею спячкой,

Ежели дѣло зоветъ, богача по толпѣ переносятъ
И черезъ головы онъ спѣшитъ въ огромномъ либурнѣ,
А между тѣмъ онъ читаетъ иль пишетъ иль спитъ въ серединѣ;
Ибо склоняетъ ко сну окно задвижное носилокъ.
Но прибудетъ скорѣй онъ; хотя и спѣшу я, мѣшаютъ
Спереди волны людей, огромной толпой напираютъ
Сзади идущіе; локтемъ тотъ хватитъ, а этотъ доскою
Твердой; по головѣ кто бревномъ, кто ведромъ задѣваетъ,
Бокъ мнѣ запачкали грязью; отвсюду огромныя ноги
Тычутъ меня и въ палецъ вонзились солдатскіе гвозди [248]).
Иль невидишь какимъ подачку то празднуютъ дымомъ? [249]).
Сотрапезниковъ сто, за каждымъ своя же и кухня.

такъ что уже ставши Императоромъ и предаваясь любимой имъ защитѣ на судѣ, онъ засыпалъ на трибунѣ. Не безъ злобы онъ сопоставленъ здѣсь съ тюленями, такъ какъ Сенека приравниваетъ его голосъ къ хрюканью marinae belluae.

[240]) Либурнцы или Либурны, жители нынѣшней Далмаціи извѣстны были какъ морскіе пираты на легкихъ судахъ. Ювеналъ на смѣхъ называетъ носилки (портшезъ) богача, быстроходнымъ либурномъ, въ которомъ богачъ предается обычнымъ занятіямъ. Вообще какъ люди рослые и сильные они употреблялись всюду, гдѣ нужна сила.

[248]) Солдаты подбивали для прочности свои сапоги множествомъ гвоздей. Смотр. Сат. XVI, 25.

[249]) При новой картинѣ уличной толкотни мы не беремся утверждать,какъ понять тутъ слово sportula, греческое σπυρις. т. е. было ли описываемо празднество cena collaticia δειπνον-απο σπυριδος, сборное пиршество, къ которому каждый въ своей корзинкѣ приносилъ провизію, а затѣмъ всѣ трапезовали вмѣстѣ, на что указываетъ сто сотрапезниковъ, или поводомъ къ такому празднеству подавала sportula въ переносномъ и болѣе употребительномъ у Ювенала смыслѣ подачки, полученной отъ тороватаго патрона. Послѣднее намъ кажется правдоподобнѣе, ибо корзину праздновать никто не станетъ.

Корбулонъ бы едва снесъ столько огромныхъ сосудовъ [251]),
Столько вещей на своей головѣ—сколько вытянувъ шею,
Рабъ несчастный несетъ, на ходу огонь раздувая.
Только что сшитыя рвутся туники, огромная елка
На фургонѣ трясется, а на другой колесницѣ
Ѣдетъ сосна и, качаясь вверху, угрожаетъ народу.
Ибо если, везущая Лигурійскіе камни,
Сломится ось и гору, сваливъ, на толпу опрокинетъ,
Что же отъ тѣлъ то останется? Кто же члены, кто кости
Ихъ розыщетъ? Тутъ каждый трупъ изъ народа погибнетъ
Будто бы тѣнь. Въ дому между тѣмъ беззаботно ужъ блюда
Моютъ, щеками огонь раздуваютъ, скребками елея [262])
Рѣзко звѣнятъ, полотенца готовятъ и кружку съ духами.
Такъ прислуга отдѣльно торопится; но въ это время
На берегу тотъ сидитъ новичкомъ и трепещетъ предъ гадкимъ
Перевощикомъ и несчастный не ждетъ чрезъ пучину
Грязную лодки, во рту у него нѣтъ къ расплатѣ полушки [267]).

---

[251]) Кн. Домицій Корбулонъ, военачальникъ при Клавдіи и Неронѣ, отличался (по Тациту Ан. XIII. 8) огромнымъ ростомъ.

[262]) Передъ трапезой Римляне мылись, употребляя между прочимъ для очищенія пота и стараго елея скребокъ, какой мы видимъ въ рукѣ Лизипповскаго атлета въ Braccio nuovo.

[265]) Но пока въ дому почтенному гражданину все готовятъ къ ужину, его на улицѣ раздавили и онъ уже сидитъ на берегу Стикса.

[267]) Ювеналъ, смѣху ради говоритъ, что несчастнаго раздавленнаго Харонъ не повезетъ черезъ грязный Стиксъ, такъ какъ ему не положили въ ротъ

Оглянись на другія, различныя бѣдствія ночи:
Сколько высокихъ тянется крышъ, откуда кирпичъ то
Бьетъ по мозгамъ, какъ часто изъ оконъ обломки посуды
Падаютъ, тяжестію своей сотрясая и портя
Мостовую. Счесть можно тебя безпечнымъ, во всякомъ
Разѣ недальновиднымъ, коль безъ завѣщанья на ужинъ
Ты идешь; а вѣдь столько же бѣдъ сколько оконъ.
Бодрствующихъ и еще открытыхъ, въ ту ночь ты проходишь.
Такъ молися и самъ про себя ужь проси ты, несчастный,
Чтобы они удовольствовались, тазы выливая.
Если пьяный нахалъ никого случайно нетрогалъ
Онъ въ тоскѣ, протомится всю ночь, какъ Пелидъ, что о другѣ
Плачетъ, то ляжетъ ничкомъ на лице, то вскинется навзничь.
Стало быть онъ и спать-то иначе не можетъ? Иному [281])
Свара и сна придаетъ. Но хоть по лѣтамъ онъ заносчивъ
И виномъ возбужденъ обѣгаетъ того онъ, чей пурпуръ
И длиннѣйшій рядъ провожатыхъ велятъ не касаться,
Множество факеловъ кромѣ того и свѣтильникъ изъ бронзы.
А меня, которому свѣтитъ луна, да огарокъ

мелкой монеты, въ смыслѣ за провозъ—у грекокъ ναυλον. Этого обычая кажется не было у Римлянъ.

281) Стихъ очевидно вставочный.

Свѣчки, у коей фитиль расчетливо я сберегаю,
Онъ презираетъ. Узнай предисловіе свалки злосчастной;
Ежели свалка тамъ есть, гдѣ ты бьешь, а я отдуваюсь.
Сталъ напротивъ и стой онъ кричитъ. Покоряюсь невольно.
Что же дѣлать, когда сумасшедшій присталъ и сильнѣйшій
Вмѣстѣ съ тѣмъ? „Ты откуда?“ оретъ. Чьимъ ты уксусомъ полонъ,
Чьими бобами? Какой сапожникъ съ тобою крошеный
Ѣлъ порей и къ нему вареныя губы барана?
Что жъ ты молчишь? Говори иль пинка получи ты ногою!
Гдѣ ты живешь, говори; въ какомъ захолустьи жидовскомъ?“
Хоть рѣшись что сказать, хоть ты молчкомъ удаляйся,
Все едино: прибьютъ все равно, да затѣмъ и поруки [298]).
Станутъ спрашивать въ гнѣвѣ. Свобода у бѣднаго въ томъ лишь,
Что при побояхъ онъ проситъ и битый кулачьями молитъ,
Чтобы съ зубами немногими былъ онъ коль можно отпущенъ.
Но не этого ты страшись одного: а найдется
Кто ограбитъ тебя уже послѣ того, какъ дома всѣ
Заперты будутъ и замкнуты лавки отвсюду цѣпями.
Между тѣмъ и съ мечемъ внезапно наскочитъ разбойникъ.
Каждый разъ какъ приносится вооруженною стражей
Миръ къ Понтійскимъ болотамъ и въ Галлинарскія сосны, [307])

[298]) Поручительства въ явкѣ къ суду въ качествѣ оскорбителя.

[307]) Галлинарскій лѣсъ близъ Кумъ. Какъ скоро войска пойдутъ туда дѣлать облаву на разбойниковъ, — тѣ бѣгутъ въ Римъ.

То оттуда сюда всѣ бѣгутъ какъ въ хлѣвъ на покормку.
Гдѣ есть горнъ безъ цѣпей, гдѣ наковальня не-куетъ ихъ?
Все желѣзо идетъ на оковы и можно страшиться,
Что не хватитъ на плугъ, на кирку и лопату не станетъ.
Счастливы дѣды дѣдовъ, счастливыми можешь назвать ты
Тѣ вѣка, какъ еще въ старину при царяхъ да трибунахъ
Видѣли, что одной еще Римъ былъ доволенъ тюрьмою.
Къ этимъ причинамъ еще я многія могъ бы при-бавить.
Но подвода зоветъ и солнце садится: пора мнѣ;
Ибо давно ужъ махалъ хлыстомъ мнѣ гибкимъ погоньщикъ.
Будь здоровъ и меня не забудь и во всякое время,
Какъ на отдыхъ Римъ тебя въ твой отпуститъ Аквинумъ,
То и меня къ Гельвинской Церерѣ и къ вашей Діанѣ
Вызови ты изъ Кумъ,—и сатирамъ, коль не во гнѣвъ имъ,
Я на помощь явлюсь въ сапогахъ на прохлад-ныя нивы. [322])

САТИРА IV.

IV. a

Вотъ и опять Криспинъ, и часто его я на сцену
Долженъ звать, то чудовище, что не искупитъ пороковъ

[320]) Прозваніе Цереры—Гельвинская неизвѣстно.

[322]) Въ сапогахъ—по солдатски снаряженъ—въ зимнее время.

IV сатира.

Настоящая сатира видимо распадается на двѣ части. Въ первой мы какъ

Ни одной добродѣтелью, сильное лишь нездоровой
Похотью: любодѣй однихъ только вдовъ презираетъ [4]).
Что за дѣло поэтому, въ сколькихъ манежахъ коней онъ
Утомляетъ и въ рощахъ какихъ въ тѣни его носятъ [6]),
Сколько близь рынка земли и какихъ домовъ накупилъ онъ?
Злой—не счастливъ никто, тѣмъ меньше еще соблазнитель
И святотатецъ, съ которымъ недавно лежала съ повязкой [9])
Жрица, за что надлежитъ сойти ей заживо въ землю.
Но теперь о легчайшихъ проступкахъ: другой тѣмъ не меньше,
Соверши ко онъ тоже, судьѣ бы нравовъ попался [12]);
Ибо что гнусно для добрыхъ, для Тиція или для Сейя [13]),

бы видимъ вступленіе къ сатирѣ обращенной исключительно на выходца изъ Египта, развратнаго претора Криспина, о которомъ упоминается Сат. I. 24. Во второй мастерски изображается весь нравственный обиходъ двора Домиціана. — Какъ бы мы ни старались указывать на 28 стихъ сатиры, какъ на связующее звено между обѣими половинами, въ смыслѣ: если таковъ слуга, то каковъ долженъ быть господинъ? читатель все таки съ перваго взгляда убѣдится, что передъ нами двѣ сатиры, случайно попавшія подъ одинъ нумеръ и къ тому же первая представляетъ, какъ мы сказали, только вступленіе, только недоконченный замыселъ.

1) Такъ какъ по закону Августа, Египтянинъ Криспинъ не могъ попасть въ Сенатъ, а въ качествѣ простаго всадника онъ не попалъ бы въ почетный совѣтъ, то вѣроятно онъ былъ префектомъ преторіанской когорты, на что указываетъ: пурпурный шутъ.

4) Какъ легкую побѣду, лишенную прелести нарушенія чужаго права.

6) Сколько у него манежей, рощей для прогулокъ на носилкахъ, сколько земли и домовъ?

9) Ни священная повязка, признакъ Весталки, ни ожидающее ее наказаніе не удерживаютъ соблазнителя.

12) Судья нравовъ Домиціанъ. Горькая иронія.

13) У Римскихъ юристовъ имена Тиція и Сейя были общимъ мѣстомъ, для выраженія перваго встрѣчнаго гражданина.

Было Криспину къ лицу: что дѣлать если лицо-то
Всякого хуже и злѣй порока? Камбалу за шесть
Тысячъ сестерцій купилъ онъ вѣсомъ тоже въ шесть фунтовъ [16]),
Какъ говорили намъ тѣ, что больше прибавятъ къ большему.
Я хвалю его ловкій расчетъ, коль подобнымъ подаркомъ
Вырвать у сироты онъ съумѣлъ старика завѣщанье [19]),
Онъ умнѣй поступилъ, коль послалъ ее знатной подругѣ
Той, что въ закрытыхъ носилкахъ съ широкими стеклами носятъ.
Этого нѣтъ ничего. Себѣ онъ купилъ. Много видимъ
Мы, чего бы бѣднякъ и голодный не сдѣлалъ Апицій [23]).
Ты ли, Криспинъ, что въ родимомъ папирусѣ ходишь бывало [24])
Столько за рыбью отдалъ чешую? Быть можетъ дешевле
Рыбы пришлось бы купить рыбака; въ провинціи стоитъ
Столько-жъ имѣнье, въ Апуліи даже побольше уступятъ.
Что за блюда глоталъ, по нашему мнѣнію,самъ то
Индуператоръ, коль суммой подобной сестерцій, какъ частью

---

16) Обычный вѣсъ камбалы въ 2 фунта.

19) Было бы въ такомъ проходимцѣ какъ Криспинъ понятно, если бы онъ покупалъ дорогую рыбу для склоненія старика измѣнить завѣщаніе въ пользу любезнаго Криспина, или въ подарокъ всемогущей матронѣ.

23) Извѣстный обжора и мотъ временъ Августа и Тиверія Апицій иронически названъ бѣднякомъ. Но и онъ, даже будучи голоднымъ, не бросилъ бы столько денегъ за рыбу, сколько бросаютъ проходимцы временъ Домиціана. Говорили, что оставшись при среднемъ состояніи онъ отравился.

24) Изъ папируса приготовлялась въ Египтѣ дешевая ткань.

Малою и на краю лишь скромнаго ужина взятой,
При высочайшемъ Дворцѣ пурпурный шутъ отрыгать могъ,
Всадниковъ ставши главой, хоть прежде голосомъ громкимъ
Въ розницу онъ выкликалъ дешевыхъ сомовъ на продажу?
Провозгласи, Калліопа! и сядь: не пѣсню слагаемъ,
А былое должны возвѣстить. Повѣдайте, дѣвы
Піериды! будь въ прокъ мнѣ, что дѣвами васъ обозвалъ я.

IV. b.

Какъ терзалъ еще землю полуживую послѣдній
Флавій и раболѣпствовалъ Римъ передъ лысымъ Нерономъ,[38])
Въ Адріатикѣ камбала дивная ростомъ попалась
Передъ храмомъ Венеры, стоящимъ въ Анконѣ Дорійской
И наполнила сѣть; она вѣдь была-то не меньше
Тѣхъ, что ледъ покрываетъ Мэотіи, взломанъ однако [42])
Солнцемъ, ихъ выпускаетъ онъ къ устьямъ бурливаго Понта
Отъ сидѣнья лѣнивыхъ и жирныхъ отъ долгихъ морозовъ.
Назначаетъ чудовище лодки и сѣти хозяинъ

[38]) Послѣдняго Флавія—Домиціана поэтъ обзываетъ Нерономъ. Но тотъ по крайней мѣрѣ былъ юноша, тогда какъ этотъ лысый.

[40]) Анкона основана Дорійцами-Сиракузцами въ 239 до. Р. Х.

[42]) Мэотійское озеро (Азовское море), находясь долгое время подо льдомъ, дѣлаетъ рыбу лѣнивой и жирной и такой выпускаетъ ее весной въ Понтъ (Черное море).

Для высочайшей особы, кто жь продавать то такую
Иль покупать бы осмѣлился, коли доносчиковъ полонъ
Берегъ кругомъ? Въ тростникахъ позасѣвшіе сыщики, тотчасъ
На рыбака набросившись голаго, не устыдятся
Утверждать, что рыба то бѣглая долго кормилась
Въ сажалкѣ Цезаря, и оттуда урвавшись, должна же
Къ старому своему господину снова вернуться.
Если Пальфурію мы или Армиллату повѣримъ,[53]
Что попригляднѣе, да получше сыщется въ морѣ
Все казенное, гдѣ бы ни плавало: „такъ подарю, молъ,
Чтобъ не пропало". Уже вредоносная осень морозамъ
Уступала, ужъ рѣже трепала больныхъ лихорадка,
Злая свистала зима и сохраняла отъ порчи
Свѣжій уловъ. Тотъ межъ тѣмъ спѣшитъ, словно Австеръ торопитъ.
Какъ дошелъ до озеръ, гдѣ, хоть и разрушена, Альба
Сохраняетъ Троянскій огонь, чтя младшую Весту,[61]
Помѣшала ему толпа, задивившись у входа;
Какъ раздалась, легко на крюкахъ распахнулися двери,
И патриціи смотрятъ, какъ рыба допущена первой.
Входитъ къ Атриду. „Прими" говоритъ Пиценецъ, «что слишкомъ

---

53) Пальфурій и Армиллатъ примѣры низкопоклонныхъ юристовъ, готовыхъ утверждать, что все замѣчательное принадлежитъ казнѣ.

60) Когда рыбакъ дошелъ до любимаго мѣстопребыванія Домиціана—Албанума, на мѣстѣ древней разрушенной Альба-Лонги. (Нынѣ Castell Gondolfo) между двумя озерами, албанскимъ и Lacus Nemorensis, (Lago di Nemi).

61) Троянскій огонь младшей Весты, въ противоположность къ старшей въ Лавиніумѣ.

65) Домиціанъ комически именуется Агамемнономъ. Пиценъ и былъ (у нынѣшняго Венеціанскаго залива) той страной, гдѣ находилась Анкона.

Крупно на частный очагъ; пускай торжественнымъ будетъ
Этотъ день. Припаси ты мѣсто въ желудкѣ для пищи
И ко твоимъ временамъ сохраненную камбалу скушай:
Захотѣла пойматься сама". На что откровеннѣй?
А у того всежъ гребень возросъ; ничего нѣтъ, чему бы
Богоподобная власть не повѣрила, ежели льстятъ ей.
Но ненашлося подъ рыбу мѣрою блюда. Сзываетъ
Онъ къ совѣщанью тѣхъ знатныхъ, которыхъ самъ ненавидитъ,
На лицѣ у которыхъ являлася блѣдность отъ горькой
И высокой пріязни. Лишь крикнулъ Либурнъ имъ: „бѣгите,
Онъ ужъ сидитъ!" поспѣшилъ, на себя надѣвая накидку,
Первымъ Пегасъ, изумленнаго города староста новый; [77]
То не префекты ли были? Изъ нихъ онъ былъ наилучшимъ,
Наисвященнѣйшимъ стражемъ законовъ: въ тяжелыя эти
Времена онъ искалъ улаживать все безоружнымъ
Правосудьемъ. И Криспъ веселый старецъ явился, [81]

---

70) Какъ у самодовольнаго пѣтуха. Онъ готовъ вѣрить откровенно - грубой лести, будто рыба сама пошла къ нему на столъ.

75) Либурнъ, либурнскій, дюжій рабъ. Смотр. Сат. III. 40.

77) Пегасъ только что назначенъ былъ городскимъ префектомъ. Но словомъ староста, Ювеналъ хочетъ сказать, что увеличивъ число префектовъ и совершенно подчинивъ ихъ своему произволу, Домиціанъ превратилъ столицу въ свою деревню—и потому спрашиваетъ: не назывались ли прежде такіе старосты префектами?

81) Вибій Криспъ, ораторъ, игравшій роль еще при Неронѣ и Веспасіанѣ—

Нравомъ и краснорѣчіемъ сильный равно,—благодушный
Сердцемъ. Кто могъ бы полезнѣй совѣтникомъ быть властелину
Моря, земли и народовъ, коль съ этой бѣдой и чумою
Было бъ совѣтовать мыслимо противъ неистовства, въ пользу
Честнаго дѣла? Но что раздражительнѣй уха тиранна,
Съ коимъ и разговоръ о дождяхъ, о жарѣ иль туманахъ
Ранней весны способенъ навлечь несчастье на друга?
Вотъ поэтому тотъ никогда своихъ рукъ не напружилъ [89])
Противъ теченья и не былъ онъ гражданиномъ, готовымъ
Словомъ свободнымъ дерзнуть и жизнью отвѣтить за правду.
Такъ то множество зимъ и восьмидесятое лѣто
Онъ увидалъ и въ оружьи такомъ уцѣлѣлъ въ тѣхъ чертогахъ.
Тутъ вошелъ всѣхъ ближе къ нему лѣтами Ацилій [94])
Съ сыномъ, не заслужившимъ той лютой смерти, какою
Онъ сраженъ былъ мечами владыки. А впрочемъ давно ужъ
Чудомъ великимъ слыветъ при высокомъ рожденіи старость:

хотя его мягкость граничила съ безхарактерностью. Тацитъ между прочимъ Ист. II. 10, упоминаетъ о немъ какъ о доносчикѣ.

[89]) Этотъ ille—тотъ—опять Криспъ, о которомъ шла рѣчь.

[94]) Старый М. Глабрій Ацилій съ сыномъ. Оба были сенаторами, а сынъ былъ и консуломъ. Заподозрѣнный въ злоумышленіи, онъ былъ убитъ по повелѣнію Домиціана, послѣ неудачной попытки погубить его въ Албанскомъ амфитеатрѣ въ борьбѣ съ Нумидійскимъ львомъ.

Вотъ почему предпочелъ бы я быть лишь братцемъ Гигантовъ [98]).
Стало быть не помогло бѣднягѣ, что Нумидійскихъ
Медвѣдей онъ голый кололъ на Албанской аренѣ
Въ рукопашномъ бою. Кто жь патриціанскихъ уловокъ
Не понимаетъ теперь? Кого твоя дѣтская хитрость,
Брутъ, озадачитъ? Царя бородатаго сбить то не трудно.
Съ виду не лучше его, хотя худородный, явился
Рубрій въ безмолвномъ сознаніи старой вины за собою
И нахальнѣй однако ерыги, что пишетъ сатиру.
Тутъ появилось и брюхо Монтана лѣнивое съ жиру [107])
И Криспинъ, что съ утра потѣетъ амомомъ настолько [108]),
Что его бы едва-ль на двухъ не хватило усопшихъ.
Злѣе его Помпей, что шепнетъ и горло намѣтитъ,

98) Братцемъ Гигантовъ, родившихся прямо изъ земли, т. е. безродныхъ.

100) Нумидійскихъ медвѣдей совершенно въ духѣ Ювенала, вѣчно играющаго представленіями. Нумидійскаго льва онъ иронически называетъ медвѣдемъ, какъ Римляне называли Пирровыхъ слоновъ Калабрскими быками. Своей готовностію явиться на аренѣ гладіаторомъ Ацилій хотѣлъ доказать свою преданность Домиціану. На такую уловку не поддался Домиціанъ, подобно какому нибудь старинному бородатому Тарквинію.

105) Рубрій Галлъ, перешелъ отъ Нерона въ Испанію къ Гальбѣ. При Веспасіанѣ ходилъ на Сарматовъ, теперь онъ чувствовалъ за собой старую вину — такъ какъ онъ состоялъ нѣкогда въ связи съ Юліей, дочерью Тита, тѣмъ не менѣе нахально проповѣдывалъ чистоту нравовъ.

107) Монтанъ далѣе ст. 130. является старымъ мастеромъ обжорства еще со временъ Нерона; но тотъ ли это Курцій Монтанъ, котораго Тацитъ Анн. XVI, 28 и 33 и Ист. IV. 42. изображаетъ честнымъ ораторомъ или Т. Юлій Монтанъ—рѣшить не беремся.

108) Криспинъ см. тутъ же с. 1, умащающійся не какъ другіе передъ трапезой, а съ утра и притомъ такъ обильно, какъ умащаютъ покойниковъ, долженъ бы въ этомъ мѣстѣ играть большую роль, еслибы первая часть сатиры была вступленіемъ во вторую.

110) Не достаточно опредѣляемый лично—Помпей является здѣсь злобнымъ наушникомъ.

Да и тотъ, что берегъ коршунáмъ свое тѣло Дакійскимъ,
Фускъ, помышлявшій о битвахъ однихъ на мраморной виллѣ [112])
И Вейентонъ осторожный со смертоноснымъ Катулломъ [113])
Тѣмъ, что любовью пылалъ къ никогда имъ не виданной дѣвѣ,
Всѣмъ на диво чудовище даже и въ наше то время;
Льстецъ слѣпой и жестокій, сообщникъ словно бы съ мосту,
Стоило бъ нищенствовать ему у колесъ Арицинскихъ
И поцѣлуи кидать уже миновавшей коляскѣ.
Больше его никто не дивился камбалѣ: много
Онъ говорилъ обращаяся влѣво, а справа лежала
Рыба. Такъ то онъ бой Киликійца хвалилъ и удары [121]),
И машину и мальчиковъ съ ней летящихъ къ навѣсу.
Не уступилъ Вейентонъ, а какъ уязвленный фанатикъ
Оводомъ, Беллона, твоимъ пророчитъ и:—„чуднымъ
Знаменьемъ это тебѣ“,—восклицаетъ, „большаго тріумфа!

---

112) Корнелій Фускъ, подобно Криспину, преторіанскій префектъ палъ при Домиціанѣ во второй Дакійской войнѣ, но въ описываемое время предавался на своей виллѣ мечтамъ воинственнаго честолюбія.

113) Фабрицій Вейентонъ преторъ при Неронѣ былъ сосланъ за ѣдкія записки о сенаторахъ и жрецахъ, но при Нервѣ возвращенъ и состоялъ въ дружбѣ съ отъявленнымъ негодяемъ, кровожаднымъ любимцемъ Домиціана Валеріемъ Катулломъ Мессалиномъ, про котораго намъ поэтъ говоритъ, что будучи слѣпымъ, онъ никогда не видалъ своей любовницы и заслуживалъ бы стоять съ другими слѣпыми нищими на мосту или на Арицинскомъ холмѣ, на который коляски по неволѣ взъѣзжаютъ шагомъ, и со слѣпу раскланиваться съ уже миновавшими.

121) Этотъ Киликіецъ былъ знаменитый гладіаторъ. - Машина подбрасывала акробатовъ подъ самый навѣсъ цирка—веларій.

Ты какого нибудь захватишь царя, не свалился бъ
Арвирагъ съ Колесницы Британской. Уловъ то заморскій; [127])
Видишь колья торчатъ на спинѣ?“ Одного нехватало, [128])
Чтобы Фабрицій и родину камбалы вспомнилъ и годы.
„Какъ же ты полагаешь? Изрѣзать-ли?“ „Пусть не коснется
Это безчестье ея,“ Монтанъ говоритъ „изготовить
Нужно глубокое блюдо, просторное, въ стѣнкахъ по тоньше:
Блюдо такое великаго, быстраго ждетъ Прометея.
Живо доставьте къ тому колесо и глину! но съ этихъ
Поръ ужъ горшечники быть должны при дворѣ твоемъ Цезарь!
Препобѣдило достойное мужа сужденье. Онъ помнитъ
Прежнюю царскую роскошь и ночи пировъ при Неронѣ
И вторичный къ полуночи голодъ, какъ печень Фалерномъ
Разжигалась. Въ мои времена ѣдока не бывало
Выше его: у Цирцей ли родились, иль подлѣ Лукринскихъ
Скалъ иль на днѣ Рутупійскомъ на свѣтъ появились
Устрицы, только разъ бывало укуситъ,—узнаетъ
И на первый взглядъ обозначитъ берегъ эхина.
Вотъ встаетъ онъ, совѣтъ распустилъ и велитъ удалиться

---

127) Арвирагъ Царь Британскій неизвѣстный, буквально de temone „съ Британскаго дышла“.

128) Спицы гребня онъ обзываетъ кольями.

140) Цирцеи примор. гор. въ Лаціумѣ. Лукринское озеро близь Бай. Рутупія Британскій приморскій городъ Кантіевъ (Кентъ).

Знатнымъ, которыхъ въ Албанскій дворецъ предводитель великій
Созывалъ потрясенныхъ и по неволѣ спѣшившихъ,
Словно онъ нѣчто о Хаттахъ или жестокихъ Сикамбрахъ [147])
Имъ хотѣлъ говорить,—и съ разныхъ предѣловъ вселенной,
Страхъ возбуждая, письмо прилетѣло съ перомъ торопливымъ. [149])
Но ужъ лучше бы онъ на подобныя глупости тратилъ
Время неистовствъ, которыми самыя славныя души
Онъ у столицы отнялъ безнаказанно и безъ отмщенья!
Но погибъ онъ, когда сталъ страшенъ казаться рабочимъ: [153])
Это вредъ принесло обагренному Ламіевъ кровью.

САТИРА V.

Если еще ты своей не стыдишься повадки и также
Высшимъ благомъ считаешь чужою питаться трапезой;
Если ты можешь сносить, чего ни Сарментъ за жестокимъ [3])

---

147) Хатты (Гессенцы) и Сикамбры Германскія племена.

149) И по нынѣ на военной почтѣ припечатываютъ къ экстренной бумагѣ перо. Такая бумага называется летучкой.

153) Ламіи здѣсь какъ образецъ благородныхъ фамилій, противъ которыхъ безнаказанно свирѣпствовалъ Домиціанъ, убитый рабочими, т. е. придворною челядью.

V сатира.

И въ наше время въ нѣкоторыхъ домахъ приглашаются къ столу люди не по своему положенію, а только въ видѣ шутовъ-забавниковъ (Scurrae), хорошо понимающихъ свое униженіе, но ходящихъ по богатымъ обѣдамъ ради чревоугодія. Настоящая сатира выставляетъ такому чревоугоднику, обзываемому Требіемъ, тогда какъ хозяинъ дома названъ Вирроном ъ, всѣ униженія, которымъ онъ себя добровольно подвергаетъ въ дому надменнаго патрона.

3) Сарментъ лице шута изъ Горація, сат. X. I. 5, 52—допускаемо ко двору Августа также какъ вѣроятно и Габба.

Цезарскимъ столомъ, ни подлый бы Габба не вынесъ:
Будь ты присяжнымъ свидѣтелемъ,—я бъ тебѣ вѣрить боялся.
Я ничего не знаю скромнѣй желудка; представь же [6]),
Что у тебя ничего нѣтъ, чѣмъ бы наполнить утробу,
Развѣ нѣтъ мѣста на выступѣ, нѣтъ на мосту, на кусочкѣ [8])
Скудной рогожки? Иль такъ захотѣлось обидной трапезы?
Развѣ такъ голодъ томитъ, хоть могъ бы гораздо честнѣе
Тамъ ты дрожать и мерзость кусать собачьяго хлѣба?
Первымъ дѣломъ смекни, что ты приглашеньемъ къ обѣду
Плату пріемлешь вполнѣ за всѣ былыя услуги [13]).
Плодъ высокаго дружества—столъ. Хозяинъ считаетъ
Такъ, хоть и рѣдко приходится, все же считаетъ. Вотъ если
Чрезъ два мѣсяца вздумалъ забытаго звать онъ кліента,
Чтобы на третьей скамьѣ пустой не осталась подушка [17]),
То „сегодня мы вмѣстѣ“ онъ скажетъ. Верхъ счастья! Чего же

---

5) Если въ тебѣ такъ мало чести, то будь ты свидѣтелемъ подъ присягой—я тебѣ не повѣрю.

6) Желудокъ довольствуется самой скромной пищей.

8) На выступѣ зданій, на мосту или на любой рогожѣ можно утолить голодъ.

13) Этотъ стихъ указываетъ, что чревоугодникъ не шутъ, а обыкновенный кліентъ на послугахъ у патрона.

17) Третья скамья въ триклиніумѣ (смотр. нашъ рисунокъ въ перев. Горація К. II Сат. 8. 20) была нижайшая по почету. На каждой было три мѣста. Поэтому Требій приглашается такъ сказать ради симетріи.

Больше ты хочешь? Дождался Требій изъ за чего онъ
Сонъ свой долженъ прервать и ремней недовязывать, въ страхѣ,
Чтобы поклонная вся толпа не окончила круга
При звѣздахъ померкающихъ или въ то время, когда ужъ [22])
Колесницы холодныя никнутъ лѣнивца Боота.
Ужинъ однако каковъ?—Вино, что и въ новую шерсть то
Плохо; и ты въ сотрапезникѣ вдругъ Корибанта увидишь.
Перебранки начнутся, но скоро швырнешь ты бокаломъ
Раненый—и ушибы свои оботрешь ручникомъ покраснѣвшимъ;
Между немногими вами и отпущенцевъ когортой
Сагунтинскими кружками тутъ разгорится сраженье [29]).
Самъ же онъ пьетъ, что слитò при косматомъ консулѣ было,
Сокъ тѣхъ гроздій, что выжаты были въ гражданскія войны,
Хоть никогда не пошлетъ и глоткà больному онъ другу.

---

20) На башмакахъ.

22) Торопясь, изъ боязни, чтобы толпа кліентовъ, поднявшись еще передъ зарей, не окончила своихъ поздравленій, въ то время, когда созвѣздье Боота, сосѣдняго съ большей медвѣдицей, еще не заходило. Холоднымъ оно названо по близости къ полюсу, а лѣнивымъ по небольшому описываемому кругу. Конечно такой обычной торопливостью упрекаетъ Ювеналъ кліента, не относя ея ко дню приглашенія, что было бы не возможно.

25) Римляне для очистки состриженной овечьей шерсти смачивали ее виномъ, конечно самаго низкаго качества, которое чѣмъ хуже тѣмъ сильнѣе одуряетъ, такъ что сосѣдъ вдругъ видитъ своего сотрапезника дикимъ Корибантомъ,—жрецемъ Цибелы.

29) Сагунтъ славился глиняной посудой. Конечно ее ставили передъ незначительными гостями.

30) А хозяинъ пьетъ вино, слитое при республиканскомъ консулѣ, который еще не стригъ волосъ.

Завтра выпьетъ онъ нѣчто съ Албанскихъ горъ иль Сетинскихъ[33]),
То съ чего древность свела прозваніе мѣста и имя—
Копотью, что въ дыму на старой посудѣ насѣла.
Тразеа да Гельвидій въ вѣнкахъ подобное пили[36])
Въ дни рожденія Брута и Кассія. Самъ-то глубокій,
Янтаремъ изукрашенный и берулломъ покрытый[38])
Держитъ кубокъ Вирронъ; золотаго тебѣ недовѣрятъ
Иль, хоть когда и дадутъ, такъ стража приставятъ туда же,
Чтобы онъ камни считалъ и на острые ногти глядѣлъ бы.
Ужь извини: вѣдь на немъ превосходная славится яшма.
Ибо Вирронъ, какъ и многіе, ставитъ съ пальцевъ на кубки
Камни, какими себѣ украшалъ меча рукоятку
Юноша, что ревнивому предпочтенъ былъ Іарбу.
Ты-же изъ кубка съ носкомъ четвернымъ пить будешь, носящимъ[46])
Имя сапожника изъ Беневента, хотя и стекло то

---

33) Сетія въ Кампаніи, славилась виномъ.

36) Тразеа Петъ осужденный при Неронѣ и зять его Гельвидій Прискъ, изгнанный Нерономъ и казненный при Веспасіанѣ.

38) Берулль или Бериллъ—Аквамаринъ.

45) Теперь стали украшать кубки каменьями, которыя носили на пальцахъ, а въ древности на мечахъ, какъ н. пр. Эней, предпочтенный Дидоною Нумидійскому царю Іарбу. У Энея рукоятка меча была украшена ясписомъ (Вир. Энеид. IV. 36,—261).

46) (Тацитъ XV. 34) передаетъ, что Беневентскій сапожникъ Ватиній по своему безобразію, огромному носу и злому нраву былъ въ особенной чести при дворѣ Нерона, а Марціалъ свидѣтельствуетъ, что родъ безобразныхъ кубковъ съ несоразмѣрно длиннымъ носомъ былъ прозванъ Ватиніевскимъ.— Хотя quatuor nasorum, собственно о четырехъ носахъ, но мы переводимъ четверный, такъ какъ очевидно рѣчь идетъ о четверной длинѣ, а не о четырехъ носикахъ.

Лопнуло и давно для замазки нуждается въ сѣрѣ.[48])
Если желудокъ владыки горитъ отъ вина и отъ пищи,
Гетскихъ снѣговъ холоднѣй кипяченой воды ему сыщутъ;
Гдѣ ужъ сѣтовать мнѣ, что вина вамъ даютъ не того же?
Вы и воду пьете другую. Подастъ тебѣ кубокъ[52])
Скороходъ Гетулійскій иль Мавръ костлявой рукою,
Черный, съ которымъ лучше къ полуночи ты не встрѣчайся
Около памятниковъ по наклонной Латинской дорогѣ.
Передъ владыкою Азіи цвѣтъ, что заплаченъ дороже,
Чѣмъ состоянья у храбраго Туллія было, у Анка
И, короче скажу, чѣмъ у Римскихъ царей было всѣхъ то
Рухляди. Коль это такъ на Гетульскаго ты Ганимеда,
Пить захотѣвши, смотри. Столько тысячъ стоившій мальчикъ
Не захочетъ служить бѣднякамъ: краса и лѣта въ немъ
Гордость питаютъ. Ну какъ же ему къ тебѣ подойти то?
Какъ на зовъ твой бѣжать съ холодной и теплой водою?
Возмущенъ безъ сомнѣнья служитъ онъ старцу, кліенту,
Если ты спросишь чего—и стой предъ тобой онъ лежащимъ.

---

48) Римляне въ замазку клали сѣру.

50) Амфитріонъ пьетъ кипяченую т. е. очищенную, а потомъ настуженую воду, холоднѣе Гетскихъ (Скиѳскихъ снѣговъ).

52) На большихъ пирахъ брали для прислуги и другихъ челядинцевъ, напр. скороходовъ Гетулійскихъ (Африканскихъ).

55) Около Латинской дороги кладбище (Сат. I. 171). Встрѣтя ночью тамъ такого эѳіопа, ты бы принялъ его за привидѣніе.

Всякій значительный домъ надменною полонъ прислугой.
Вотъ и другой, съ какимъ ворчаньемъ хлѣбъ подаетъ онъ
Еле молотый, въ грубыхъ кускахъ уже плѣснью покрытыхъ,
Отъ которыхъ больно зубамъ и никакъ не откусишь.
Мягкій и бѣлоснѣжный, изъ лучшей пшеницы печеный,
Подается хозяину. Ты руку то сдерживать помни,
Уваженье храни къ хлѣбодару! Однако допустимъ
Дерзость такую въ тебѣ, найдется такой, что осадитъ:
„Чтожъ ты дерзостный гость не берешь изъ должной корзины
И своего то хлѣба еще не примѣтилъ ты цвѣта?“
„Знать изъ за этого я такъ часто, оставя супругу,
Бѣгалъ на высоту холодныхъ холмовъ Эсквилина,
Какъ весеннее небо жестокій градъ вытрясало
И отъ большаго дождя съ моей накидки струилось?“
Посмотри, какъ омаръ, что несутъ господину, вдоль блюда
Растянулся и какъ вѣнцомъ окруженный изъ спаржи
Онъ, хвостомъ обращаясь къ гостямъ, взираетъ, какъ входитъ
Онъ, приподнятъ руками слуги высокаго ростомъ.
А тебѣ съ половинкой яйца небольшаго лишь крабба
Ставятъ, такой похоронный ужинъ на крошечномъ блюдѣ.
Самъ онъ масло Венафрское льетъ на рыбу, а та то [86])

[86]) Венафръ въ Кампаніи славился сливками и масломъ.

Блѣдная, что тебѣ бѣдняку подаютъ, капуста воняетъ
Фонаремъ; на ваши тарелочки льютъ только масло,
Что остроносое судно Миципсовъ привозитъ, и ради [89])
Коего въ Римѣ никто съ Боккаромъ мыться не хочетъ,
(Что съ тѣмъ вмѣстѣ ихъ и отъ черныхъ змѣй охраняетъ.) [91])
Господину дадутъ барвену у Корсики родомъ
Или у скалъ Тавроменскихъ, когда все море то наше [93])
Перерыто и пусто, когда по алчности глотки
Всё ближайшее къ рынку непрестанно сѣтями
Бороздится и ростъ не даемъ мы рыбѣ Тирренской [96]).
Вотъ и снабжаетъ очагъ провинція, тамъ забираютъ,
Что ловецъ Лэней закупитъ, Аврелія сбудетъ [98]).
Для Виррона мурену несутъ, что огромная вышла
Изъ Сикулійскихъ пучинъ; ибо только Австеръ уймется
И засѣвши въ тюрьмѣ осушаетъ влажныя крылья,
Сѣти отважныя пустятся въ глубь, презирая Харибду.

---

89) Canna Micipsarum собственно тростникъ Миципсовъ, такъ какъ Нумидійцы употребляли изъ тростника плетеныя и осмоленныя суда. Желающіе могутъ прочесть стихъ, вставивъ точное выраженіе. Изъ Нумидіи привозилось вонючее растительное масло изъ Sesam'а (чечевицы?) Боккаръ какъ и Миципсъ—Нумидіецъ.

91) Вставочный стихъ.

93) Тавроменъ (нынѣ гор. Taormina) на вост. берегу Сициліи.

96) Тирренскій—Тосканскій.

98) Лэней, ловецъ духовныхъ завѣщаній, увиваясь около богатой вдовы Авреліи, посылаетъ ей въ подарки наилучшія лакомства. Но такъ какъ и другія ловцы посылаютъ ей тоже, то по расчетливости, она прямо за деньги сбываетъ полученную рыбу.

100) Австеръ (южн. вѣтеръ) въ тюрьмѣ, какъ у Виргилія (Энеиды I. 51).

Вамъ предлагаютъ угря, змѣи долговязой роденьку
Или рыбу изъ Тибра, всю испещренную стужей,
Даже жилицу прибрежную, жирную въ быстрыхъ клоакахъ
И проникать наторѣвшую въ глуби канавъ подъ Субурой.
Я бъ самому то шепнулъ, коль ухо готовъ преклонить онъ:
Не вымогаетъ никто, чтобъ скуднымъ друзьямъ посылалъ ты
То, что Сенека, что добрый Пизонъ посылалъ или Котта [109])
Предлагалъ, ибо прежде превыше титуловъ и связокъ
Честь почиталась щедротъ, объ одномъ тебя только мы просимъ,
Ужинай какъ гражданинъ; лишь это дѣлай и будь ты [112]),
Какъ нынѣ сплошь, богатъ для себя и бѣденъ для друга.
Печень жирнаго гуся предъ нимъ, да гусю подъ пару
Сытый каплунъ и меча Мелеагра достойный дымится
Вепрь; а за нимъ подадутъ трюфелей, и если въ то время
Будетъ весна и желанные громы, то будешь крупнѣйшихъ
Кушать; „Передъ тобой,“ восклицаетъ Алледій, „пшеница [118])

---

109) О щедрости Пизона и Котты Тацитъ XV. 48; XIII, 34.

112) Разъ что ты назвалъ равноправныхъ гражданъ—не дѣлай за ужиномъ между ними различія—а въ остальное время будь скупъ сколько угодно.

115) Мелеагръ, сынъ Каледонскаго царя Оинея, поразилъ въ числѣ другихъ страшнаго вепря, насланнаго на страну Артемидой за то, что Оиней обошелъ ее жертвоприношеньемъ.

118) Римскій всадникъ Аллендій Северъ, былъ (по Тациту XII. 7) низкопоклонникомъ Клавдія и Агриппины. Должно быть онъ обладалъ въ Африкѣ большими имѣніями (latifundium). Отпряги воловъ—перестань пахать.

Вся, о Либія, хоть воловъ отпряги, шли намъ трюфель."
Кравчаго между тѣмъ, чтобы негодовать до конца ужь,
Можешь ты скачущимъ видѣть и помавающимъ быстрымъ
Ножикомъ, до тѣхъ поръ, какъ всѣ предписанья искусства
Онъ исполнитъ; вѣдь впрямь различія въ этомъ не мало
Зайцы съ жестомъ какимъ, съ какимъ разнимаются куры.
Ты бы за ноги былъ, какъ Иракломъ низверженный Какусъ,
Вытащенъ за порогъ, если-бъ только осмѣлился пикнуть,
Хоть имѣешь три имени. Развѣ Вирронъ то съ тобою[127])
Чекнется или возметъ бокалъ, къ которому губы
Ты поднесъ? Кто изъ васъ до того заносчивъ, настолько
Сумасброденъ, чтобъ молвить владыкѣ: „выпьемъ". Не смѣютъ
Многаго люди сказать, на которыхъ истертое платье.
Если-бы всадника цензъ тебѣ богъ или богоподобный
И добрѣе судьбы подарилъ человѣчекъ, какимъ бы
Изъ ничего, какимъ ты другомъ сталъ бы Виррона?

---

120) Кравчій, разрѣзая поданное мясо, предается извѣстнымъ тѣлодвиженіямъ, указаннымъ искусствомъ. Эта мимика заставляетъ Ювенала видѣть кравчаго saltantem, скачущимъ или пляшущимъ.

125) Пораженіе огнедышащаго Какуса Геркулесомъ Ст. Вирг. Энеиды. VIII 249.

127) Три имени (Децимъ Юній Ювеналъ) носили не только граждане, но и отпущенцы.

„Требію дай! Передъ Требіемъ ставь! Не хочешь ли братецъ
Вотъ отъ филею?“ О деньги, вѣдь почесть то вамъ отдается,
Вы то братцы! Но если желаешь владыкою быть и владыки
Стать царемъ, то пускай во дворѣ у тебя не играетъ [138])
Ни малютка Эней, ни еще милѣйшая дочка:
Только супруга безплодная милымъ становитъ намъ друга.
А твоя то Микала пускай рождаетъ, и тройню [141])
Разомъ на лоно отца повергаетъ, тутъ онъ и самъ то
Будетъ ласкать болтливыхъ птенцовъ, зеленую куртку [143])
Скажетъ принесть и мелкихъ орѣховъ и прошеныхъ ассовъ,
Каждый разъ, какъ къ столу подойдетъ прихлебатель малютка.
Бѣднымъ друзьямъ кладутъ грибовъ съ сомнительнымъ свойствомъ,
А господину сморчекъ; но такой, какіе ѣлъ Клавдій [147])
Прежде, чѣмъ женинъ онъ съѣлъ и послѣ не ѣлъ ничего ужъ.
Яблокъ Вирронъ себѣ и другимъ Вирронамъ прикажетъ

---

[138]) Буквальное воспроизведеніе мечты Дидоны Вирг. Энеид. IV 328, вмѣсто простаго: Если желаешь быть окруженъ вниманіемъ, то при богатствѣ не имѣй дѣтей и будутъ гоняться за твоимъ наслѣдствомъ.

[141]) Самое имя показываетъ, что Микала не супруга, а наложница — дѣти которой не наслѣдники и потому ищущій наслѣдства станетъ ихъ ласкать въ угоду тебѣ, зная что они не мѣшаютъ его замысламъ.

[143]) Viridem thoraca, объясняютъ игрушечной курткой на подобіе тѣхъ, какіе надѣвали зеленые въ циркѣ. — Выраженіе темное.

[147]) Не ручаемся за вѣрность перевода сорта грибовъ boletus, словомъ сморчекъ, скорѣе boletus шампиньонъ, котораго мы избѣгаемъ ради его французскаго происхожденія. Любимой пищей Клавдія были грибы и послѣдняя жена его Агрипина угостила его отравленнымъ.

Дать такихъ, что ихъ запахомъ ты однимъ восхитишься;
Были подобныя только у осени вѣчной Феаковъ,[151])
Ты подумаешь, что у сестеръ Африканскихъ ихъ рвали[152]).
Гадкое яблоко ты будешь ѣсть, какое кусаетъ
На валу обезьяна, что въ шлемѣ, щитомъ прикрываясь,
Въ страхѣ бича учена съ козы метать свою пику.
Думаешь ли, что Вирронъ боится расходу? Онъ это
Дѣлаетъ, чтобъ ты страдалъ; вѣдь какая-жъ комедія или
Мимъ искуснѣй кричащей утробы? По этому знай же,
Все творится, чтобъ ты слезами желчь принужденъ былъ
Выливать и скрипѣть давно притиснутымъ зубомъ.
Ты считаешь себя свободнымъ гостемъ вельможи,
Онъ тебя запахомъ кухни своей считаетъ плѣненнымъ
И не худо смекнулъ; кто жъ такъ оголенъ, чтобы это
Дважды стерпѣть, коль носилъ Этрусское золото въ дѣтствѣ [164])
Или хоть узелъ одинъ и знакъ на бѣдномъ ремешкѣ?
Васъ сбиваетъ надежда на ужинъ хорошій. „Вотъ дастъ молъ

---

151) Описанія сада Алкиноя царя Феаковъ (см. Одиссеи VII 112—121).

152) Африканскія сестры—Геспериды.

155) На валу Сервія Туллія, возобновленномъ Тарквиніемъ Гордымъ и превращенномъ Меценатомъ въ мѣсто прогулки, являлись разные фокусники, между прочимъ и съ обезьяной верхомъ на козѣ.

164) Плиній н. и. 33. 1, свидѣтельствуетъ объ учрежденіи Тарквиніемъ Древнимъ (Этрускомъ) для дѣтей отличившихся въ битвахъ гражданъ, особаго знака: золотой буллы или ладонки для ношенія на шеѣ, въ отличіе отъ другихъ дѣтей, свободныхъ, носившихъ на простомъ ремешкѣ кожаную ладонку. Тѣ и другія слагались при совершеннолѣтіи и посвящались домашнимъ богамъ (ларамъ).

Что осталось отъ зайца или отъ кабаньей лопатки,
Вотъ каплуна намъ дадутъ“. Поэтому неприкасаясь
Къ хлѣбу, что передъ вами положенъ, всѣ вы молчите.
Тотъ и правъ, кто съ тобою такъ поступаетъ: коль можешь
Все ты стерпѣть, то и долженъ. Ты скоро и съ теменемъ бритымъ [171])
Голову дашь подъ удары и кнутьевъ не станешь бояться,
И подобныхъ пировъ и подобнаго друга достойный.

---

171) Въ комедіи или мимѣ роль дурака игралась съ полувыстриженной или бритой головой. Такой дуракъ былъ цѣлію всѣхъ толчковъ и ударовъ.

Д. ЮНІЯ ЮВЕНАЛА

САТИРЪ

КНИГА ВТОРАЯ.

САТИРА VI.

Думаю, что при царѣ Сатурнѣ долго Стыдливость
Явно жила на землѣ, когда въ пещерѣ холодной
Помѣщался и крошечный домъ и огонь и святыня,
И скоты и хозяева въ той же сѣни заключались;
Какъ лѣсную постель у горца жена настилала
Изъ вѣтвей и стеблей да шкуръ съ окрестныхъ животныхъ,
Ни съ тобою, о Цинтія не сходна, ни съ тобою [7]),
Коей смерть воробья омрачила блестящія очи,
А приносившая груди кормить дѣтей здоровенныхъ

Книга II. Сат. VI.

Въ статьѣ о жизни и твореніяхъ Ювенала намъ уже представился случай говорить о томъ, что настоящая сатира составляющая цѣлую книгу, не взирая на могучую силу отдѣльныхъ мѣстъ, носитъ характеръ сборника отдѣльныхъ сатирическихъ стихотвореній, слитыхъ позднѣе авторомъ въ цѣлое. Дѣло идетъ о всеобщемъ упадкѣ чувства стыда, у женщинъ, послѣ того, что сказано было про мужчинъ во II-й сатирѣ, съ прибавленіемъ того, что мужчины прикрываютъ свое безстыдство лицемѣріемъ.

7) Конечно жена троглодита не похожа была на изнѣженную Цинтію, подъ именемъ которой Проперцій воспѣлъ свою возлюбленную Гостію, или на Катуллову Лезбію, (Клодію) оплакивающую смерть воробья (Вестфаль Über den passer der Lesbia oder Clodia стр. 50).

И грубѣе подъ часъ желудьми пресыщеннаго мужа.
Ибо иначе на новой землѣ и подъ небомъ недавнимъ
Жили люди тогда, порожденные треснувшимъ дубомъ
Или изъ глины изшедшіе—безъ родителей всякихъ.
Можетъ быть и отъ слѣдовъ Стыдливости древней хранилось
Много иль нѣчто еще при Зевесѣ, но лишь при Зевесѣ
Безбородомъ, когда еще Греки не такъ головою
Ближнихъ клялися легко; а вора никто не боялся [17])
Ни для кочней, ни для яблокъ, а жили въ саду не запертомъ.
Но по немногу за тѣмъ въ небеса воротилась Астрея [19])
Вмѣстѣ съ тою, и обѣ сестры одновременно скрылись.
Изстари ужъ завелось, Постумій, чужую постелю [21])
Потрясать, оскорбляя священнаго Генія ложа.
Вѣкъ желѣзный затѣмъ всѣ иныя родилъ преступленья:
Видѣлъ первыхъ уже серебряный вѣкъ любодѣевъ.
Ты же готовъ сватовство, сговоръ и свадьбу затѣять
Въ наше то время, уже тебя искусный цырюльникъ
Чешетъ и можетъ быть ты кольцо обручальное далъ ужъ.

---

15) Въ началѣ царствованія молодаго, еще безбородаго Зевеса, въ серебряномъ вѣкѣ.

17) Римляне считали Грековъ большими хвастунами и лгунами и читатель убѣдится, какъ мало этихъ пришельцевъ щадитъ Ювеналъ.

19) Астрея собственно звѣздная богиня, миѳъ позднѣйшей Александрійской миѳологіи, дочь Зевеса и Ѳетиды, вмѣсто прежней Дики, богини правосудія. Астрея вернулась на небо вмѣстѣ съ тою т. е. Стыдливостью.

21) Постумій, произвольное имя жениха, или, какъ видно изъ 28 ст. тутъ же, человѣка сватающагося—повторяется и въ 377 ст.

Былъ въ своемъ ты умѣ. Супругу берешь ты, Постумій?
Иль Тизифона, скажи, иль змѣи тебя подгоняютъ? [29])
Ты заведешь госпожу, хотя еще цѣлы веревки,
Хоть до обморока высокія настежъ окошки,
Хоть по сосѣдству Эмиліевъ мостъ къ твоимъ же услугамъ? [32])
Если жъ конецъ ни одинъ изъ многихъ тебѣ не по нраву,
Развѣ не лучше по твоему, что почиваетъ съ тобою
Мальчикъ, который въ ночи небранится, съ тебя ухищрено
Не вымогаетъ подарочковъ и неропщетъ, что слишкомъ
Ты спокойствіе цѣнишь и недовольно любезенъ?
Но Урсидію милъ законъ Юліанскій, онъ хочетъ [38])
Дорогаго наслѣдника, радъ отказаться отъ жирныхъ
Горлицъ иль гребня барвены и соблазнителей рынка.
Что же считать невозможнымъ, если Урсидій съ какою
Вступитъ въ бракъ? Коль извѣстный всѣмъ волокита протянетъ
Съ дуру ротъ къ удиламъ супружескимъ, онъ то, который
Столько разъ въ сундукѣ укрывался бѣдняги Латина? [44])

---

[29]) Мстительница убійства, одна изъ Фурій. Змѣи на головѣ Горгоны.

[32]) Эмиліевъ мостъ, соединявшій островъ на Тибрѣ съ Римомъ.

[38]) Урсидій—Постумій. Очевидно отдѣльный отъ Постумія—охотникъ жениться. Августовъ Юліанскій законъ въ пользу браковъ давалъ премію за трехъ сыновей.

[44]) Латинъ (см. сат. I. 36) въ комедіяхъ, трунившихъ надъ обманутыми супругами, игралъ любовниковъ и между прочими бѣдствіями, въ жестокія минуты скрывался въ сундукъ.

Что же если и онъ старинныхъ нравовъ супругу
Ищетъ? О, врачи, излишнюю кровь то пустите!
На смѣхъ людямъ! Молись, на порогѣ склоняясь тарпейскомъ[47]
И заколи ты Юнонѣ блестящую золотомъ телку,[48]
Если съ стыдливымъ челомъ тебѣ попадется супруга.
Мало такихъ, что достойны касаться повязки Цереры
И поцѣлуевъ которыхъ отецъ не страшился-бъ. Увѣшай[51]
Притолки ты цвѣтами, пороги одѣнь ты плющами!
Развѣ мужемъ однимъ Гиберина довольна? Скорѣе[53]
Ты добьешься, чтобъ съ глазомъ она однимъ оставалась.
Но вѣдь хвалятъ никакъ вонъ ту, что въ отцовской деревнѣ
Проживаетъ? Живи она въ Габіяхъ также какъ въ полѣ,[56]
Хоть въ Фиденахъ, хоть, я допущу, и на дачѣ отцовской.
Кто же поручится, что ничего не свершилось въ пещерахъ
Или скалахъ? До того ли Юпитеръ и Марсъ устарѣли?
Въ портикахъ ли ты найдешь твоихъ достойную мыслей

---

47) Порогъ Тарпейскій,—храмъ Капитолійскаго Юпитера.

48) съ вызолоченными рогами.

50) Малодостойныхъ по чистотѣ быть жрицами Цереры.

51) ради дурнаго запаха, слѣдствія распущенной жизни. Увѣшай цвѣтами и т. д. исполни свадебный обрядъ—женись.

53) Гиберина вмѣсто всякаго другаго женскаго имени.

56) Габіи городокъ въ Лаціумѣ, а Фидены на сѣверо-востокъ отъ Рима.

60) Портики, тѣ колоннады вокругъ храмовъ, театровъ и публичныхъ зданій, что служили мѣстами прогулки для избранной публики.

Женщину? Въ цѣлыхъ толпахъ на зрѣлищахъ есть ли такая,
Чтобы спокойно тебѣ полюбить и выбрать оттуда?
Какъ пластичную Леду красавецъ Ваѳиллъ затанцуетъ, [63])
Тукція слабнетъ нутромъ, Аппула стонетъ; какъ будто [64])
Во внезапныхъ объятіяхъ и, о горе! Тимела
Долго вникаетъ, и вотъ деревенской Тимелѣ наука.
Но другія въ то время, когда отдыхаютъ завѣсы,
Да при пустыхъ и закрытыхъ театрахъ гудятъ только рынки,
И отъ игрищъ плебейскихъ до Мегалезій далеко, [69])
Съ грустію держатъ и маску и тирсъ и надъ фартукомъ пышутъ.
Урбикъ смѣшитъ въ концѣ Ателланы, кривляя ужимки [71])
Автоной: и онъ не богатою Эліей избранъ.
Тѣ за деньги большія снимаютъ съ комика запонъ,
Эти мѣшаютъ пѣть Хризогону, Гиспулла же рада

---

63) Въ пантомимѣ Леды красавецъ Ваѳинъ танцами передаетъ нѣгу героини.

64) Тукція неизвѣстная особа знатнаго имени, неразъ появляющаяся въ исторіи Аппула или комически передѣланная Аппія, или просто Апулійка.

65) Мѣсто это недостаточно ясно. Тимела ст. I. 36. является извѣстной актрисой. Если эту предположить отдѣльнымъ лицомъ,—скромной деревенской дѣвушкой, то связь съ знакомой намъ уже Тимелой прерывается. Но вѣроятно поэтъ представлялъ здѣсь первый моментъ ея знакомства и затѣмъ и увлеченія сценой.

69) Плебейскія игры были въ Ноябрѣ, а Мегалезіи (Μεγάλη Θεα)—(Цибела) въ началѣ Апрѣля, такъ что зимой не было театральныхъ зрѣлищъ, которыхъ было много лѣтомъ отъ Мегалезій до Плебейскихъ.

70) За отсутствіемъ актеровъ, умиляются и вдохновляются ихъ сценическими аттрибутами.

71) Въ Эксодіи простонародныхъ Ателланъ, третьестепенный актеръ Урбикъ кривляется въ роли Автонои, дочери Кадма и сестры Агавы — съ которой она разрываетъ Пентея. Трагическое превращено въ фарсъ.—Такой плохой актеръ по карману не богатой Эліи.

Трагику: или ты ждешь, что полюбятъ онѣ Квинтильяна?
Вотъ и возмешь ты жену, съ которою станетъ отцомъ то
Эхіонъ китаредъ, Глафиръ или флейтщикъ Амвросій [77]).
Тутъ вдоль улицъ мы тѣсныхъ съ тобой нагородимъ подмостковъ
Да и двери и притолки пышнымъ лавромъ украсимъ,
Чтобы, Лентулъ, тебѣ въ черепаховой крытой кроваткѣ
Благородный ребенокъ напомнилъ борца Эвріала.
За сенаторомъ бывшая Эппія съ мимомъ бѣжала
Къ Нилу, къ Фаросу и къ зданьямъ многопрославленнымъ Лага [83]),
Такъ что Канопъ порицалъ въ изумленіи римскіе нравы.
Домъ позабывъ и супруга она и сестеръ, объ отчизнѣ
Не пожалѣла ничуть, ни о плачущихъ дѣтяхъ, злодѣйка,
И подивись еще больше, театръ и Париса забыла [87]).

---

75) Знаменитый риторъ

77) Глафиръ былъ при Домиціанѣ знаменитый китаредъ (по нашему гитаристъ, цитристъ). Амвросій третій музыкантъ флейтщикъ, поддерживавшій хоръ. Выше женщины ищутъ любовниковъ среди актеровъ—здѣсь среди музыкантовъ.

80) Можетъ бы то о чемъ говорится и случилось со знатнымъ Лентуломъ, послѣ того какъ онъ празднуя свадьбу, строилъ подмостки для зрителей и украшалъ двери дома. Боецъ Эвріалъ, послѣ мимовъ, пѣвцовъ и музыкантовъ, еще новый родъ сценическихъ лицъ.

83) Фаросъ, небольшой островокъ въ устьяхъ Нила передъ Александріей, съ знаменитымъ маякомъ. Птоломей Лагъ сдѣлалъ Александрію главной столицей Египта и украсилъ этотъ городъ. Тамъ же на западномъ берегу Нила г. Канопъ, славившійся роскошью (см. сат. XV. 46) тѣмъ не менѣе пораженъ Римскими нравами.

87) Изъ двухъ соименныхъ танцовщиковъ: при Неронѣ и Домиціанѣ, здѣсь упоминается Парисъ любимецъ Домиціана.

Но, хотя и въ богатствѣ большомъ на перинѣ отцовской
Спать привычная съ дѣтства въ украшенной золотомъ люлькѣ,
Презрѣла море она, какъ нѣкогда честь презирала,
О которой онѣ не заботятся, нѣжась на креслахъ.
Вотъ и Тирренской волны и шумный разгулъ Іонійской
Перенесла она твердой душей, хотя ей такъ много
Перемѣнить приходилось морей. Но если опасность
Вызвана честной причиной, то страхъ пробираетъ имъ дрожью
Грудь, и на шаткихъ ногахъ онѣ удержаться не могутъ;
Съ твердымъ духомъ проводятъ дѣла преступной отваги.
Если супругъ указалъ, вступать на корабль нестерпимо,
Тутъ отъ трюма тошнитъ, тутъ небо то словно вертится;
Та, что плыветъ за дружкомъ, желудкомъ крѣпка; эта мужа
Облевала, а та съ матросами ѣстъ и гуляетъ
Вдоль всей кормы и рада хвататься за тяжесть каната.
Что жъ за краса то зажгла, какая же юность плѣнила
Эппію? Что увидала она, что и кличку актерши
Переносила? Сереженька вѣдь и горло скоблить ужъ
Началъ и отдыхъ рукѣ доставить чаялъ насѣчкой.
Кромѣ того на лицѣ безобразій много, отъ шлема
Напримѣръ есть рубцы, огромнѣйшій къ носу приростокъ

105) Скоблить бритвой горло онъ началъ потому, что борода стала слишкомъ груба на видъ,—онъ уже (по схоліасту) мечталъ поступить въ жрецы Беллоны, которые при посвященіи дѣлали себѣ насѣчки на рукахъ.

И жестокій изъянъ, постоянно слезливое око.
Но онъ былъ гладіаторъ: вотъ этимъ они Гіацинты.
Это она предпочла отчизнѣ и дѣтямъ и сестрамъ
И супругу. Желѣзо то, вотъ что имъ любо. И Сергій
Сталъ бы, взявши отставку, казаться и самъ Вейентономъ.[113])
Ты про частный домъ, да про Эппіи дѣло толкуешь?
На соперниковъ глянько боговъ, послушай, что Клавдій
Претерпѣвалъ. Какъ почуетъ супруга, что мужъ почиваетъ,
То дерзнувъ предпочесть Палатинскому ложу рогожку,
И ночной башлыкъ августѣйшая взявши блудница,
Тотчасъ уходитъ, съ собой одну лишь взявши служанку.
И подъ свѣтлый парикъ волоса свои черныя спрятавъ,
Входитъ она въ вертепъ, отъ тряпья устарѣвшаго душный,
И въ пустую отдѣльную клѣть. Тамъ она предстояла,
Въ золотѣ грудь—нагишемъ, подъ именемъ ложнымъ Лициски,
И казала твою, благородный Британикъ утробу[124]).
Тутъ, поцѣлуями встрѣтя входящихъ и требуя денегъ,
Навзничь лежала она и многихъ вкушала удары.

---

110) Гіацинтъ красавецъ, любимецъ Аполлона, котораго тотъ нечаянно убилъ брошеннымъ дискомъ.

113) Такимъ безобразнымъ какъ Вейентонъ.

124) Мессалина была матерью благороднаго Британика, отравленнаго Нерономъ.

А когда уже дѣвъ своихъ распускалъ содержатель,
Съ грустью она уходила, но что могла, хоть последней
Клѣть запирала, еще горя раздраженіемъ страсти
И утомясь отъ мужчинъ, уходила еще ненасытясь,
Съ закопченымъ лицомъ въ дыму нечистомъ лампады,
Грязь вносила она и запахъ вертепа въ чертоги.
О Гиппоманахъ, о пѣсняхъ ли мнѣ говорить иль о ядѣ [133])
Пасынку данномъ? Онѣ подъ властью стремленій ихъ пола
Дѣлаютъ хуже еще и меньше грѣшатъ любострастьемъ.
Но почему же Цензеннію мужъ почитаетъ достойной? [136])
Взялъ милліонъ онъ за ней и за то называетъ стыдливой.
Не отъ колчана Венеры онъ худъ, не отъ факела пышетъ,
Весь огонь-то оттуда, приданое шлетъ эти стрѣлы.
Покупаютъ свободу: при немъ ей подмигивать можно
И переписку вести: вдова, коль богата за скрягой.
Отъ чего же Серторій любовью къ Бибулѣ пылаетъ? [142])
Еже-ли правдой тряхнуть, лицо не супруги любимо.
Три морщинки явись, ослабни увядшая кожа,

---

[133]) Гиппоманы были по мнѣнію древнихъ кускомъ мяса на головѣ новорожденнаго ребенка, скусываемымъ тотчасъ же маткою; а въ случаѣ пріобрѣтенія его человѣкомъ—такой кусокъ имѣлъ силу привораживать сердца. Во всякомъ случаѣ это было колдовство, какъ и пѣсни съ заклинаніями.

[136]) Цензеннія, случайное имя, поставленное быть можетъ какъ произведенное отъ цензъ состояніе.

[142]) Серторій и Бибула также произвольныя имена.

Зубы стань потускнѣй и глаза у нея стань поуже,
„Собирай узелокъ", скажетъ дворникъ, „да убирайся,
„Ты ужь прискучила намъ, сморкаешься часто, скорѣй же
„Вонъ убирайся. Другая идетъ съ сухимъ уже носомъ."
Но пока она пылко царитъ и проситъ супруга,
Чтобъ пастуховъ и овецъ Канузійскихъ и лозъ изъ Фалерна,
Этого ль только? чтобъ всяческихъ слугъ, мастерскую огульно,
Все чего въ домѣ то нѣтъ, а есть у сосѣда, купилъ онъ.
Въ зимній же мѣсяцъ, когда закроютъ торговца Язона [153])
И снаряженныхъ пловцовъ за бѣлой палаткой не видно,
Станутъ хрусталь дорогой выбирать, а такъ же большія
Вещи изъ шпата, затѣмъ знаменитый алмазъ, драгоцѣннѣй
Ставшій тѣмъ, что на пальцѣ былъ Береники, что варваръ [157])
Далъ блудницѣ, сестрѣ своей подаренъ онъ Агриппой,
Тамъ гдѣ цари босикомъ справляютъ праздникъ субботній

---

153) Въ половинѣ Декабря праздновались Сатурналіи, за которыми слѣдовала ярмарка. Въ портикѣ Агриппы стѣны были покрыты большими картинами—между прочимъ изображавшими походъ Язона среди Аргонавтовъ. Во время ярмарки полотняныя палатки ставились въ портикъ и закрывали Язона, котораго по мѣсту торговли Ювеналъ обзываетъ торговцемъ, а прочихъ Аргонавтовъ простыми пловцами.

157) На ярмаркѣ жена заставляетъ мужа покупать все дорогое, между прочимъ алмазъ, тѣмъ болѣе цѣнный, что его нѣкогда Агриппа младшій, сынъ Іудейскаго царя Агриппы старшаго, подарилъ сестрѣ своей Б е р о н и к ѣ, съ которой находился въ кровосмѣсительной связи.

И милосердье издревле даетъ состариться свиньямъ.
Иль изъ такой то толпы ни одной ты не видишь достойной?
Будь красива, скромна, богата она, плодородна,
Древнихъ предковъ разставь по стѣнамъ, непорочнѣй Сабинки [163])
Всякой, что, волосы врозь уронивши, вражду унимаетъ,
Рѣдкостной птицей явись и съ лебедемъ сходная чернымъ,
Кто же супругу снесетъ вмѣстившую все? Предпочту я,
Предпочту Венузинку тебѣ я, Корнелія, матерь
Гракховъ, ежели ты при великихъ достоинствахъ вносишь
Пышную гордость ко мнѣ, въ приданомъ считая тріумфы.
Ты убирайся, прошу, съ твоимъ Аннибаломъ, съ Сифаксомъ,
Въ лагерѣ взятымъ и прочь уходи со своимъ Карѳагеномъ!
„Помилосердуй, Пеанъ! Богиня оставь свои стрѣлы [172]),
Дѣти не сдѣлали зла, вы мать самою то пронзите!“
Такъ вопіетъ Амфіонъ, но Пеанъ свой лукъ напрягаетъ,
Вотъ съ толпою дѣтей и отца самого погубилъ онъ,

---

163) Сабинка одна изъ тѣхъ, что прервали битву Ромула съ Таціемъ.

170) Корнелія была дочь Сципіона Африканскаго старшаго.

172) При мысли о женской надменности, поэтъ вдругъ переходитъ къ драматическому изображенію послѣдствій этого порока — въ примѣрѣ супруги строителя Ѳивъ Амфіона, въ ту минуту, когда за хвастовство передъ Латоной своимъ плодородіемъ (14 сыновей и 7 дочерей) жена Амфіона Ніобея, и всѣ дѣти подвергаются Пеаномъ (Аполлономъ) избіенію.

Какъ Ніобея себя благороднѣе родомъ Латоны
И при этомъ и бѣлой свиньи сочла плодовитѣй [177]).
Гдѣ же важность такая, такая краса, чтобъ ихъ вѣчно
Въ счетъ принималъ ты? Да въ этой то рѣдкой и высшей отрадѣ
Мало добра, коли въ ней, испорченной духомъ надменнымъ,
Больше полыни чѣмъ меду. И кто же преданъ настолько,
Чтобы онъ той то, которую самъ превозноситъ хвалами,
Не избѣгалъ и семь часовъ дня не питалъ бы къ ней злобы?
Вѣдь невеличка иная, а все же несносна для мужа.
Ибо на что же противнѣй, когда ни одна не считаетъ
Даже красивой себя, изъ Этрурки не ставши Гречанкой,
Изъ Сульмонянки Аѳинянкой? Все по гречески только [187]),
Хоть гораздо стыднѣй для нашихъ не знать по латыни.
На языкѣ этомъ страхъ, на немъ гнѣвъ, веселье, заботы,
Тайны души онѣ всѣ на немъ изливаютъ; чего тутъ?
Дѣлятъ ложе по гречески. Ну предоставь это дѣвамъ;
Ты ли, къ которой ужь восемьдесятъ шестой постучался

---

[177]) Та бѣлая свинья, о которой здѣсь и (смотр. сат. XII. 73) говорится, съ 30 поросятами у Виргилія III. 390 и VIII. 45. Но у Виргил. это простое событіе, а у Ювенала явная насмѣшка надъ неумѣстнымъ хвастовствомъ.

[187]) Изъ городка Сульмона въ Сабиніи—родины Овидія. Женщины даже не чисто говорящіе по латыни, говорятъ, слѣдуя общей модѣ, по гречески.

Годъ, досель все погречески? Не цѣломудра такая
Рѣчь для старухи. Вѣдь сколько же разъ повторяется это
ζῶή και ψυχή; подъ одѣяломъ забытыхъ,
Ты ихъ выносишь въ толпу. Какихъ не возбудитъ желаній
Нѣжный, вкрадчивый голосъ? Онъ съ пальцами. Ежели крылья
Такъ ослабѣли твои: говори ты это нѣжнѣе
Гэма или Карпофора, лицо выдаетъ твои годы [199]).
Если же по законнымъ таблицамъ тебѣ сочетанной
Ты не способенъ любить, причины не видно жениться,
Не изъ чего на ужинъ и пирожки разоряться,
Да при проводахъ сытыхъ гостей одѣлять, а потомъ то
Вслѣдъ за первою ночью дарить на блюдѣ богатомъ
Золотомъ, на которомъ Дакійскій стоитъ и Германскій.
Ежели бабство тебя одолѣло, если одной ты
Преданъ душей, то голову гни, подставляй свой затылокъ
Подъ ярмо; ни одной не найдешь, чтобъ щадила любимца.
Хоть сама и горитъ, влюбленнаго мило ей мучить
И обирать; потому то гораздо менѣе пользы
Отъ супруги тому, кто добръ и достоинъ быть мужемъ.
Никогда ничего безъ жены подарить ты не сможешь,
Противъ воли ея ничего не продашь и не купишь;

195) ζωη και ψυχη (Жизнь и душ.а) и у Ювенала по гречески.

199) Гэмъ и Карпофоръ были греческіе актеры, игравшіе преимущественно женскія роли.

200) Законной жены.

205) Чеканъ на монетѣ Дакійскій указываетъ на время Траяна, до котораго существовалъ только императорскій титулъ Германскій.

Чувствовать будешь по ней, откажутъ старинному другу,
Коего первую бороду дверь твоя видѣла прежде.
Хоть гладіаторамъ даже и сводникамъ право ихъ званья [216])
Предоставляетъ свободу писать завѣщанья; тебѣ же
Изъ соперниковъ многихъ въ наслѣдники прямо подскажутъ.—
„Ты раба то распни“. Какимъ заслужилъ преступленьемъ [219])
Казни рабъ? Кто видѣлъ? и кто доносилъ? Вѣдь послушай,
Медлить довольно нельзя, коли смерть человѣка рѣшаешь.
„О, безумецъ, такъ рабъ человѣкъ? Онъ невиненъ положимъ;
Такъ я хочу, такъ велю, да будетъ основою воля“.
Такъ она мужемъ вертитъ; но вскорѣ ту власть покидая,
Домъ мѣняетъ опять, покрывало третъ брачное; снова
Улетаетъ оттоль, вернуться къ забытому ложу.
Оставляетъ недавно вѣнчанныя двери, завѣсы
Опущенныя въ домѣ и зелень вѣтвей на порогѣ.
Такъ возрастаетъ число, такъ восемъ мужей наберется
Въ пять осеней, это все надгробной надписи стоитъ.
Ты при тёщѣ живой откажись отъ согласія въ домѣ.
Дѣло ея научать, какъ грабить голаго мужа,

---

216) Хоть людямъ такихъ низкихъ званій, какъ сводники и гладіаторы, если они успѣли пріобрѣсть свободу и гражданство, законъ предоставляетъ право писать завѣщанья, но ты лишаешь себя этого права, ибо жена можетъ подсказать тебѣ не только имя чужаго тебѣ человѣка, но даже любаго изъ твоихъ соперниковъ въ обладаніи ею.

219) Голосъ капризной жены.

230) Такіе подвиги достойны эпитафіи.

Дѣло ея научать, на всѣ соблазнителя письма
Ничего не писать ни тупо ни грубо; она то
И сторожей проведетъ иль деньгами купитъ, и тутъ ужь
Архигена къ здоровой призвавъ, одѣялъ ей навалитъ [236]).
Въ мѣстѣ межъ тѣмъ безопасномъ сидитъ припрятанъ любовникъ,
Нетерпѣньемъ горитъ и молча себя раздражаетъ.
Развѣ ты думаешь, мать сообщить можетъ честные нравы
Или другіе, чѣмъ есть у самой? А впрочемъ полезно
Гнусной старухѣ свою дѣвченку на гнусность наставить.
Нѣтъ пожалуй вражды, въ которой не женщиной поданъ
Поводъ. Манилія иль обвиняется, иль обвиняетъ[243]).
Сами онѣ сочиняютъ и сами прошенья готовятъ,
Продиктовать основанья и ссылки готовыя Цельзу.
Тирскихъ кто сапожковъ и залъ фехтовальныхъ не знаетъ [246])
Женскихъ? Кто не видалъ въ изъянахъ столба? Его долбитъ [247])
Вѣчно она рапирами, да щитомъ вызываетъ,

---

[236]) Архигенъ, изъ Апамеи въ Сиріи былъ знаменитый врачъ при Траянѣ. Чтобы скрыть женины продѣлки передъ зятемъ, теща укладываетъ здоровую дочь въ постель и зоветъ врача.

[243]) Манилія (произвольное имя) конечно не лично обвиняетъ, а наталкиваетъ мужа на обвиненіе.

[245]) П. Ювентій Цельзъ, знаменитый юристъ при Домиціанѣ.

[246]) Ἐνδρομίς имѣетъ два значенія: 1-е охотничьи сапожки, какіе на Діанѣ; 2-е охотничьей накидки изъ грубой ткани; ceroma, хотя и происходитъ отъ извѣстнаго притиранья (мази) атлетовъ, но здѣсь прямо обозначаетъ мѣстность, гдѣ оно употреблялось, т. е. фехтовальную залу.

[247]) Для фехтовальныхъ упражненій ставился въ замѣну противника столбъ, по отношенію къ которому исполнялись всѣ пріемы искусства, какъ оборонительные, такъ и наступательные. Конечно такой столбъ оказывается истыканнымъ и продолбленнымъ.

Весь соблюдаетъ чередъ матрона, достойная явно
Трубъ флоральныхъ, когда бъ въ груди у нея не кипѣло
Нѣчто большее, что ведетъ къ настоящей аренѣ.
Скромность какую жъ проявитъ женщина въ шлемѣ, покинувъ
Собственный полъ? Ей сила мила? Вѣдь сама то мужчиной
Стать не захочетъ она. Блаженство велико ли наше!
Прелесть, когда бъ аукціонъ состоялся на вещи супруги,
Шпага и поручья, шлемъ и съ голени лѣвой повязка [256]),
Если же нравятся ей и другія еще состязанья,
О счастливецъ! Жена продавать наколѣнники станетъ!
Тѣ-ли это, которымъ и въ нѣжныхъ одеждахъ такъ душно,
Тѣ, у которыхъ ихъ прелести жжетъ и лоскутикъ изъ шелку?
Видишь, какъ рвется она наносить по наукѣ удары,
И покрыта какимъ тяжелымъ шлемомъ, какая
На колѣняхъ у ней повязка изъ частаго лыка,
Да посмѣйся, когда бой кончивъ, горшокъ она схватитъ.
Вы скажите-ка внучки Лепида, слѣпаго Метелла
Или Фабія Гургія, былъ ли когда на актеркѣ

---

250) На праздникѣ Флоралій, (въ честь Флоры) въ концѣ Апрѣля, женщины самаго низкаго разбора плясали нагія. Но неумѣстное честолюбіе увлекаетъ порядочную женщину къ публичной дѣятельности на аренѣ.

256) Повязка толстая привязывалась подъ лѣвымъ сгибомъ колѣна, чтобы противникъ не подрубилъ жилъ. Но если она предается и другаго рода гладіаторскимъ боямъ, то какъ Самниты (особый родъ гладіаторовъ) надѣнетъ желѣзные наколѣнники.

265) Здѣсь выставлены три имени для обозначенія добраго стараго времени. Лепидъ, на котораго указывается, неизвѣстенъ; Цецилій Метеллъ (смотр. сат. III. 138); Фабій, за неукротимость въ молодости, получившій прозваніе (водоворота, вихря); Гургія, консулъ въ пятомъ вѣкѣ до Р.

Этотъ нарядъ? У столба такъ пыхтѣла ль жена хоть Азила? [267])
Вѣчно раздоромъ полна и взаимною бранью постеля,
Гдѣ супруга лежитъ; не много на ней почиваютъ.
Злѣй тутъ для мужа она дѣтей потерявшей тигрицы,
Какъ притворно начнетъ вздыхать объ извѣстной ей тайнѣ:
Или на мальчиковъ зла, иль, придумавъ наложницу, плачетъ.
Вѣчныя слезы у ней и вѣчно онѣ на готовѣ
И на мѣстѣ своемъ отъ нея ожидаютъ приказа,
Какъ подобаетъ имъ течь; а ты то любви довѣряешь
И, Урука, доволенъ собой, ты слезы губами [276])
Ей утираешь; какія прочелъ бы ты письма, записки,
Если-бы ящикъ раскрыть у ревнивицы этой распутной!
Но въ объятьяхъ она слуги или всадника. Дай же,
Дай ты намъ, Квинтильянъ, если можешь какой нибудь краски!
Я не могу: ты сама говори! „Мы когда то рѣшили,
Восклицаетъ она, чтобъ ты дѣлалъ что хочешь, и я бы
Снисходила къ себѣ. Кричи же, небо и море
Смѣшивай: я человѣкъ.“ Нахальнѣе нѣтъ уличенныхъ:
Гнѣвъ и отвагу онѣ почерпаютъ въ своихъ преступленьяхъ,

---

267) Не только благородная гражданка, но и жена гладіатора Азила непошла бы въ тѣ времена биться со столбомъ и надъ нимъ задыхаться.

276) Урука, по схоліасту, мимическое лицо глупаго мужа.

280) Не разъ приводимая личность извѣстнаго ритора. Поэтъ проситъ Квинтильяна помочь въ изображеніи женщины новѣйшаго пошиба, а самъ отказывается.

Но откуда жь уродство иль гдѣ его сыщешь источникъ?
Выставлялъ непорочныхъ Латинокъ когда то смиренный
Жребій, не допускали касаться пороковъ убогій
Кровъ и короткій сонъ, да руки отъ шерсти Этрусской
Утомленныя, грубыя, да подступившій къ столицѣ
Аннибалъ и мужья на Коллинской стоящіе башнѣ.
Нынѣ долгаго мира мы терпимъ невзгоды, и роскошь
Злѣе оружья тѣснитъ и за свѣтъ покоренный отмщаетъ.
Всѣ преступленья съ тѣхъ поръ, вся похоть дѣяній явились,
Какъ только Римская бѣдность погибла; сюда полилися
Къ обогащеннымъ холмамъ Сибарисъ и Родосъ то съ Милетомъ
И разгульный Тарентъ, вѣнчаный, виномъ орошенный.
Чуждые нравы пришли впервые съ безстыдной корыстью
И разслабляющее богатство роскошью гнусной
Сокрушило намъ жизнь. Что пьяной Венерѣ завѣтно?
Отличить головы отъ члена уже не умѣетъ
Та, что въ полночь еще пожираетъ устрицъ огромныхъ,
Какъ благовонія пѣнятся съ чистымъ смѣшавшись Фалерномъ,
Какъ изъ раковины пить станутъ, какъ домъ завертится [304])

---

290) Когда независимо отъ вседневныхъ домашнихъ трудовъ у сѣверной Коллинской башни ожидали гибели отъ осаждающаго Аннибала, некогда причудничать.

304) Подъ конецъ изображаемой оргіи, начинаютъ пить круговую изъ большой раковины и

И подымется столъ, блистая двойными огнями.
Вотъ поди да спроси, какія корчитъ ужимки
Мавра, какъ мимо идетъ алтаря Стыдливости древней, [307])
Туллія что говоритъ ровестница Маврѣ извѣстной.
Здѣсь изъ носилокъ встаютъ онѣ ночью и мочатся тутъ же,
Поливая потоками длинными образъ богини
И садятся верхомъ другъ на дружку при лунномъ сіяньи;
Тутъ ужъ уходятъ домой; какъ станетъ свѣтать ты наступишь
На урину супруги, къ друзьямъ отправляяся знатнымъ.
Таинство Доброй Богини извѣстны, какъ флейта разбудитъ [314])
Ноги, и рогомъ ровно и виномъ потрясенныя мчатся,
Растрепавъ волоса и взывая, менады Пріапа.
О, какимъ тутъ огнемъ вожделѣній пылаютъ ихъ мысли,
Что за вопли у скачущей похоти, что за потоки
Стараго льются вина у нихъ по увлаженнымъ ляшкамъ!
Дѣвъ содержателей, снявъ свой вѣнокъ, вызываетъ Савфея
И въ движеніяхъ бедръ за ней остается побѣда.

---

305) на стѣнѣ лампады кажутся пьянымъ двойными.

307) Знаменитая въ свое время распутница Мавра, (поминаемая въ этомъ же смыслѣ сат. X. 224) ночью возвращаясь съ попойки, проходитъ на воловьемъ рынкѣ (forum boarium) со своей подругой, совоспитанницей изъ знати Тулліей мимо древняго алтаря Стыдливости (аристократической), такъ какъ Vicus Longus былъ другой алтарь Стыдливости плебейской, дѣлаетъ гримасы передъ изваяніемъ богини, а Туллія шепотомъ вызываетъ ее на обычное безчинство.

314) Добрая Богиня (bona Dea) смотр. сат. II. 86. Оргіастическія празднованія фригійской Цибелы съ возбудительной флейтой, рогомъ и тимпаномъ. Менады—Вакханки.

Но Медуллины сама она изумляется пылу,
Пальма искусства вѣдь ту до природныхъ госпожъ возвышаетъ. [323])
Тутъ въ игрѣ ничего нѣтъ притворнаго; все тутъ бываетъ
Правдою, отъ какой воспылать и въ холодные годы
Лаомедонтiадъ самъ и Нестора грыжа могли бы. [326])
Тутъ нетерпѣнiя зудъ выставляетъ всю женщину прямо
И одновременный возгласъ по всей раздается пещерѣ:
„Можно теперь: впускайте мужчинъ! Но спитъ ужъ любовникъ.
И велитъ она, чтобы онъ шелъ плащемъ завернувшись.
Коль его нѣтъ, на рабовъ накинется; если надежды
Нѣтъ на рабовъ, то пусть приведутъ водоноса, а если
Нѣтъ и его, нѣтъ людей, то это ее не задержитъ,
Тѣмъ не меньше она и ослу свою спину подставитъ.
Хоть бы обычаи древнiе и празденства то народа
Не заражалися этимъ; но всѣмъ же стало извѣстно [336])

---

[323]) Трудно рѣшить оригинальный этотъ стихъ или вставочный. Схолiастъ объясняетъ его смыслъ такъ: „virtutis obscenae palma aequat in nobilitate dominas sive-ancillas“.

[326]) Лаомедонтiадъ—Прiамъ. Неизвѣстно почему Ювеналъ снабжаетъ Нестора грыжей.

[336]) Маврамъ и Индамъ..отъ запада до востока. О Клодiѣ, переодѣвшемся арфисткой смотр. сат. II. 26.—Въ опровержение похвальной рѣчи Цицерона о Катонѣ утическомъ, Цезарь гораздо позднѣе упомянутаго скандала написалъ сочиненiе Антикатонъ. Комически приводятся свертки заключавшiе это сочиненiе. Въ тѣ времена, хочетъ сказать Ювеналъ, когда еще въ комнатахъ женщинъ соблюдалась величайшая строгость нравовъ, запрещавшая даже всякое изображенiе наготы, такой скандалъ былъ великимъ исключенiемъ.

Маврамъ и Индамъ, какая арфистка явилася съ большимъ
Поломъ, чѣмъ Цезаревы два свертка Антикатона.
Тамъ, откуда и мышь, сознающая полъ свой уходитъ,
Тамъ, гдѣ завѣситъ велятъ картину всякую, если
Изображается въ ней хоть что либо пола другаго.
Былъ ли тогда человѣкъ презиравшій боговъ? Или кто же
Насмѣяться дерзнулъ бы надъ жертвенной чашею Нумы,
Да надъ чернымъ блюдомъ или надъ хрупкой посудой
Изъ Ватиканской земли? А теперь гдѣ алтарь тамъ и Клодій!
Слышу, что вы друзья старинные мнѣ говорите:
„Ты на задвижку запри!“ Но кто же сторожемъ будетъ [347])
Стражей самихъ? Вѣдь хитра и съ нихъ начнетъ же супруга.
Ибо похоть все та жь у высшихъ какъ и у низшихъ,
Да не лучше и та, что грязную улицу топчетъ
Той, что несутъ на затылкахъ своихъ вереницей Сирійцы.
Чтобы на игры смотрѣть занимаетъ Огульнія платье,
Нанимаетъ носилки, подушку, подругъ, провожатыхъ,
Кромѣ кормилицы дѣвочку русую—ждать приказаній.
Все же, что отъ отцовскихъ денегъ еще остается
Вмѣстѣ съ послѣднею вазой даритъ она гладкимъ атлетамъ;

---

345) По свидѣтельству Цицерона: если Эдилъ ошибался при жертвоприношеніи словомъ или обрядовой посудой, то игры становились незаконными. Всѣ разнообразные, простые глиняные сосуды при жертвоприношеніяхъ приписывались Нумѣ.

347) Жену.

Въ домѣ иной тѣснота, но стыдливости свойственной бѣднымъ
Ни одна не имѣетъ и мѣрки къ себѣ не приложитъ
Той, что несетъ и даетъ предѣлъ. Мужчины жъ порою
Прозрѣваютъ полезное и, муравью подражая,
Все-таки стужи они и голода станутъ страшиться.
Женщина—мотъ и нечуетъ, что погибаетъ имѣнье
И, какъ будто бы деньги въ опорожненной шкатулкѣ
Вновь выростаютъ и все изъ вороха полнаго черпай,
Имъ никогда не въ домекъ, во что обойдутся веселья.
Есть такія, что въ эвнухахъ смирныхъ находятъ отраду,
Въ дряблыхъ ихъ поцѣлуяхъ при безбородости вѣчной
И что при этомъ не нужно вытравливать. Верхъ наслажденья
Въ этомъ случаѣ, чтобъ созрѣвшіе юностью члены
. . . .
. . . .
. . . .
Только цырюльнику нá зло, Геліодоръ похищаетъ [373]).
Издали видный и всѣми замѣченный въ баню вступаетъ
Переспорить способный сторожа гроздій и сада
Тотъ, кто былъ госпожей сдѣланъ эвнухомъ. Пусть съ госпожею
Спитъ онъ. Только, Постумій, недопускай ты туда же [377])

---

373) Геліодоръ—хирургъ—и самъ вѣроятно эвнухъ.

375) Пріапа.

377) Постумій—тотъ представитель жениха, съ которымъ мы встрѣчались тутъ же ст. 23, 28.

Бромія, уже оброспаго, зрѣлаго эвнуху въ дѣло [378]).
Ежели мило ей пѣнье, никто отвертѣться не можетъ
Изъ предлагающихъ голосъ свой преторамъ. Лирою вѣчно
Заняты руки ея и блещутъ, тѣсняся по лирѣ,
Сердолики и струны хватаетъ изогнутый плекторнъ [382])
Тотъ, коимъ нѣжный игралъ Гедимелъ,—она его держитъ
Какъ отраду свою и милый ей плектронъ цѣлуетъ.
Нѣкая такъ то изъ Ламіевъ съ именемъ Аппіевъ прежнимъ
И мукой и виномъ вопрошала Януса съ Вестой
Можетъ ли ждать Поліонъ для себя въ Капитоліѣ вѣтви
И струнамъ обѣщать ее. Что же ей дѣлать то больше
Ежели мужъ заболѣлъ? Если медики съ грустью взираютъ
На сынка ея? Стала она предъ алтарь, не считая
Стыднымъ завѣшивать голову изъ-за цитры, съ терпѣньемъ
Повторяла слова и блѣднѣла при вскрытіи агнца.
Ты мнѣ скажи, я прошу, изъ боговъ древнѣйшій, скажи мнѣ,
Ей ты отвѣтишь ли, Янусъ отецъ? Знать праздность на небѣ,
Нѣтъ ничего, какъ я вижу, надъ чѣмъ бы вы заняты были.

---

378) Бромій, здѣсь молодой слуга.

380) Пѣвцы предлагали преторамъ, дававшимъ зрѣлища, свои услуги.

382) Такая меломанка держала въ рукахъ лиру, украшенную сердоликами и дорожила и плектрономъ (кривой зацѣпкой, которой хватали струны) именно тѣмъ, которымъ игралъ знаменитый китаредъ Гедимелъ.

385) Знатная супруга Ламія, урожденная изъ дому Аппіевъ, вопрошала боговъ заслужитъ ли ея любимецъ китаредъ Поліонъ въ Капитоліѣ награду для себя и для своей музыки.

Та вопрошаетъ о комикахъ, эта вамъ поручаетъ
Трагика, такъ что и самъ предсказатель совсѣмъ обезножилъ.
Но пусть лучше поетъ, чѣмъ по цѣлому городу мчаться
И нахально стоять тамъ, гдѣ столпились мужчины;
Съ полководцами въ знакахъ походныхъ, въ присутствіи мужа,
Съ дерзкимъ самой говорить лицемъ и усохшею грудью.
Знаетъ тоже она, что по цѣлому свѣту творится,
Чѣмъ занимаются Серы и чѣмъ Ѳракійцы, всѣ тайны
Пасынка съ мачихой, чей кто, и кто нарасхватъ какъ любовникъ.
Скажетъ она отъ кого вдова беременна, много ль
Мѣсяцевъ, что за слова, за пріемы у ней при объятьяхъ,
Грозную для царя Армянъ и Парѳовъ комету
Первая видитъ, всѣ слухи и вѣсти она получаетъ
Прямо у самыхъ воротъ, и сама сочиняетъ: „Нифатъ то
Хлынулъ на жителей и огромнымъ тамъ залилъ потопомъ
Всѣ поля, города колеблются, земли садятся,“—
Всякому, встрѣтитъ кого на пути, она сообщаетъ.
Но не настолько подобный порокъ несносенъ, какъ то, что
Низшихъ сосѣдей она, снисходя на мольбы ихъ, нерѣдко [414])
Повелѣваетъ хватать и ремнями сѣчь. Если жь лаемъ

---

[414]) Низшіе сосѣди здѣсь очевидно coloni поселенцы, арендаторы, находящіеся въ извѣстной зависимости отъ владѣльца. Снисходя на мольбы ихъ, иронія. Она была намѣрена наказывать ихъ бичами или палками, но уважая ихъ мольбы, довольствуется ремнями.

Сонъ прервали ея,—„несите палокъ скорѣе“
Восклицаетъ она, и бить хозяина прежде,
А затѣмъ и собаку велитъ. Сердита со встрѣчнымъ,
Въ баню ночью идетъ она, флягъ и утвари всякой
Ночью велитъ забирать; ей любо вспотѣть отъ мытарства,
Но когда отъ массы тяжелой опустятся руки,
Ловкій баньщикъ начнетъ разминать ей пальцами тѣло
И изъ бедра своей госпожи извлекаетъ онъ звуки [423]).
Между тѣмъ и сномъ и голодомъ бѣдные гости
Удручены. Наконецъ вся красненькая она входитъ,
Цѣлый боченокъ вина выпиваетъ, что съ полною урной [426])
Тутъ же къ ногамъ придвинутъ ея; второй ужъ стаканчикъ
Пьетъ передъ пищей она, чтобъ голодъ сильнѣй пробудился,
Какъ ее на земь то вырветъ и внутренность этимъ промоетъ.
Рѣки на мраморъ текутъ, золоченая чаша Фалерномъ
Пахнетъ, ибо какъ будто въ высокій сосудъ сорвалася
Длиннаго росту змѣя, и пьетъ и блюетъ она тутъ же.
Мужа мутитъ и закрывши глаза онъ борется съ желчью.
Та же несноснѣй еще, которая, сѣвъ за трапезу,

420) Она передъ баней вызываетъ въ себѣ испарину, упражняясь тяжелыми гирями.

423) Громко шлепая по бедрамъ. (Oenophorum) мы переводимъ боченкомъ въ урну мѣрой.

426) Урна, опредѣленная мѣра въ 4 конги (congius) вмѣщавшихъ по 3 пинты или кружки. Слѣдовательно въ Урнѣ болѣе нашихъ четырехъ бутылокъ.

Хвалитъ Вергилія, гибель въ вину не ставитъ Элиссѣ,
Сопоставляетъ поэтовъ и сравниваетъ, тутъ Марона,
А съ другой стороны на вѣсы полагаетъ Гомера.
Уступаютъ грамматики, риторы сбиты, смолкаетъ
Сборище все, ни герольдъ говорить, ни законникъ несмогутъ,
Ни сторонняя женщина: рѣчи стремятся такъ сильно,
Что подумаешь, въ нѣсколько тутъ звонковъ и тарелокъ
Бьютъ. Никто утомлять ни трубъ, ни литавровъ не станетъ.
Помощь подать и одна лунѣ она страждущей можетъ [443]).
Даже и въ добрыхъ дѣлахъ предѣлъ полагаетъ разумный;
Ибо женщина, силясь казаться ученой, рѣчистой,
До половины бедра должна подбирать и тунику,
Въ жертву Сильвану свинью заколать и за денежку мыться.
Пусть не имѣетъ супруга, съ которою ты сочетался,
Слога отдѣльнаго, пусть ни сводитъ въ округлыхъ реченьяхъ [449])
Къ выводамъ рѣзкимъ и всей исторіи то же не знаетъ,
Но и кое чего недосмыслитъ въ книгахъ. Такую

---

435) Элиссѣ —Дидонѣ.

443) При лунныхъ затмѣніяхъ трубили и били въ литавры, чтобы прогнать демона желающаго ее проглотить. Но спорщица лучше всякихъ трубъ спасаетъ своимъ крикомъ луну.

445) Разъ что женщина хочетъ казаться мужчиной, то должна носить какъ мужчина короткую тунику, а не до пятъ какъ женщины, приносить Сильвану, покровителю лѣсовъ и полей, вредоносную для послѣднихъ, свинью и мыться въ общественныхъ баняхъ.

449) Отдѣльный, характерный литературный слогъ.

Я ненавижу, такую, что весь Палемона учебникъ [452])
Зная и помня, вѣрна постоянно законамъ реченій,
Неизвѣстные мнѣ стихи изъ старинныхъ приводитъ
И, не въ домекъ и мужчинамъ, слова простоватой подруги
Осуждаетъ; пускай солецизмъ дозволяется мужу.
Нѣтъ, чего бы себѣ недозволила женщина, чтобы
Гнуснымъ сочла, коли камней зеленыхъ надѣла на шею
И коль вытянувъ уши привѣсила крупныхъ жемчужинъ.
Ничего не бываетъ несноснѣе женщинъ богатыхъ.
Между тѣмъ безобразна на видъ и забавна, со слоемъ
Тѣста она на лицѣ или пахнетъ мазью Поппеи;
И вотъ къ этому губы супруга несчастнаго липнутъ;
Съ вымытой кожей идутъ онѣ къ любовнику. Развѣ
Дома захочетъ она казаться прекрасной? Духи то
Для любовниковъ всѣ и для нихъ всѣ покупки у Индовъ.
Вотъ наконецъ открывши лице и снявъ всѣ покрышки,
Стала она узнаваема и молокомъ его моетъ
Тѣмъ, для котораго слѣдомъ ослицъ поведетъ за собою,
Еслибъ изгнали ее и къ полюсу Гиперборейцевъ.
Но лице, на которое столько изводятъ снадобій

---

452) Палемона учебникъ смотр. тутъ же Сат. 7 ст. 215.

455) Въ рѣчахъ менѣе ученой подруги открываетъ такія ошибки, которыхъ даже мужчины не замѣтили бы. Конечно она ихъ и мужу не прощаетъ.

460) Страннымъ является этотъ стихъ, заключающей въ общей сентенціи то, что передъ тѣмъ уже высказано образами, поэтому трудно рѣшить, представляетъ ли онъ цитату изъ другаго поэта, пришедшую въ голову Ювеналу, или позднѣйшую вставку.

И которое приняло столько отваровъ изъ ивы
Съ жидкимъ тѣстомъ,—назвать ли его лицемъ или чирьемъ?
Стоитъ труда разсмотрѣть хорошенько, что цѣлые дни то
Измышляютъ онѣ и творятъ. Коли ночь отвернувшись
Мужъ пролежалъ, то бѣда приближенной служанкѣ, снимаютъ
Куаферы туники, твердятъ, что поздно явился
Къ дѣлу Либурнъ, и за сонъ онъ чужой принужденъ наказанье [478]
Расточать, надъ тѣмъ ломаются палки, краснѣетъ
Тотъ отъ бича, а другой отъ кнута. У иной годовые
Наняты палачи. Она бьетъ и при этомъ рисуетъ
Щеки, внимаетъ друзьямъ, на узоры глядитъ золотые
Платья и бьетъ; читаетъ столбцы ежедневныхъ извѣстій [483])
И все бьетъ, покуда уставшимъ порольщикамъ грозно
Не прокричитъ она: *вонъ*! и этимъ кончается судъ весь.
Кротости въ домѣ не болѣе чѣмъ при дворѣ Сикулійскомъ [486]).
Коль обѣщала придти и хочетъ одѣться роскошнѣй
Обыкновеннаго, къ саду спѣша, гдѣ ее поджидаютъ,
Или быть можетъ и къ сводницѣ жрицѣ святыни Изиды [489]),

---

[470]) По Діону Кассію, Поппея всюду водила за собой 500 дойныхъ ослицъ и ежедневно купалась въ ихъ молокѣ.

[478]) Либурнъ смот. сат. III. 240. Здѣсь онъ палачъ. Она ворчитъ, что онъ недовольно скоро является сѣчь раба куафера.

[483]) Ежедневныя объявленія смот. сат. II. 136.

[486]) Подъ дворомъ Сикулійскимъ (Сицилійскимъ) подразумѣваются Фаларисъ Агригентскій и Діонисій Сиракузскій.

[489]) Жрицы Изиды отличались въ Римѣ соблазнительными послугами.

Волосы ей убираетъ, сама растрепавшись, Псекада
Горемычная, плечи открывши и съ голою грудью.
„Этотъ локонъ повыше зачѣмъ?“ и ремень наказуетъ
Неотложно порокъ волоска, что вьется упорно [493]).
Что упустила Псекада? И дѣвушка чѣмъ виновата
Если тебѣ твой носъ не понравился? Влѣво другая
Чешетъ въ длину волоса и ихъ въ кружки завиваетъ.
Тутъ въ совѣтѣ служившая матери есть, что у пряжи [497])
Нынѣ, иголку оставя; ея сужденіе первымъ
Будетъ, за нею меньшіе лѣтами и знаніемъ станутъ
Разсуждать, какъ будто бы дѣло чести касалось,
Или жизни, такая забота о должномъ убранствѣ.
Столько возводитъ рядовъ, и такъ она къ верху надстроитъ
Голову, что ты спереди въ ней Андромаху увидишь [503]);
Сзади то меньше она; какъ будто другая. А что же
Если и ростомъ мала и щедушна и съ виду небольше
Дѣвы Пигмейки она, не будь на высокихъ котурнахъ
И приходится ей, натянувши ступни, цѣловаться.
Ни малѣйшей межъ тѣмъ заботы о мужѣ, ни мысли
Объ убыткахъ: живетъ она словно сосѣдка супруга,

---

493) Ремень наказуетъ порокъ волоска. Вихристые волосы не подчиняются какъ остальные даваемому имъ направленію. Правосудіе Римлянина не задается сомнѣніями въ цѣлесообразности наказанія, а только прямо указываетъ, что виноватъ волосъ, а Псекаду сѣкутъ.

497) Опытная старуха, служившая еще при матери госпожи, имѣетъ первенствующій голосъ на совѣтѣ о надлежащихъ нарядахъ.

503) Такая высокая прическа придавала спереди госпожѣ видъ героини: Андромахи, хотя сзади она оставалась пигмейкой.

Тѣмъ только ближе къ нему, что друзей и слугъ она мужа
Ненавидитъ и счетовъ его не щадитъ. Вотъ свирѣпый [511])
Хоръ Беллоны иль матери общей боговъ выступаетъ,
И гигантъ полу-мужъ, котораго ликъ средь безстыдныхъ [513])
Меньшихъ почетнѣй лишь тѣмъ, что схвативши кремень изувѣчилъ
Раньше себя онъ, съ нимъ хриплая шайка, предъ нимъ отступаютъ
Бубны плебеевъ, а щеки покрыты Фригійскою шапкой.
Громко оретъ и велитъ Сентября онъ страшиться и вѣтровъ
Южныхъ, если себя она сотней яицъ не откупитъ,
И не дастъ старья ему, цвѣта листвы виноградной,
Съ тѣмъ, чтобы, если внезапное что иль бѣда угрожаетъ,
Все въ туники пошло и весь годъ искупился до разу.
Ледъ разбивая она зимою опустится въ рѣку,
Трижды въ Тибръ по утру окунется, самое темя
Даже своей головы боязливо омочитъ; оттуда
Черезъ поле царя гордеца нагая и съ дрожью

---

511) Неожиданное: прямо вводится неистовый хоръ жрецовъ азіатской Беллоны (въ отличіе отъ Римской) и Галловъ жрецовъ матери боговъ Цибелы. Женщина столь неподатливая и безпощадная къ мужу, становится безмолвной жертвой тамъ, гдѣ заговоритъ предразсудокъ и изувѣрство. Въ своихъ неистовствахъ помянутый

513) Жрецъ, — полумужъ — эвнухъ пророчествуетъ.

520) Очевидно пророкъ точно опредѣляетъ цвѣтъ старья, поношеннаго платья, съ цѣлію придать этому таинственную силу. Но онъ назначаетъ такой образчикъ, къ которому (осенній виноградный листъ) всякое тряпье подойдетъ, начиная отъ зеленаго до краснаго, причемъ онъ поясняетъ, что въ подаренныя туники уйдетъ всякая невзгода.

525) Тарквинія Гордаго — Марсово поле.

На кровавыхъ колѣнкахъ сползетъ; еслибъ бѣлая Іо[526])
Повелѣла, на край Египта пошла бы усердно
И отъ Мероэ воды принесла бъ она, ею увлажить
Храмъ Изиды, встающій по близости древней Овчарни.
Вѣритъ она вѣдь, что голосъ самой ей богини внушаетъ;
Вотъ душа то и умъ, чтобы ночью ей боги вѣщали!
И поэтому тотъ высочайшей почести стоитъ,
Кто, окруженный толпой въ холщевомъ и толпою плѣшивой[533]),
Издѣваясь надъ воплемъ народнымъ, бѣжитъ какъ Анубисъ.
Онъ умоляетъ прощенія, если супруга въ святые
Дни, забывши почетъ, отъ сожительства невоздержалась
И наказаніе будетъ большее за порчу простынки.
Вонъ увидали серебряный змѣй качнулъ головою;
Слезно поэтому онъ съ бормотаньемъ таинственнымъ молитъ,
Чтобъ Озирисъ не кивнулъ головой отрицая прощенье.

---

[526]) Іо, превращенная Зевесомъ въ корову и прогнанная Юноной, обратившейся въ овода, въ Египетъ, по своимъ рогамъ смѣшана съ Изидой. Бѣлой названа она потому, что жрицы Изиды ходили въ бѣломъ. Помостъ храма Изиды въ Римѣ на Марсовомъ полѣ близь мѣста пастьбища овецъ Ромула, называвшагося Овчарней, окроплялся водой изъ Тибра, но она слыла Нильской. Мероэ—большой Нильскій островъ въ Эѳіопіи.

[533]) Толпа жрецовъ Изиды—въ бѣлыхъ холщевыхъ одеждахъ и съ тонзурой на головахъ сопровождаетъ жреца, играющаго роль Анубиса, сына Озириса и Изиды, бога похоронъ и загробныхъ очищеній—у Египтянъ съ головой шакала, у римлянъ съ собачьей.

[535]) Прощенія молитъ у Изиды.

[540]) У Изиды большею частью на головѣ повязка съ изображеніемъ человѣка, стоящаго на сидящей птицѣ, въ правой рукѣ змѣя, а въ лѣвой сосудъ situla. Увѣряя, что серебряный змѣй въ рукѣ Изиды замѣтно качнулъ голо-

Крупнаго гуся конечно принявши и папушникъ мягкій.
Этотъ лишь съ мѣста ушелъ,—корзину и сѣно покинувъ [542])
Іудѣйка дрожа, на ушко подаянія проситъ;
Толковательница она Солимскихъ законовъ,
Старшая жрица деревъ, посредница высшаго неба.
Въ руки попало и этой, но меньше: за мелкія деньги
Сновъ Іудѣи тебѣ продадутъ какихъ пожелаешь.
Нѣжнаго сулитъ дружка или завѣщанье большое
Отъ богача бездѣтнаго, легкія теплой голубки
Разсмотрѣвши, Армянскій иль Коммагенскій гадатель;
Груди онъ смотритъ у куръ и внутренности у собачекъ,
А подчасъ у ребятъ; самъ дѣлаетъ, самъ же доноситъ.
Но Халдеямъ довѣрія больше бываетъ: что скажетъ
Астрологъ, онѣ вѣрятъ, что это источникъ Гаммона [554])

вой и слѣдовательно отрицаетъ что то, жрецъ умоляетъ Озириса, чтобы змѣй, опять не кивалъ когда молящіеся будутъ пристально глядѣть на него, чего онъ конечно и не сдѣлаетъ, принявши подарки.

542) Корзина для пожитковъ и сбора подаянія, а сѣно для ночлега, единственная мебель бѣдныхъ Іудѣевъ за Капенскими воротами. (Смотр. Сат. III. 11. 15. 16).

550) Изъ Коммагены, сѣверо-восточной Сирійской провинціи. Разсматривая внутренности домашнихъ животныхъ, близкихъ подъ рукою и годныхъ на жаркое, онъ подводитъ ослѣпленныхъ женщинъ и подъ дѣтоубійство, чтобы современемъ получить вознагражденіе за доносъ, или откупъ отъ доноса. Такимъ Халдеямъ, какъ пришлымъ, вѣры больше.

554) Оазисъ Юпитера Аммона.

557) Но всѣхъ болѣе довѣрія внушаетъ тотъ, кто какъ говорится пострадалъ и былъ замѣшанъ въ какую нибудь катастрофу, гдѣ онъ злоупотребилъ оказаннымъ ему довѣріемъ или дружбой, какъ напримѣръ астрологъ Селевкъ (Светоній) Птоломей (Тацитъ), ускорившій убійство Гальбы тѣмъ, что предрекъ Оттону восшествіе на престолъ. Въ спискѣ Budensis или Pithoeanus 578—579 стих. нѣтъ и ихъ съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ можно признать вставочными—ибо они являются одиночнымъ примѣромъ широко и мѣтко вы-

Имъ посылаетъ, затѣмъ что оракулъ Дельѳійскій въ упадкѣ—
И человѣческій родъ осужденъ на туманы въ грядущемъ.
Но изо всѣхъ предпочтительнѣй тотъ, кто часто былъ изгнанъ,
Вслѣдствіе дружбы котораго и покупныхъ начертаній
Мощный погибъ гражданинъ, что страхъ наводилъ на Оттона.
Вѣрятъ искусству того, у кого желѣзо звенѣло
На обѣихъ рукахъ, кто долго въ тюрьмѣ насидѣлся.
Ни одинъ астрологъ не наказаный геніемъ не былъ;
Но кто чуть не погибъ, кто едва добился въ Циклады
Въ ссылку попасть и затѣмъ изъ тѣснаго вышелъ Серифа, [564]
Вопрошаютъ того: скоро-ль мать умретъ отъ желтухи,
Но сперва про тебя Танаквиль твоя спроситъ, и скоро-ль [566]
Дядей она и сестру схоронитъ и переживетъ ли
Милый ее: что же большее дать ей могутъ гаданья?
Эти однако не знаютъ, чѣмъ грустной звѣздой угрожаетъ
Имъ Сатурнъ, что веселой звѣздой предвѣщаетъ Венера,
Что за мѣсяцъ убытковъ и время какое дастъ прибыль.

сказанной мыслею. Тогда какъ слѣдующій затѣмъ 560 стихъ стройно продолжаетъ прерванную вводными стихами мысль.

[564]) Серифъ не большой островокъ изъ числа Эгейскихъ Цикладъ, служившихъ мѣстами ссылки у Римлянъ.

[566]) Танаквиль, надменная супруга Тарквинія Древняго, была какъ Этрурка сильна въ колдовствѣ и предсказала престолъ своему мужу. Здѣсь значитъ твоя гадательница.

Не забывай избѣгать даже встрѣчи съ той, у которой
Ты въ рукахъ календарь увидишь засаленный, стертый,
Словно янтарь,—и которая не вопрошаетъ ужь больше
Никого, а ее вопрошаютъ, которая съ мужемъ
Ни на войну не пойдетъ, ни домой, противъ счетовъ Тразилла [576]).
Коли до первой версты задумаетъ ѣхать, такъ въ книжкѣ
Справится съ часомъ; коль чешется уголъ глаза при треньи,
Только взглянувъ въ гороскопъ, она потребуетъ мази.
Еслибольная лежитъ, то пищу принять наилучшимъ
Часомъ ей кажется тотъ, какой указалъ Петосирисъ. [581])
Если она побѣднѣй, то бѣжитъ по всему она рынку,
Жребій свой вынимаетъ и лобъ подставляетъ и руку
Знахарю, что поцѣлуевъ за это требуетъ частыхъ.
Пусть богачамъ отвѣчаетъ авгуръ Фригійскій, за деньги,
Отвѣчаетъ извѣдавшій звѣзднаго міра теченье
Или и старшій какой, что побитое громомъ хоронитъ [587]);
А у плебеевъ судьба на валу проживаетъ и въ циркѣ [588]).
Та, что съ голымъ затылкомъ глубоко кажетъ лопатку,

---

[576]) Тразиллъ, оставившій сочиненія, былъ придворнымъ астрологомъ Тиверія.

[581]) Петосирисъ (см. Плиній II. 23) старинный Египетскій астрологъ.

[587]) Старшій Этрусскій гадатель совершалъ обрядъ погребенія предметовъ, пораженныхъ громомъ. Мѣсто, гдѣ были похоронены эти предметы, становилось священнымъ и называлось bidental.

[588]) На валу (смотр. Сат. V. 155) и въ циркѣ т. е. въ публичныхъ мѣстахъ, какъ бы на толкучкѣ.

У деревянныхъ столбовъ, да колоннъ дельфиновъ гадаетъ:
Выйти ли ей за торговца старьемъ, трактирщика бросивъ.
Эти однакожъ выносятъ и тягость родовъ, да и всякій
Трудъ кормленья, при всей удручающей бѣдности, терпятъ;
Но едва ли родильница есть въ золоченой кровати.
Такъ искусства и такъ лѣкарства вонъ той всемогущи,
Что безплодными дѣлаетъ и за деньги въ утробѣ
Умерщвляетъ людей. Ликуй, несчастный, и самъ же
Пить подноси, что ни есть; ибо, еслибъ она согласилась
Расширять и томить прыгунками ребятами чрево,
Ты бъ Эѳіоповъ отцемъ могъ стать; въ твоемъ завѣщаньи
Сталъ бы наслѣдникъ цвѣтной, съ утра не желанный для встрѣчи [601]).
Обхожу я подсунутыхъ, радость обѣтовъ, что часто [602])
Воспринимаютъ у грязныхъ лотковъ и взятыхъ оттуда
Старшихъ салійскихъ жрецовъ, которымъ придется облыжно
Скавровъ носить имена. Стоитъ шалунья Фортуна
Ночью и дѣтямъ нагимъ улыбается, ихъ завернувши

---

590) На одномъ концѣ цирка были деревянные столбы, а на другомъ колонны въ видѣ дельфиновъ.

595) Вонъ той—знахарки.

601) Съ утра нежеланный, неговоря о ночной встрѣчѣ.

602) Послѣ всякихъ невзгодъ супружества являются подсунутыя дѣти. Пока отецъ въ восторгѣ отъ исполненныхъ обѣтовъ, въ домъ приносятъ сына рабыни, взятаго съ простаго лотка или корыта, въ которомъ его купала мать и онъ всю жизнь носитъ знаменитое патриціанское имя Скавра, дозволяющее ему стать Салійскимъ жрецомъ, какимъ могъ быть только Патрицій.

Грѣетъ она у груди, въ дома ихъ знатные суетъ
И забаву себѣ тихомолкомъ готовитъ; ихъ любитъ.
Ихъ одаряетъ она и выводитъ всегда какъ питомцевъ.
Тотъ заклинаній несетъ, а этотъ продастъ ей напитковъ
Θессалійскихъ, чтобъ ей затмить у мужа разсудокъ
И башмакомъ его драть. Вотъ съ этого то и безуменъ
Ты, съ того то твой умъ въ туманѣ и дѣлъ ты не помнишь
Тѣхъ, что сейчасъ совершилъ. Но это стерпимо, покуда
Въ ярость не сталъ приходить, ты словно тотъ дядя Нерона,
Коему лобъ жеребенка малютки Цезонія цѣлый
Выпить дала; какой отставать отъ супруги владыки?
Все горѣло и все разбитое въ связяхъ валилось.
Точно какъ будто Юнона содѣлала мужа безумнымъ. [619])
Вотъ поэтому грибъ Агриппины былъ менѣе вреденъ,
Ибо онъ сердце сдавилъ одному старику и спровадилъ
Только одну и уже дрожавшую голову къ небу
И съ губами, съ которыхъ тянулись обильныя слюни.

---

615) Калигула по Агриппинѣ родной дядя Нерона, извѣстенъ безумствами, происходившими будто бы отъ того, что бывшая сперва его возлюбленной, а затѣмъ послѣдней женой Цэзонія Милонія его опоила волшебными снадобьями, и какъ видно изъ настоящаго мѣста употребила гиппоманы см. тутъ же ст. 133.

619) Такъ какъ не былъ убитъ, а только приведенъ въ ярость, то все рушилось, какъ будто самъ Зевесъ обезумѣлъ.

620) Грибъ Агриппины. Смотр. Сат. V. 147.

Это же проситъ огня и желѣза, питье это мучитъ,
Это терзаетъ сенатъ, примѣшавъ къ нему всадниковъ крови.
Вотъ жеребенокъ чего, съ отравительницей чего стоитъ!
Ненавидятъ дѣтей отъ любовницы; съ ними не спорятъ, [627]
Нѣтъ запрета, и вотъ убивать и пасынка можно.
Васъ увѣщаю, сироты, коль ваше имѣнье по больше,
Души свои берегите, столу никакому не вѣрьте:
Блѣдный, здобный пирогъ материнскою пышетъ отравой.
Пусть кто откуситъ сперва отъ того, что та предложила,
Что родила, боязливо пустъ дядька кубокъ пригубитъ. [633]
Иль сочиняемъ мы тутъ, на высокіе ставя котурны
Нашу Сатиру, какъ бы, преступая и цѣль и законы
Древнихъ, мы съ важною пѣснью неслися дыханьемъ Софокла,
Хоть чужда она Рутуламъ и Латинскому небу? [637]
О если-бъ былъ я лжецомъ! Но Понтія мнѣ восклицаетъ: [638]
„Я это сдѣлала, каюсь, я дѣтямъ дала акониту".
Хоть и уликъ не нашлось, злодѣйство то я совершила.

---

[627] Подразумѣвается: замужнія женщины, о которыхъ все время идетъ рѣчь. Но такова природа человѣка, что при уступкѣ слабости или пороку, послѣдній только забираетъ силу. Смотрите сквозь пальцы на дурное обращеніе съ незаконнымъ ребенкомъ,—она сочтетъ себя въ правѣ убивать законнаго пасынка.

[633] Quae pepегit: что родила. Очевидно не сиротъ, о которыхъ идетъ рѣчь; что родила собственныхъ дѣтей, въ пользу которыхъ возродилась въ ней ненависть къ пасынкамъ.

[637] Рутуламъ вмѣсто Римлянамъ (смотр. Сат. I. 164). Какъ ни трагичны преступленія, о которыхъ говорится въ простой Сатирѣ, онѣ не сочинены.

[638] По схоліасту: Понтія, дочь П. Петронія, казненнаго Нерономъ за участіе въ заговорѣ, по смерти мужа своего отравила своихъ дѣтей.

Ты-ли злодѣйка змѣя своихъ то одною-же пищей?—
Ты-ли двоихъ?—„Семерыхъ, когда бы ихъ семь оказалось.“
Вѣримъ трагикамъ мы, что намъ о рожденной въ Колхидѣ [643]
Или о Прокнѣ твердятъ. Ничего возражать не могу я [644].
И такія чудовища въ прежнее время дерзали,
Не изъ-за денегъ однако. Дивиться намъ слѣдуетъ меньше
Страшнымъ чудовищамъ, ежели гнѣвъ побуждаетъ къ злодѣйству
Этотъ полъ; тутъ онѣ съ воспаленной яростью грудью
Мчатся стремглавъ какъ скала, что съ вершины летитъ, если только
Выйдетъ гора изъ-подъ ней и скатъ подъ наклонной уходитъ.
Но не стерпѣлъ бы я той, что съ расчетомъ злодѣйство большое
Дѣлаетъ трезвая. Смотрятъ онѣ, какъ за мужа Алцеста [652]
Смерть принимаетъ; но если-бъ въ подобномъ дозволитъ имъ выборъ,

---

643) О Медеѣ.

644) Прокна, изъ мести къ мужу своему Терею, убила сына своего Итиса и накормила имъ мужа.

652) Смотрятъ на сценѣ у Эврипида. Алцеста, узнавъ, что другъ ея мужа Адмета Аполлонъ взялъ съ Парокъ обѣщаніе пощадить жизнь больнаго Адмета, если кто либо пожертвуетъ за него своей жизнью—добровольно принесла себя въ жертву. Но за тѣмъ возвращена изъ Аида Геркулесомъ.

655) Белъ отецъ Египта и Даная. Дочери послѣдняго Данаиды, мужеубійцы носятъ по дѣду и имя Белидъ. Эрифила. Прелестная Гармонія плодъ любви Венеры и Марса, пойманныхъ въ сѣть Гефестомъ, получила въ числѣ подарковъ отъ всѣхъ боговъ и ожерелье отъ ненавидѣвшаго ее Гефеста, которое онъ заклялъ всякими несчастіями для того, кто имъ будетъ обладать. Когда супругъ Эрифилы Амфіарай, предвидя по своему дару пророчества собственную гибель на войнѣ, укрылся отъ звавшаго его къ знаменитой осадѣ (семью героями) Ѳивъ, Эрифила, соблазненная Гармоніей проклятымъ ожерельемъ выдала мужа, который погибая завѣщалъ старшему сыну своему Алкмеону убить свою мать.

Смертію мужа онѣ спасти бы готовы собачку.
Много тебѣ Эрифилъ и Белидъ попадется на встрѣчу
Рано, и улицы нѣтъ, гдѣ бы ты не нашелъ Клитемнестры.
Разница въ томъ состоитъ, что та Тиндарида двуострый [657])
Грубый и глупый топоръ держала и правой и лѣвой,
А теперь это тихо свершается легкими жабы
И пожалуй мечемъ, если хитрый Атридъ предвкусилъ ужъ
Отъ Понтійскихъ лѣкарствъ царя побѣжденнаго трижды.

---

[657]) Клитемнестра, дочь Тиндарея и знаменитой Леды—Тиндарида убила мужа своего Агамемнона, сына Атрея — Атрида.

Поэтъ иронически говоритъ, что тогда она это просто сдѣлала топоромъ, а теперь дѣлаютъ тихо ядомъ, извлеченнымъ изъ легкихъ жабы, и пожалуй мечемъ, если современный Атридъ былъ настолько догадливъ, что пріучилъ себя какъ Митридатъ Понтійскій къ принятію ядовъ.

Д. ЮНІЯ ЮВЕНАЛА

САТИРЪ

КНИГА ТРЕТЬЯ

САТИРА VII.

И надежда и поводъ къ занятіямъ въ Цезарѣ только;[1]).
Онъ одинъ въ эти дни на печальныхъ Каменъ оглянулся,

Сатира VII.

Свободное искусство и наука по существу своему представляютъ добровольное отшельничество изъ реальнаго міра въ идеальный. Тѣмъ не менѣе и отшельнику, на что указалъ уже Аристотель, необходимо питаться и существовать; вотъ почему нѣмецкое изреченіе Kunst liebt gunst (искусство любитъ покровительство) на всегда останется вѣрнымъ. Не взирая на трудность практическаго распознаванія духовныхъ побужденій, неизмѣннымъ остается фактъ, что однихъ гонитъ въ уединеніе искусства преимущественно природное побужденіе—талантъ, а другихъ преимущественно самолюбіе. Гдѣ же критерій того или другаго разряда художниковъ? Съ этой точки зрѣнія древнее искусство и въ особенности литература сама по себѣ стояли въ эпохи расцвѣта въ гораздо болѣе счастливыхъ условіяхъ, чѣмъ въ наши дни. Самая матерьяльная сторона писанія и обнародованія произведенія, будучи связана съ бóльшимъ затрудненіемъ, принуждала дорожить словомъ, и мы дѣйствительно видимъ, что произведенія по нѣсколько лѣтъ обработывались писателемъ до выпуска въ свѣтъ. Внимательный читатель Горація и Ювенала безъ сомнѣнія замѣтилъ въ Римѣ два разряда поэтовъ. Одни, алчущіе во что бы то ни было извѣстности, потрясаютъ стѣны общественныхъ залъ и храмовъ, публичными чтеніями своихъ безконечныхъ и бездарныхъ поэмъ, ища суда улицы, другіе же по просьбѣ избранныхъ приносятъ въ триклиній строго обдуманныя вещи на судъ тонкихъ и философски образованныхъ судей. Какихъ лучшихъ судей могъ напр. ожидать на свѣтѣ Горацій, чѣмъ Августъ, Меценатъ, Виргилій, Тибуллъ и т. д.? Судить насъ можетъ только тотъ, кто лучше нашего понимаетъ дѣло, а никакъ не тотъ, кто ничего въ немъ не смыслитъ. Улица, если есть охота, можетъ учиться, а не учить.

Вотъ причины, по которымъ высокообразованные богачи, могущіе поддержать недостаточнаго, но истиннаго художника, необходимы въ дѣлѣ искусства. Потребность въ такихъ друзьяхъ искусства еще сильнѣе была у древнихъ потому, что книгопродавцы ничего не платили авторамъ за произведенія, а при охладѣвшемъ сочувствіи богатыхъ людей, такимъ поэтамъ какъ Стацій и Марціалъ пришлось по нищетѣ бѣжать изъ Рима. Когда послѣ развратныхъ и страшныхъ Флавіевъ, на престолѣ возсіялъ образованный Траянъ, въ душѣ Ювенала засвѣтилась заря лучшихъ надеждъ по отношенію къ поэзіи. Все это составляетъ содержаніе настоящей Сатиры.

[1]) Траяна.

Какъ уже славные и извѣстные наши поэты
Въ Габіяхъ баньками да пекарными печками въ Римѣ
Обзавестись собрались, другіе жь стыдомъ не считали
И позоромъ глашатаѣмъ стать; когда, Аганиппы [6]
Долы покинувши, въ лавку бѣжала голодная Кліо.
Ибо если въ тѣни Піеридъ пятака тебѣ даже [8]
Не попадетъ, облюби ты хоть имя и дѣло Махеры [9]
И продавай уже, что аукціонъ продаетъ съ порученья
Предстоящимъ: бутыли, треножники, шкапы, шкатулки,
Пакція Алкиѳою, да Фавста Терея и Ѳивы [12]).
Все это лучше, чѣмъ предъ судьей говорить тебѣ: видѣлъ
То, чего не видалъ; Азіатскимъ то всадникамъ сродно [14]),
Кападокійскимъ къ лицу и Виѳинскимъ всадникамъ это,
Тѣмъ, что Галлатія шлетъ на показъ съ босыми ногами.
Съ этой поры никто труда ученаго празднымъ
Уже не долженъ считать, кто только съ пѣвучимъ размѣромъ

---

6) Аганиппа потокъ, ключъ Музъ у Геликона, со святилищемъ Аполлона и Музъ.

8) Пятака—quadrans.

9) Махера выставленъ какъ представитель глашатая т. е. предлагающаго на аукціонѣ чужой товаръ.

12) Между прочимъ хламомъ трагедіи Пакція и Фавста. Алкиѳоя или Алкаѳоя (Овидія Мет. IV—I—40 и 390 и слѣд.) за замедленіе надъ работой, во время торжества, запуганная съ сестрами Вакхомъ до помѣшательства. Всѣ онѣ превращены Меркуріемъ въ птицъ. Ѳивы изъ Цикла героическихъ Ѳивъ. Терей (смотр. Сат. VI. 644).

14) Лжесвидѣтельство дѣло сродное тѣмъ Азіатскимъ выходцамъ, которые напр. изъ Галлатіи прибыли въ Римъ босикомъ въ качествѣ рабовъ, но предосудительными продѣлками добились званія всадниковъ.

Сладко звучащее слово сплеталъ или лавра отвѣдалъ.
Помните это, о юноши! Всѣхъ озаряя живитъ васъ
Милость вождя и она для себя только ищетъ предмета.
Еслижъ откуда помимо своимъ ты дѣламъ ожидаешь
Помощи и потому въ шафранной оберткѣ страницу [24])
Наполняешь, скорѣй какихъ нибудь дровъ попроси ты
И что пишешь отдай, Телезинъ, ты супругу Венеры,
Или запри и книги сложи на съѣденіе моли.
Перья, несчастный, сломай и битвы забрось, что писалъ ты [27])
Ночью, въ убогой клѣти сочиняющій дивныя пѣсни,
Чтобы явиться достойнымъ плюща и щедушнаго бюста.
Дальше надеждъ никакихъ: ужъ скряга богачъ разучился
Краснорѣчію такъ дивиться и такъ имъ плѣняться,
Какъ Юнониной птицей мальчишки. Но время проходитъ
Переносить и моря и каску или мотыку.
Скука къ душѣ подойдетъ и себя и свою Терпсихору
Возненавидитъ рѣчистая и обнаженная старость.
Нынѣ уловки пойми. Чтобъ къ тебѣ нейти ему въ помощь [36]),
Для котораго Музъ и храмъ Аполлона ты кинулъ,

---

15) Ст. очевидно позднѣйшая, замедляющая ходъ рѣчи, вставка.

24) Выпроси лучше дровъ, (Телезинъ бѣдный поэтъ) и предавая ихъ Вулкану, прибавь на поджежку свои сочиненія.

27) Битвы которыя воспѣлъ, добиваясь плющеваго вѣнка и бюста твоей голодающей особы.

36) Уловки скупыхъ богачей.

Самъ онъ пишетъ стихи и только отсталъ отъ Гомера
Изъ за тысячи лѣтъ; и если сладостью славы
Ты возгоришься читать, онъ домъ свой грязный предложитъ.
Этотъ тебѣ предоставленный домъ давно на запорѣ
И съ дверей онъ похожъ на ворота во время осады;
Онъ въ послѣднемъ ряду умѣетъ сажать отпущенцевъ
И изъ своихъ же людей припасать голосовъ самыхъ громкихъ;
Но ни одинъ изъ владыкъ не уплатитъ расходовъ на стулья
И на амфитеатръ, возведенный на брусьяхъ за деньги,
Да за кресла, которыя снимутся тотчасъ съ оркестры.
Мы же все дѣлаемъ то-жъ и въ пескѣ мы тощемъ проводимъ [48]
Борозды и по безплодному берегу пашемъ мы плугомъ;
Ибо при отступленіи зло честолюбія петлей
Держитъ тебя; премногихъ держитъ неизлѣчимый
Недугъ писанья и все старѣетъ въ болѣзненномъ сердцѣ.
Но пѣвца изъ пѣвцовъ, у котораго жилки нѣтъ пошлой,
И который не хочетъ пѣть будничнаго и не станетъ
Пѣсни своей площадной клеймить обиходнымъ чеканомъ,

---

45) Не скупясь на хлопальщиковъ, ни одинъ изъ патроновъ не дастъ на расходы устройства чтеній.

48) А мы поэты продолжаемъ писать стихи и работать надъ песчаной почвой, не способной насъ кормить.

Хоть на него не могу указать, а его только чую,
Вотъ его оживляетъ душа безъ боязни, чуждаясь
Всякой горечи, жаждущая лѣсовъ, чтобъ упиться
Изъ ключей Аонидъ. Потому что не можетъ въ пещерѣ
Піерійской пѣть и съ Тирсомъ управиться бѣдность
Грустная и безъ гроша, у которой денно и нощно
Тѣло въ нуждѣ. Вѣдь Горацій то сытъ, какъ взываетъ: *Эвое*!
Гдѣ же генію мѣсто, коль вы не единою пѣснью
Заняты и не стремятся къ владыкамъ Кирры и Низы [64])
Ваши сердца, двухъ заботъ допустить неспособныя вмѣстѣ?
Дѣло мощнаго духа, внѣ тяжкихъ заботъ о постели,
Созерцать колесницы, коней и лики безсмертныхъ
И какъ Эриніею у Рутула умъ помраченъ былъ [68]).
Ибо когда бъ у Виргилія не было слугъ и жилища
Сноснаго, то бы съ волосъ сейчасъ всѣ гидры свалились
И глухая труба не звучала бы важнымъ; какъ хочемъ
Мы, чтобы Лаппа Рубренъ не ниже былъ древнихъ котурновъ, [72])

---

[55]) Который не станетъ подчинять своей пѣсни минутному требованію моды, такой поэтъ—идеальный, руководясь не посторонними соображеніями выгоды или страхомъ неудачи, стремится въ творческое уединеніе по врожденной жаждѣ къ поэзіи; но онъ долженъ быть обезпеченъ, ибо бѣдняку не до вакхическаго тирса вдохновенія, когда онъ подъ гнетомъ насущныхъ нуждъ.

[64]) Владыка Кирры—Аполлонъ, а Низы—Діонисій (Вакхъ).

[68]) Дѣло мощнаго поэта, не озабоченнаго устройствомъ теплой постели, создавать эпическіе образы—напр. какъ (у Виргилія Энеид. VII 445—460). Эринія (фурія) Allecto сводитъ съ ума Рутула—Турна.

[70]) Съ волосъ у Эриніи всѣ змѣи бы свалились: воображеніе отказалось бы работать.

[72]) Лаппа Рубренъ бѣднякъ поэтъ сталъ бы съ своимъ Атреемъ на высотѣ древней трагедіи, когда онъ послѣднюю тарелку заложилъ.

Коль Атрей то его заложилъ уже плащъ и тарелку?
У Нумитора несчастнаго нѣтъ на подарокъ для друга,[74]
А чтобъ Квинтиллѣ дарить, такъ есть; и хватило достатка
Льва ручнаго купить, которому мяса такъ много
Нужно на кормъ; безъ сомнѣнія требуетъ меньше расхода
Звѣрь и больше гораздо вмѣщаетъ утроба поэта.
Славой довольный Луканъ пускай въ садахъ возлегаетъ
Съ мраморами, но Серрану или бѣднягѣ Салею
Что имъ въ славѣ какой либо, если она только слава?
Всѣ на голосъ пріятный бѣгутъ и на пѣсню любимой[82]
Ѳиваиды, когда столицу обрадуетъ Стацій,
День обѣщая; такою сладостью души объемлетъ
Онъ и трогаетъ, и съ такимъ вожделѣньемъ внимаетъ
Пѣснѣ народъ; но когда стихомъ потрясъ онъ скамейки,
То голодаетъ, коли не продастъ Парису Агавы[87]).

---

74) Послѣ рѣчей о поэтахъ и ихъ нуждахъ, съ этого стиха идетъ рѣчь о богачахъ, и о томъ какъ они относятся къ этимъ нуждамъ. Въ примѣръ такого богача выставляется Нумиторъ, названный такъ вѣроятно для выраженія древности его рода см. (Сат. VIII. 93). Несчастный въ духовномъ отношеніи.

75) Квинтилла, богатая и вліятельная вдова.—У Нумитора всегда находятся деньги, не только на заискиванія протекціи но и на фантазіи въ родѣ ручнаго льва, которому мясная пища дороже содержанія поэта.

80) Про богатаго во время Нерона поэта М. Аннэя Лукана, творца Фарсалій здѣсь буквально повторяются слова Тацита XVI. 17 и 49 — 70. Contentus fama и — Hortis marmoreis. Луканъ могъ довольствоваться славой; но бѣдняки поэты, какъ (Атилій) Серранъ и Салей (Бассъ) Эпикъ при Веспасіанѣ, не могутъ довольствоваться славой.

82) Папиній Стацій импровизаторъ и придворный поэтъ Домиціана, льстилъ императору и придворнымъ и былъ любимцемъ народа, стремившагося слушать его Ѳиваиду, тѣмъ не менѣе долженъ былъ по причинѣ бѣдности удалиться изъ Рима въ Неаполь на родину.

87) Знаменитые стихи, игравшіе большую роль и въ жизни Ювенала и въ

Тотъ вѣдь многимъ доставилъ даже воинскую почесть
И пѣвцамъ украшалъ шестимѣсячнымъ золотомъ пальцы.
То, чего знатный не дастъ, дастъ актеръ; зачѣмъ Камериновъ
И Бареи ты ищешь великихъ и знатныхъ чертоговъ?
Шлетъ Пелопея префектовъ, а Филомела трибуновъ [92]).
Но не завидуй пѣвцу, котораго сцена питаетъ.
Гдѣ Мецената найдешь, гдѣ теперь Прокулей обрѣтется
Или Фабій? Гдѣ Котта второй или Лентулъ новѣйшій?
Съ дарованьемъ тогда равнялась награда; для многихъ
Польза была и блѣднѣть и вина весь Декабрь не касаться [97]).

критикѣ. Парисъ мимъ—т. е. пластическій актеръ въ балетѣ, въ который въ императорскія времена перешла вся драма. Ювеналъ хочетъ сказать, что Стацій вынужденъ сочинять изъ Агавы (матери царя Пентея, растерзавшей сына въ вакхическомъ изступленіи) балетъ для Париса, но злобно говоритъ nisi vendit, если не продастъ, допускающее другой смыслъ и вслѣдъ затѣмъ указываетъ на беззаконное вліяніе Париса, раздающаго поэтамъ офицерскія мѣста, напр. полугодичнаго трибуна, получавшаго съ тѣмъ и золотое кольцо—отличіе всадника.

90) Камерины изъ рода Сульпиціевъ, Барея изъ рода Сервиліевъ. Напрасно говоритъ Ювеналъ, въ наше время искать покровительства знати, надо искать его у актеровъ.

92) Пелопея, дочь Тіеста и отъ него же мать Эгиста, а Филомела сестра Прокны, обезчещенная мужемъ послѣдней Тереемъ. Очевидно, что всѣ эти женскія роли избирались молодымъ и красивымъ Парисомъ ради ихъ соблазнительности. И направленные противъ всемогущаго любимца стихи были по мнѣнію схоліаста причиной ссылки поэта. Какъ это могло произойти, мы объясняли въ статьѣ о жизни Ювенала.

95) Прокулей Варронъ Мурена, о щедрости котораго Горацій говоритъ К. Од. II. 2. 6. Фабія и Котту, поминаетъ Овидій. Лентулъ Карнелій Гетуликъ (Тац. IV. 44). Приводя всѣ эти имена Ювеналъ только хочетъ сказать, что во времена Августа покровительство искусствамъ неограничивалось однимъ Меценатомъ, а покровителей было множество и

97) Тогда стоило предаваться литературному труду даже въ декабрѣ, когда всѣ веселились по случаю Сатурналій.

Вашъ то затѣмъ плодотворнѣй ли трудъ исторіографы?
Болѣе требуетъ времени онъ и болѣе масла [99]);
Ибо безъ всякихъ границъ страницею тысячной станетъ
Дѣло у нихъ, разростаясь на счетъ изводимой бумаги;
Такъ велитъ безконечность событій и свойство занятій.
Но какая тутъ жатва? Плоды пахоты то какіе?
Кто историку дастъ, что даетъ чтецу онъ извѣстій?
„То вѣдь лѣнивый народъ, что любитъ постель и прохладу“.
Такъ скажи ко, что стряпчимъ отъ дѣлъ то гражданскихъ за польза,
Хоть и слѣдуютъ книги въ огромныхъ связкахъ за ними?
Тутъ они въ рѣчи гремятъ, особливо когда кредиторъ ихъ
Слышитъ или когда на нихъ еще злѣй напираетъ
Тотъ, кто съ сомнительнымъ именемъ книгу огромную тащитъ.
Тутъ безпредѣльная ложь изъ раздутаго мѣха стремится

---

[99]) Трудъ историка требуетъ болѣе масла для лампады.

[105]) „То вѣдь“ заключаетъ воображаемый собесѣдникъ, о читающей публикѣ, пробивающейся ежедневными газетными сплетнями.

[110]) Дѣло идетъ объ стряпчихъ—адвокатахъ, старающихся громкими фразами внушить къ себѣ довѣріе. Но бѣда, когда банкиръ, ссужавшій деньги и записывавшій кредитора, въ настоящемъ случаѣ сочтетъ въ книгѣ своей имя самаго адвоката, сомнительнымъ въ качествѣ плательщика.

[112]) Отплевываясь, въ смыслѣ увѣренія въ правотѣ своихъ словъ.

[114]) Имѣніе сотни стряпчихъ не сравнится съ состояніемъ одного Краснаго Лацерны. Римляне страстные къ коннымъ ристалищамъ принимали живѣйшее участіе въ наѣздникахъ того или другаго цвѣта: бѣлыхъ, красныхъ, синихъ и зеленыхъ. Эта страсть позднѣе перешла въ Византію. Выигравшаго наѣздника преторъ, устроитель бѣговъ, долженъ былъ щедро наградить. Такъ разбогатѣлъ и принадлежащій къ партіи Красныхъ Лацерна.

И заплюетъ онъ грудь; но коль точную хочешь ты жатву [112])
Дѣла познать, то съ одной стороны сопоставь ты имѣнье
Сотни стряпчихъ, съ другой хоть краснаго только Лацерны [114]).
Вотъ засѣли князья; встаешь ты, Аяксъ поблѣднѣвшій—
Спорной свободы защитникъ, чтобъ рѣчь говорить предъ судьею—
Вологономъ. Надсаживай печень свою ты несчастный,
Чтобы измучившись лѣстницу пальмой зеленой украсить [118]).
Что же наградой за крикъ? Засохшій окорокъ съ кадкой
Рыбы иль стараго луку, какъ Мавру дается на мѣсяцъ,
Или бутылокъ пятокъ вина съ верховія Тибра.
Если одинъ золотой съ четырехъ засѣданій и нажилъ,
То изъ него выпадаютъ помощникамъ должныя части.
Сколько приходится дастся Эмилію, хоть мы и лучше [124])

---

115) Сцена защиты на виндикаціонномъ судѣ — гдѣ кто либо предъявилъ права на кого либо какъ на своего раба,—начинается пародіей на сцену, изображенную Овидіемъ Мет. XIII въ началѣ, гдѣ Аяксъ передъ засѣвшими на судъ князьями предъявляетъ свои права на оружіе Ахиллеса. Такимъ образомъ поблѣднѣвшій отъ волненія Аяксъ, (здѣсь адвокатъ) долженъ защищать сомнительную свободу своего кліента передъ личнымъ, а не коллективнымъ, судомъ одного судьи, который случайно можетъ быть простымъ вологономъ (bubulcus).

118) Такъ какъ бѣдный адвокатъ живетъ въ наемной квартирѣ, то украшаетъ не двери дома, а свою лѣстницу знакомъ торжества.

120) Мѣсячная дача Мавру, африканскому рабу, или съ верховьевъ Тибра плохое вино.

124) Эмилій, знатный помощникъ при веденіи дѣла.

Дѣло вели. За то у него въ преддверьи съ четверкой
Гордой стоитъ колесница изъ мѣди, а самъ онъ, на пылкомъ
Сидя конѣ боевомъ и круто дротикъ занесши,
Издали хочетъ разить, во мраморной статуѣ щурясь.
Такъ провалился Педонъ, Матонъ разорился, къ тому же
И Тонгилій идетъ, хотя съ носороговой чашей
Мыться привыкъ и баню толпой своей грязной стѣсняетъ
И на рынкѣ Мидійскихъ рабовъ давитъ длинною жердью.[132])
Шпатовъ, слугъ, серебра и виллъ онъ себѣ накупаетъ,
Вѣдь порукой то пурпуръ, плѣняющій Тирскою пряжей.
И вотъ это то имъ и полезно; пурпуръ вывозитъ
Стряпчаго да аметистовый цвѣтъ; имъ выгодно очень
Съ трескомъ жить и на видъ казаться съ большимъ достаткомъ.
Но расточительный Римъ не знаетъ предѣла расхода.[138])
Вѣримъ ли мы краснорѣчью? Никто двухъ сотенъ сестерцій

---

125) Въ доказательство его знатности у него въ предверіи бронзовая колесница въ память предка тріумфатора, atque ipse, а самъ онъ не относится непремѣнно къ настоящему оратору Эмилію, а скорѣе къ тому же тріумфатору. Ежедневный опытъ доказывающій, что большее вознагражденіе достается адвокату съ пышной обстановкой, заставляетъ адвокатовъ вообще щеголять роскошью, приводящею ихъ къ окончательному разоренію, какъ Матонъ (смотр. Сат. I. 32). Педонъ такое же произвольное имя.

130) Тонгилій, напротивъ пользуется пока своимъ положеніемъ и преднамѣренно выставляетъ на видъ свою роскошь.

132) На рынкѣ рабы носятъ за нимъ длинную жердь для навѣшиванія забираемаго въ долгъ товара.

138) Очевидно вставочный и охлаждающій стихъ.

Нынѣ не дастъ Цицерону, коль онъ безъ огромнаго перстня.
Тотъ, кто судится смотритъ прежде всего, есть-ли восемь
Слугъ при тебѣ съ десятью провожатыми, слѣдомъ же кресло
И впереди тебя въ тогахъ. Затѣмъ то Павлъ на прокатъ бралъ [143])
Сардоникъ для защиты и Галла и Базила больше
Онъ наживалъ. Въ одеждѣ плохой краснорѣчіе рѣдкость.
Развѣ Базилу мать въ слезахъ выводить подобаетъ? [146])
Кто жъ краснорѣчіе въ Базилѣ стерпитъ? Пусть тебя приметъ
Галлія или скорѣй кормилица сущая стряпчихъ [148])
Африка, если задумалъ барышъ пріобрѣсть языкомъ ты.
Ты декламаціи учишь? О грудь желѣзная, Веттій,
Полонъ классъ твой и всякъ громитъ жестокихъ тиранновъ!
Ибо что сидя онъ только прочелъ, то стоя онъ также
Произнесетъ и то жъ прогудетъ все тѣми жъ словами:

---

143) Не простонародные кліенты, а въ тогахъ, togati; римскіе граждане. Павлъ беретъ напрокатъ сердоликовый перстень на день защиты и потому болѣе получаетъ вознагражденія чѣмъ быть можетъ болѣе знающіе и талантливые Галлъ и Базилъ (смотр. Сат. X. 222).

146) Базилу не подобаетъ рисоваться эффектными сценами, потому что ему не поручатъ важнаго процесса.

148) Ступай въ провинцію кормиться краснорѣчіемъ, а въ Римѣ плохо. Такой совѣтъ оправдывается примѣромъ многихъ знаменитыхъ ораторовъ, пріобрѣвшихъ въ провинціяхъ первоначальную извѣстность, какъ напр. Сенека (старшій), даже Квинтиліянъ, позднѣе Апулей и Антоній.

150) Поэтъ переходитъ къ жребію учителя реторики, въ примѣръ котораго выводится Веттій, при имени котораго невольно вырывается у поэта восклицаніе о неутомимости его легкихъ.

Ту же капусту рубя, онъ несчастныхъ наставниковъ душитъ.
Что за оттѣнокъ и родъ представляетъ судебное дѣло,
Въ чемъ тутъ главный вопросъ, откуда ждать стрѣлъ возраженій,
Всѣ хотятъ это знать, но никто платить не желаетъ.
„Платы требуешь ты? А что же я знаю? Виновнымъ
Какъ бы выходитъ наставникъ, что тамъ подъ лѣвою грудью[159]
У Аркадскаго юноши и не дрогнетъ, хоть мнѣ то
Голову денъ ужъ шестой бѣдняку Аннибалъ его ломитъ;
Что онъ замыслилъ теперь: идти ли отъ Каннъ на столицу
Или послѣ дождей и грозныхъ бурь похитрѣе
Обвести промокшіе отъ непогоды когорты.
„Въ чемъ объ закладъ? Вотъ прямо бери! Сейчасъ уплачу я,
Если станетъ отецъ столько разъ его слушать“ Шесть чуждыхъ
Или больше софистовъ въ одинъ это голосъ взываютъ
И къ заправскимъ дѣламъ идутъ, похитителя бросивъ[168]).

---

159) Аркадскій, деревенскій, мужицкій.

160) Риторическія темы: какъ лучше могъ бы поступить Аннибалъ.

165) Софисты хоромъ признаются учителю, что ни одинъ отецъ не вытерпитъ такой тупой болтовни своего сына—и уходитъ къ дѣйствительнымъ дѣламъ, бросивъ школьныя задачи въ родѣ:

168) Похитителя, о которомъ трактуетъ и Квинтильянъ. Юноша похитилъ дѣвицу противъ ея воли и предлагаетъ ей вступить въ бракъ. Она отказывается и онъ поражаетъ себя на смерть. Тогда дѣвушка соглашается вступить въ бракъ съ умирающимъ и по смерти его она и ея родные изъявляютъ притязанія на имущество самоубійцы.

169) Вылитый ядъ (тоже у Квинтильяна). Отецъ давно недовольный сы-

Вылитый ядъ умолкаетъ съ неблагодарнымъ супругомъ [169])
И со ступами, что устарѣлыхъ слѣпцовъ исцѣляютъ.
Самъ въ отставку уйдетъ, коль сдастся на наши совѣты
И поступитъ на новый жизненный путь, кто изъ мрака
Реторическаго низойдетъ къ дѣйствительной битвѣ,
Чтобъ не пропалъ барышекъ, который приходитъ отъ скудной
Марки на хлѣбъ: вѣдь это главнѣйшая прибыль. Спроси-ко
Изъ за какой цѣны Хризогонъ, иль за что Поліонъ то [176])
Знатныхъ учитъ ребятъ; ты учебникъ порвешь Теодора.
Тысячъ шестьсотъ стоитъ баня, а портикъ и больше, въ которомъ [178])
Властелинъ разъѣзжаетъ, коль дождикъ идетъ; неужели

номъ, застаетъ его въ отдаленномъ углѣ дома приготовляющимъ ядъ. На вопросъ, для кого ядъ? сынъ отвѣчаетъ: для себя. Такъ пей! Но когда сынъ вмѣсто того выливаетъ ядъ, отецъ обвиняетъ его въ покушеніи на отцеубійство. Въ подобномъ же родѣ неблагодарный супругъ. Тираннъ пыталъ женщину желая узнать про заговоръ мужа. Она выдержала пытку не выдавъ мужа. Но убивъ Тиранна, мужъ по истеченіи 5 лѣтняго безплодія жены, разводится съ нею, а она обвиняетъ его въ неблагодарности.

170) Юноша захваченъ со ступой въ рукахъ, въ которой толчетъ ядъ. На вопросъ что это?. онъ отвѣчаетъ: порошокъ для исцѣленія зрѣнія давно слѣпаго отца.

175) Еще въ послѣднія времена республики опредѣленному числу бѣдныхъ за $6^1/_2$ ассовъ, выдавалась modius мѣрка муки, стоившая по вольной цѣнѣ 6 ассовъ. При Августѣ выдавалось около 200,000 билетовъ на такое полученіе и бѣдняки сбывали эти билеты за деньги съ барышемъ. Конечно занимающійся опредѣленной профессіей ритора не могъ получить до отставки такого билета.

176) Хризогонъ и Поліонъ музыканты, такъ дорого получаютъ за уроки, что ты изорвешь знаменитый учебникъ реторики Теодора.

178) Кромѣ великолѣпной бани, богачъ строитъ портикъ, крытый манежъ для катанья во время дождей.

Ведра ждать и марать недавнею грязью запряжку?
Лучше ужъ тутъ, тутъ блещетъ у чистаго мула копыто[181]).
Дальше еще возстаетъ, опершись на колоннахъ Нумидскихъ,[182])
Зала столовая и похищаетъ подъ солнцемъ прохладу.
Домъ во чтобы ни сталъ, но нуженъ и тотъ, кто искусно
Блюда умѣетъ разставить и тотъ, кто пускаетъ подливки.
Рядомъ съ роскошью этой довольно двухъ тысячъ сестерцiй
Квинтильяну вполнѣ. Ни одна дешевле не стоитъ
Вещь для отца чѣмъ сынъ. Откуда же у Квинтильяна[188])
Столько лѣсовъ? Не касайся ты примѣровъ счастливцевъ
Новыхъ; счастливецъ красивъ собою, притомъ остроуменъ,
Онъ счастливецъ и мудръ, благороденъ и знатнаго рода,
Онъ и къ черным ремнямъ себѣ луну прикрѣпляетъ[192]),
Онъ счастливецъ великiй ораторъ и тоже стрѣлокъ онъ,
И, хоть простуженъ, прекрасно поетъ. Тутъ важно, какое
Встрѣтитъ созвѣздье тебя, какъ только первые стоны
Станешь ты издавать еще отъ матери красный.

---

181) Вѣроятно уцѣлѣвшiй варьянтъ самого поэта.

182) Нумидскихъ изъ Африканскаго мрамора.

188) Менѣе всего тратится на школьное образованiе сына. О богатствѣ Квинтильяна говорить не слѣдуетъ какъ о рѣдкомъ и счастливомъ исключенiи.

192) Дѣлается Сенаторомъ. Сенаторы носили особую обувь, прикрѣплявшуюся четырьмя ремнями, а сверху накладывался небольшой полумѣсяцъ.

Если фортуна захочетъ, изъ ритора консуломъ станешь;
Если она же захочетъ, изъ консула будешь ты риторъ.
Что-же такое Вентидій? Что Туллій? Развѣ иное [199])
Что, какъ дивная мощь сокрытой судьбы и созвѣздій?
Царства судьбою рабамъ и плѣннымъ даются тріумфы.
Но счастливецъ такой и бѣлаго ворона рѣже.
Многимъ пришлось потужить о пустой и безплодной каѳедрѣ [203])
Въ чемъ убѣждаетъ конецъ Тразимаха, или Секунда
Каррината: его вѣдь тоже въ нуждѣ, вы Аѳины
Видя, не смѣли ничѣмъ одарить кромѣ хладной цикуты.
Боги, да будетъ земля легковѣсна надъ тѣнями предковъ,
Пусть неизмѣнно весна надъ урной ихъ дышетъ шафраномъ,
Что наставнику дать святое родителя мѣсто
Было желаніемъ ихъ! Страшася лозы, уже взрослый

---

199) П. Вентидій Бассъ Пиценецъ, въ числѣ военноплѣнныхъ, приведенный въ Римъ во время тріумфа К. Помпея въ 82 г. до Р. Хр.; за тѣмъ погонщикъ муловъ, оказавшій услуги Цезарю во время гражданской войны и при помощи послѣдняго достигшій преторства въ 44 г. до Р. Хр, консульства въ слѣдующемъ году, а въ 38 г. до Р. тріумфа надъ Парѳянами. Туллій, очевидно Сервій Туллій, сынъ рабыни см. Сат. VIII. 259.

203) Въ противоположность счастливцамъ вообще и людямъ науки въ частности, напр. Квинтильяну, приводятся примѣры гибели на этомъ поприщѣ, такъ, что имъ пришлось даже тужить и объ утратѣ бѣднаго учительскаго мѣста. Тразимахъ, молодой современникъ Сократа, приводимый въ Республикѣ Платона, какъ оппонентъ Сократа — и утверждающій, что эгоизмъ есть принципъ правосудія, по увѣренію схоліаста, объясняющаго настоящее мѣсто въ Ювеналѣ, кончилъ самоубійствомъ черезъ повѣшеніе.

205) Карринатъ учитель реторики, развивая, быть можетъ и не безъ извѣстнаго сочувствія школьниковъ, одну изъ реторическихъ темъ: ораторство противъ тирановъ см. тутъ же ст. 151 навлекъ гнѣвъ Калигулы и со-

Пѣлъ Ахиллесъ по родимымъ горамъ, а въ комъ бы однако
Хвостъ Китареда—наставника смѣху тогда же не вызвалъ.
Руфа равно какъ другихъ своя молодежь вѣдь колотитъ[213]).
Руфа, хоть часто его Аллоброгскимъ звала Цицерономъ.
Кто Целаду сполна и ученому дастъ Палемону
Что грамматика трудъ заслужилъ? И изъ этого все же
Сколько бъ ни вышло—а менѣе онъ получаетъ чѣмъ риторъ—
Дядька ученика безчеловѣчный откуситъ;
И отломитъ, кто раздаетъ. „Палемонъ, уступи же[219])
И позволь убавить толику,“ ну точно разнощикъ
Зимнихъ какихъ одѣялъ или бѣлоснѣжной холстины.
Лишь бы совсѣмъ не пропало, что ты съ половиннаго часу
Ночи сидѣлъ, съ котораго ни кузнецъ не засядетъ[223])
Ниже, кто шерсть волочитъ черезъ зубья желѣзные учитъ.

сланъ былъ въ Аѳины. Мы вполнѣ сочувствуемъ объясненію Тейффелемъ этого мѣста, такъ какъ оно освѣщаетъ каждое слово во всей его силѣ. „Вы, Аѳины видѣли въ свою очередь и Каррината въ нищетѣ, тѣмъ не менѣе, зная что онъ въ опалѣ, не дерзнули оказать ему помощи. Въ вашихъ нравахъ награждать духовныя заслуги только смертоносной цикутой, какъ это было съ Сократомъ“.

210) Уже Гомеръ свидѣтельствуетъ о воспитаніи Ахиллеса все знающимъ Центавромъ Хирономъ, но ничего еще не говоритъ о полуконскомъ образѣ послѣдняго. Ювеналъ конечно пользуется позднѣйшей сагой, чтобы еще болѣе выставить покорность такого мощнаго воспитанника, смиренно переносящаго удары наставника съ конскимъ хвостомъ.

213) Въ настоящее время (при Ювеналѣ) происходитъ противное. Молодежь сама бьетъ учителей, какъ напримѣръ Руфа, уроженца страны Аллоброговъ, въ Нарбоннской Галліи, хотя и считаетъ его равнымъ Цицерону. Понимать здѣсь слово Аллоброгскій какъ насмѣшку, значитъ ослаблять мысль Ювенала.

Хоть бы совсѣмъ не пропало, что столькихъ ты лампъ надышался
Сколько стояло ребятъ, когда уже весь былъ захватанъ
Флаккъ и черная сажа слоями была на Маронѣ [227]).
Рѣдко однако расчетъ безъ разбора Трибуна бываетъ [228]).
Вы-же при этомъ суровые постановляйте законы,
Чтобы наставнику были всѣ правила рѣчи извѣстны,
Чтобъ онъ исторію зналъ, чтобъ всѣхъ писателей зналъ онъ
Какъ свои ногти и пальцы, чтобы спрошенъ случайно,
Ежели въ термы пойдетъ иль въ баню Феба, назвалъ онъ [233])
Мамку Анхиза и мачихи Анхемола онъ имя [234]),
Зналъ и отчизну, сказалъ, сколько лѣтъ прожилося Ацесту,

---

215) Целадъ (вѣроятно учитель—Грекъ) неизвѣстенъ; тѣмъ подробнѣе говоритъ Светоній объ извѣстномъ во время Тиверія и Клавдія риторѣ теоретикѣ К. Ремміѣ Палемонѣ, котораго при этомъ не хвалитъ за роскошную жизнь. — На этомъ основаніи, уже изъ за того, что Палемонъ не могъ быть современникомъ Ювенала, мы полагаемъ, что Ювеналъ, упирая лишь на ученость ритора, хочетъ сказать: какой нибудь современный Палемонъ. Смотр. Сат. VI. 452.

219) Раздаетъ секретарь или дворецкій богатаго дома, сводя счеты съ учителемъ, онъ проситъ уступки въ свою пользу.

223) Мальчиковъ, которымъ днемъ предстояла гимнастика, рано подымали для учебныхъ занятій, когда еще ни кузнецъ, ни волночесъ (по нашему волнотепъ) не подымались.

225) Каждый ученикъ приходилъ со своей лампой.

227) Главными школьными книгами были Горацій и Виргилій, конечно затрепанные школьниками.

228) Неправильныя претензіи челяди доходятъ до того, что въ рѣдкихъ случаяхъ расчетъ кончается безъ полицейскаго вмѣшательства трибуна.

233) Фебъ содержатель бани былъ отпущенецъ Веспасіана (Тацитъ XVI. 5.)

234) По началу VII к. Энеиды всякій школьникъ знаетъ имя Кайеты, мамки Энея. Но отъ грамматика требуютъ знанія имени мамки и Энеева отца. Въ Энеидѣ X. 388. говорится о сынѣ Рэта Анхемолѣ, влюбленномъ во вторую жену отца, а свою мачиху. Ученый грамматикъ обязанъ обстоятельно знать, кто и откуда была родомъ эта мачиха.

Сколько онъ мѣрокъ вина Сикулійскаго выдалъ Фригійцамъ.
Требуйте, чтобъ выводилъ онъ пальцами нѣжные нравы,
Какъ кто лѣпитъ изъ воска лице, вы требуйте, чтобъ онъ
Былъ отцемъ своей школы, чтобъ гнустно они не играли,
Не вдавались въ порокъ. Не легко наблюдать за руками
И за глазами столькихъ ребятъ, хоть дрогнулъ къ концу онъ.
„Ты объ этомъ пекись"—онъ кричитъ, а какъ годъ то минуетъ [242]),
Такъ получай, что народъ побѣдителю золотомъ сулитъ [243]).

САТИРА VIII.

1. Что родословныя могутъ? Что пользы, Понтикъ, считаться

---

[235]) Онъ долженъ знать лѣта Ацеста, котораго Виргилій глухо называетъ aevi maturus (старый годами). Равнымъ образомъ сколько онъ, въ качествѣ ранняго основателя троянскаго поселенія въ Сициліи и старожила, выдалъ кружекъ вина фригійскимъ спутникамъ Энея?

[242]) „Объ этомъ пекись!" кричитъ требующій безграничныхъ свѣденій отъ учителей.

[243]) А въ концѣ года вознагражденіе учителя, не превзойдетъ того, что получаетъ за одинъ разъ наѣздникъ, побѣдившій въ циркѣ. Въ этомъ случаѣ народъ требовалъ отъ содержателя, чтобы онъ наградилъ наѣздника золотой монетой.

Сатира VIII.

Настоящая сатира, сохраняя всю характеристическую мѣткость стиха Ювенала, вводитъ форму письма, къ которой прибѣгалъ и Горацій, (посланія). Темою ей служитъ поведеніе новѣйшей знати, продолжающей кичиться древнимъ родомъ и между тѣмъ наносящей позоръ тому же древнему роду недостойными поступками. Нѣжить и холить свое тѣло или до зари играть въ кости передъ ликомъ Фабія не значитъ быть тѣмъ Фабіемъ, который въ этотъ часъ сидя на конѣ уже подымалъ лагерь къ бою, а значитъ только позорить имя Фабіевъ. Кромѣ позора наносимаго предкамъ положительными пороками, Ювеналъ указываетъ на неприличные Римскому Патрицію поступки, къ

Древней крови, казать покрытые красками лики [2])
Предковъ и въ колесницахъ стоящими Эмиліановъ
Или Куріевъ, на половину лишь цѣлыхъ, Корвина
Уже безъ плечъ или Гальбу совсѣмъ безъ ушей
и безъ носу,
*Что за прибыль казать въ родословномъ спискѣ
огромномъ* [6])
*На Корвина, затѣмъ указывать часто лозою
Вмѣстѣ съ диктаторомъ на закопченныхъ началь-
никовъ конныхъ,*
Если ты дурно живешь предъ Лепидомъ? Къ чему
же тутъ лики [9])
Столькихъ воителей, ежели ночь на пролетъ ты
играешь

которымъ онъ причисляетъ: появляться въ ролѣ кучера, комедіанта или гладіатора.

1) Понтикъ, къ которому обращается настоящая сатира, молодой много обѣщающій Патрицій, но всего вѣроятнѣе намъ не извѣстное лице, такъ какъ трудно доказать, что онъ тотъ самый, который упоминается у Марціала II. 82.

2) Лучшимъ украшеніемъ атріума въ знатномъ домѣ были между прочими статуями предковъ и восковыя раскрашенныя ихъ маски или лики. Бюсты съ подобными портретами ставились въ небольшихъ, храмовидныхъ шкапахъ (armaria), внизу которыхъ находились надписи (tituli) имени, степени и подвиговъ предка. Эти ящики соединялись живописными чертами, такъ что вмѣстѣ представляли какъ бы плоды общаго родословнаго дерева (stemmata), какъ описываетъ Плиній нат. ист. XXXV. 2. 6 и Сенека benef. III. 28. 2. Если же между предками находился тріумфаторъ, то онъ изображался на колесницѣ.

5) Читатель уже привыкъ къ реторической амплификаціи, доходящей у Ювенала до излишества. Но напрасно представлять будто въ одномъ атріумѣ собрались всѣ Эмиліаны, Куріи, Корвины и Гальбы, по причинѣ родства ихъ съ послѣднимъ представителемъ ихъ родовъ. Ювеналъ каждый разъ хочетъ сказать: или т. е. у другаго Корвинъ или Гальба. Знаменитѣйшій изъ Эмиліановъ Сципіонъ Африканскій сынъ Павла Эмилія. Курій (Дентатъ) (Валерій) Корвинъ (при содѣйствіи ворона поразившій Галла), Сультицій Гальба. Всѣ эти бюсты или статуи потерпѣли по давности лѣтъ поврежденія.

6) Воздерживаемся отъ подробнаго разбора затрудненій критики надъ 6—8 стихами, въ которыхъ послѣ тріумфальныхъ колесницъ является родословное дерево и даже необъяснимое указываніе лозою на предковъ, словно въ звѣринцѣ. Явно только, что эти стихи или уцѣлѣвшій варьянтъ предшествующихъ, или позднѣйшая вставка.

9) Предъ Лепидомъ, передъ знатнымъ предкомъ.

Предъ Нумантійцами въ кости? Коль спать ты ложишься при блескѣ [11])
Утра, когда вожди подымали знамёна и лагерь.
Какъ Аллоброгикомъ и алтаремъ великимъ кичиться [13])
Фабію, отъ Геркулеса рожденному, если онъ алченъ [14]),
Если тщеславенъ и пуще овцы Евганейской онъ мягокъ?
Ежели, нѣжныя ляшки прочиствивъ Катинскою пемзой [16]),
Предкамъ внушаетъ онъ грусть, и ядъ покупая, несчастный [17])
Родъ разрушеніемъ въ будущемъ статуи онъ оскверняетъ? [18])
Хоть бы весь атрій кругомъ украшали старинные лики,
Благородство одно и единственная только доблесть.
Павломъ иль Коссомъ иль Друзомъ ты нравами будь ко сначала,
Ихъ то выставь ты передъ статуями своихъ предковъ [22]);
Пусть предъ тобой они консуломъ связкамъ предшествуютъ розогъ.

---

11) Покоритель Нуманціи Сципіонъ Эмильанъ.

13) К. Фабій Максимъ Аллоброгикъ, побѣдившій Аллоброговъ въ годъ своего консульства въ 633 о Р.—121 до Р. Х.

14) Фабіи вели свой родъ отъ Геркулеса, отъ котораго дочь Эвандра родила перваго Фабія. Великій алтарь (magna ara) сооруженъ Эвандромъ Геркулесу на воловьемъ рынкѣ (forum boarium).

15) Евганейцы, въ ретійскихъ Альпахъ славились скотоводствомъ и тонкорунными овцами.

16) Катинская (Катанская) гор. Катана у подножія Этны славился пемзой, которою щеголи счищали съ тѣла волосы.

17) Ядъ надо здѣсь понимать въ смыслѣ румянъ и притираній.

18) Не дозволялось ставить ликовъ опозоренныхъ людей среди изваяній предковъ. Примѣръ разрушенія статуи см. Сат. X. ст. 58. Онъ такъ ведетъ себя, что современемъ его статуя будетъ съ позоромъ разрушена.

22) Ихъ то т. е. добрые нравы выставь.

Требую прежде всего сокровищъ душевныхъ. Коль хочешь
Чистымъ считаться и стойкимъ за правду и дѣломъ и словомъ,
То признаю тебя я знатнымъ и: здравствуй Гетуликъ [26])
Или Силанъ. Изъ другой ли крови исшедшій ты рѣдкій
Изъ ряду вонъ гражданинъ, достойный привѣтовъ отчизны,
Слѣдуетъ намъ восклицать, что народъ, найдя Озириса,
Восклицаетъ. И кто же того сочтетъ благороднымъ,
Кто, недостойный, однимъ только родомъ, да именемъ славнымъ
Знатенъ? Чьего либо карлика Атласомъ тоже зовемъ мы [32]),
Эѳіопа то Лебедемъ, дѣвушку малаго роста
И урода Европой; собакъ безсильныхъ, облѣзлыхъ
Отъ застарѣлой парши и лижущихъ лампы сухія
Кличутъ именемъ Парда иль Тигра да Льва иль инаго,
Что пострашнѣе реветъ на землѣ; поэтому бойся
И берегись, чтобы не былъ такой Камеринъ ты иль Кретикъ [38]).
Это кому же намёкъ? Къ тебѣ мои рѣчи Рубеллій

---

26) Гетуликъ—Корнелій Лентулъ Коссъ Гетуликъ. Силанъ изъ рода Юніевъ, т. е. здравствуй истинный патрицій.

30) Волъ Аписъ былъ видимымъ выраженіемъ души Озириса, поэтому римлянинъ смѣшиваетъ поиски за новымъ Аписомъ съ Озирисомъ. Найдя необходимые, трудно сочетаемые, признаки божества, народъ восклицалъ: Нашли! Торжествуемъ!

32) Карлики, со времени Антоніева знаменитаго карлика, повидимому вошли у богачей въ моду. Такого карлика на смѣхъ зовутъ Титаномъ Атласомъ.

35) Съ голоду облизываетъ лампу сухую, пахнущую масломъ.

38) Чтобы ты въ подобномъ смѣшномъ смыслѣ не былъ знатнымъ. Камераны (смотр. Сат. VII. 90). Кретикъ (смотр. Сат. II. 67. 78).

Бландъ. Родословной высокою Друзовъ напыщенъ ты будто,
Что либо самъ совершилъ, за чтобы ты сталъ благороднымъ,
Чтобъ зачала тебя та, что Юліевъ кровью сіяетъ,
А не та, что ткетъ съ найма подъ навѣтреннымъ валомъ [43]).
„Низкіе вы,“—ты кричишь, „послѣдняя часть вы народа,
Ни одинъ среди васъ отца не укажетъ отчизны,
А вотъ я Кекропидъ.“—Живи и радуйся долго [46])
Происхожденью такому! Но въ низкой черни Квирита
Ты съ краснорѣчьемъ найдешь; всегда защищаетъ онъ тяжбы
Знатныхъ неуковъ; изъ той черни, что въ тогахъ, выходитъ
Тотъ, кто права узлы и законовъ туманъ разрѣшаетъ.
Юноша этотъ къ Эвфрату спѣшитъ, къ покореннымъ Батавамъ,
Къ ихъ стерегущимъ орламъ, онъ ревностный воинъ; а ты то
Только одно: Кекропидъ, обломку Герма подобный,
Ты ни какимъ другимъ не берешь различіемъ, какъ что
Мраморная у того голова, а твоя то живая.

---

40) Чтобы не думали, что общія сужденія мои не имѣютъ приложенія въ дѣйствительности привожу тебя въ примѣръ Рубеллій Бландъ. У супруги Августа Ливіи были отъ перваго мужа Тиверія Клавдія Нерона два сына Тиверій и Друзъ. Дочь Друза Ливія или Ливилла была за двоюроднымъ братомъ, сыномъ Тиверія Друзомъ, а дочь ея Юлія вышла замужъ за Рубеллія Бланда. Сынъ ея Рубеллій Плавтъ, безупречный стоикъ, убитъ при Неронѣ въ Азіи, по навѣтамъ Тигеллина. Упоминаемый здѣсь современникъ Ювенала, внукъ перваго Рубеллія пользовался очевидно дурной славой, на что указываетъ тутъ же стих. 71.

43) У городскаго вала Сервія Туллія (смотр. Сат. V 588) жили чернорабочіе бѣдняки. Валъ, какъ высокое мѣсто стоялъ на вѣтру.

46) Кекропсовой породы—черезъ Троянскихъ выходцевъ.

Тевкровъ потомокъ, скажи мнѣ, кто же скотовъ безсловѣсныхъ
За благородныхъ считаетъ, коль нѣтъ въ нихъ силы? Вѣдь мы же
Быстраго хвалимъ коня, которому много горячихъ
Плещутъ ладоней и циркъ охрипшій вѣщаетъ побѣду.
Онъ благороденъ, съ какой бы травы ни пришелъ, коли славенъ
Бѣгъ его изо всѣхъ и пыль его первая въ полѣ.
Но Кориѳея потомокъ или Гирпина продажный [62]
Скотъ, коль къ нему на ярмо побѣда садилася рѣдко.
Тутъ уваженья нѣтъ къ предкамъ, тутъ никого не задобрятъ
Тѣни, перемѣнитъ господъ за ничтожную цѣну
Тотчасъ велятъ, да тащитъ потертою шеей постромки
Тихоногому, годному только на мельницу внуку. [67]
Чтобы тебѣ мы дивились, а не твоему, своего то
Дай, чтобъ врѣзалъ его я на памятникъ кромѣ титула,
Что даемъ и давали мы тѣмъ, коимъ всѣмъ ты обязанъ.
Но довольно о юношѣ, коего слава намъ гордымъ
Представляетъ, напыщеннымъ мыслью въ родствѣ быть съ Нерономъ.
Ибо чувство то равенства рѣдко въ счастьи подобномъ
Пребываетъ; но я-бъ не желалъ, чтобы славою предковъ

---

62) Кориѳей и Гирпинъ, славные призовые кони. По свидѣтельству Липсія была надпись на камнѣ гласившая: Гирпинъ сынъ Аквилона одержалъ 114 побѣдъ, взялъ 56 вторыхъ и 36 третьихъ наградъ. О Кориѳеѣ подробностей нѣтъ.

67) Онъ такъ долго будетъ топтаться на мельницѣ, что уже внукъ станетъ хозяиномъ.

70) Твоимъ предкамъ.

Такъ измѣрялся ты, Понтикъ, что самъ бы для будущей славы
Ничего не творилъ. Презрѣнно на славу чужую
Опираться; лишившись колоннъ не рухнула бъ крыша.
Ищетъ, стелясь по землѣ, лоза безбрачнаго вяза.
Будь ты хорошъ какъ солдатъ, опекунъ, хорошъ какъ посредникъ
Въ распрѣ; если свидѣтелемъ ты въ сомнительномъ дѣлѣ
Вызванъ, хотя бъ Фаларисъ тебѣ приказывалъ лживымъ[81]
Быть и, пугая быкомъ, подсказывалъ ложную клятву,
Высшимъ проступкомъ сочти искупленіе жизни безчестьемъ
И изъ за жизни одной утрату всей жизненной цѣли[84].
Смерти достойный онъ гибнетъ, хотя бы устрицъ Гавранскихъ
Сотни глоталъ и въ котелъ онъ Косма совсѣмъ погрузился[86].
Если желанная долго тебя провинція встрѣтитъ
Какъ правителя, то укрощай и сдерживай гнѣвъ свой,
Сдерживай также и алчность, щади ты союзниковъ бѣдныхъ,
Кости увидишь пустыя, изъ коихъ повысосанъ мозгъ весь.
Помни всегда, что законы гласятъ, что Курія хочетъ,

---

81) Фаларисъ Тираннъ Агригента, сажавшій людей въ мѣднаго раскаленнаго быка.

84) Какая высота и ясность этическаго ученія!!

85) Mons Gaurus. Гора Гавръ близь Лукринскаго озера, Лукринскія устрицы.

86) Космъ былъ по свѣдѣтельству Марціала III 82. 26 продавецъ благовоній.—„Хотя бы погрузился въ благовонія“.

90) Такъ опустошили провинцію твои предшественники.

Добрымъ какая награда, какъ громъ въ приговорѣ Сената
Справедливо сразилъ Капитона и Нумитора [93])
Киликіи пиратовъ. Но что приговоры помогутъ?
Ты бирюча, Хэриппъ, поищи на свои то лоскутья,
Ежели Панза рветъ у тебя, что Натта оставилъ [96]),
И ужъ молчи; ко всему на проѣздъ разорятся безумство.
Не было древле ни плача такого, ни равныхъ убытковъ
У цвѣтущихъ союзниковъ и покоренныхъ недавно.
Домъ былъ у каждаго полонъ и денегъ огромная куча,
Были хламиды Спартанскія, были и Косскія ткани [101]),
И при картинахъ Парразія да изваяньяхъ Мирона [102])
Кость оживленная Фидіемъ и Поликлита повсюду [103])
Много работъ и въ рѣдкость былъ столъ не Менторомъ рѣзанъ.
Вотъ Долабеллы откуда, откуда Антоній, откуда

---

93) Киликія въ Малой Азіи на границѣ Сиріи была притономъ пиратовъ. Но Римскіе намѣстники оказывались не хуже ихъ пиратами. Такъ Коссутіанъ Капитонъ намѣстникъ Киликіи осужденъ Сенатомъ при Неронѣ за взяточничество (Тац. XIII. 33). О Нумиторѣ подробностей нѣтъ.

95) Бирюча поищи, чтобы продать на аукціонѣ твои остальные отъ расхищенія лоскутья—и молчи. —Рѣчь обращена къ главѣ жалобной депутаціи—Хериппу, который къ разоренію прибавитъ только дорожные расходы.

96) Нѣтъ необходимости видѣть въ этихъ именахъ опредѣленныхъ лицъ. Имя Натты было у Римлянъ типомъ жаднаго скупца. Горац. Сат. I. 6, 124. Персій III. 31.

101) У береговъ Спарты находили превосходный пурпуръ (Плин. н. ист. IX. 60, 127, Косскія пурпурныя ткани славились,

102) Парразій Ефесскій живописецъ современникъ Зевксиса. Миронъ литейщикъ изъ Элевтеріи въ Беотіи современникъ Фидія.

103) Поликлитъ (см. ст. III. 217) Менторъ былъ знаменитый литейщикъ изъ серебра, коего работой украшали столы.

105) Долабелла былъ преторомъ въ Киликіи и такъ сказать наставникомъ Верреса въ грабительствѣ. Смотр. Сат. II. 26. Антоній товарищъ въ консульствѣ Цицерона, отецъ тріумвира.

Святотатецъ Верресъ въ корабляхъ увозили высокихъ
Потаенно добычу и столько тріумфовъ средь мира.
Нынѣ послѣднихъ воловъ и кобылъ табунокъ невеликій
Съ жеребцомъ отберутъ у союзниковъ, взявши ихъ поле,
Даже и Ларовъ самихъ, если статуя стоитъ вниманья,
Ежели въ нишѣ особенный богъ; такихъ вѣдь считаютъ [111])
Высшими, ибо они драгоцѣнны. Ты презришь быть можетъ
И Родосъ не воинственный и Коринѳъ умащенный.—
Презришь ты подѣломъ; что ихъ со смолою то юность
Можетъ сдѣлать тебѣ и весь родъ ихъ, чистящій ляшки?
Бойся суровой Испаніи или же Галльскаго неба,
Да Иллирійскаго берега; тѣхъ и жнецовъ пощади ты,
Что насыщаютъ нашъ городъ, отдавшійся цирку да сценѣ.
Да и какую бъ корысть нашелъ ты въ проступкѣ жестокомъ
Тамъ, гдѣ Марій недавно раздѣлъ изнѣженныхъ Афровъ?
Ты озаботься сперва, чтобъ не было важной обиды

---

111) Сомнительные стихи. Ежели изваяніе домашняго бога особенно характерно или древне и потому драгоцѣнно какъ рѣдкость.

115) Изнѣженная молодежь Родоса или Коринѳа resinata, покрытая смолой, т. е. употребляющая извѣстную смолу для выдергиванія волосъ на тѣлѣ, подобно тому какъ римская употребляла съ этою же цѣлью пемзу.— Бойся грабить воинственныхъ Испанцевъ или Галловъ, могущихъ дать отпоръ, или жнецовъ Сициліи Африки снабжающихъ хлѣбомъ Римъ.

120) Да и что съ ограбленныхъ взять—Марій см. Сат. I. 50.

Сильнымъ и бѣднымъ. Хотя и все отберешь, что найдется
Золотомъ иль сребромъ; но мечъ ты и щитъ имъ оставишь [123]),
И копье и шеломъ: у ограбленныхъ будутъ доспѣхи.
Что сейчасъ я сказалъ не пустыя слова; это правда.
Вы сочтите, что вамъ по листу я Сивиллы читаю.
Коли ты съ чистой толпой служащихъ, коль приговоровъ
Не продаетъ долговласый, коль нѣтъ и грѣховъ за супругой, [128])
Коли по съѣздамъ она и всѣмъ городамъ не стремится
Деньги кривыми ногтями хватать подобно Целэнѣ,
Ты хоть отъ Пика считай свой родъ, коль радъ ты высокимъ [131])
Такъ именамъ, помѣсти хоть всю войну ты Титановъ
Между предками, даже прибавъ самого Промеѳея:
Изъ любой себѣ книги ты можешь прапрадѣда выбрать.
Но коль уноситъ стремглавъ тебя честолюбье и страстность,
Если ты розги ломаешь въ крови союзниковъ, если
Ты въ восторгѣ, что тупы сѣкиры и ликторъ измученъ,

123) Оружіе оставишь, подразумѣвается по неволѣ.

128) Acersecomes долговласый, эпитетъ Аполлона, въ смыслѣ юноши еще не остриженнаго.

130) Во времена республики жены часто сопровождали провинціальныхъ правителей, но съ Августа это затруднялось. Здѣсь она грабитъ деньги кривыми ногтями подобно старшей изъ Гарпій Цэленѣ. (См. Вир. Энеид. III. 210).

131) Пикъ, сынъ Сатурна, отецъ Фавна, считался первымъ царемъ Лаціума.

То родителей противъ тебя возстаетъ благородство.
Чтобы сіяющій факелъ поднять надъ тѣмъ что позорно.
Всякій душевный порокъ изъянъ свой кажетъ тѣмъ ярче,
Чѣмъ считаемъ того мы выше, кто такъ согрѣшаетъ.
Что мнѣ дѣлать съ тобой привычнымъ подписывать ложно
Завѣщанья во храмахъ, построенныхъ дѣдомъ,— предъ ликомъ
Тріумфатора предка? что дѣлать, если ты ночью,
Любодѣй, свою голову прячешь въ башлыкъ Сантонійскій?
Мимо костей и праха собственныхъ предковъ на легкой
Одноколкѣ толстякъ Латеранъ несется и самъ-же,[147])
Самъ колесо запираетъ тяжелымъ тормазомъ—консулъ.
Хоть это ночь, но видитъ луна, но звѣзды прилежно
Какъ свидѣтели смотрятъ. Когда же время почета
Кончится, то среди бѣлаго дня Латеранъ уже схватитъ
Бичъ и не станетъ боятся встрѣчи съ другомъ, годами
Старшимъ, но прежде бичемъ кивнетъ онъ ему, да развяжетъ
Торбу и ячменя насыплетъ усталымъ животнымъ.
Временемъ тѣмъ, когда по обряду Нумы онъ колетъ

---

145) Сантоны, Кельтійское племя въ Галліи, сантонійскій вмѣсто грубый башлыкъ. Латеранъ (прозвище Клавдіевъ, Секстіевъ) здѣсь представитель постыдной для знатнаго страсти править самому конями.

150) Пока онъ консуломъ, Латеранъ катается по ночамъ, по сложивъ почетное званіе уже явно исполняетъ кучерскую должность.

155) А пока онъ обязанъ публично приносить жертвы Зевсу, онъ про себя

Предъ алтаремъ Зевеса овецъ съ тельцемъ красноватымъ,
То лишь Епону зоветъ да тѣхъ, что малюютъ у яселъ.
Но какъ захочетъ опять побывать въ полночныхъ харчевняхъ,
То на встрѣчу ему, амомомъ разя, Сирофениксъ
Прямо бѣжитъ, Сирофениксъ жилецъ у воротъ Идумеи.
Какъ хозяинъ радушно встрѣчая царя и владыку,
Да подсучившись Ціана съ продажной своею бутылкой.
Пусть мнѣ скажетъ защитникъ вины: „какъ молоды были
Дѣлали тоже и мы.“ Допустимъ. Но ты же оставилъ,
А не питалъ заблужденья. Будь кратко, въ чемъ смѣлъ ты зазорно.
Слѣдуетъ съ первымъ бритьемъ срѣзать пороки иные.
Къ мальчикамъ будь снисходителенъ. А Латеранъ только въ термы
На попойки идетъ, полотенецъ узорныхъ набравши.
Зрѣлый давно для войны, на защиту Армянскихъ, Сирійскихъ
Рѣкъ или Рейна да Истра; охраною вѣрной Нерона
Стать этотъ возрастъ пригоденъ. Его шли въ Остію, Цезарь,
Шли, но ищи своего легата въ большой ты харчевнѣ;

молится Епонѣ—богинѣ покровительницѣ лошадей и муловъ, и ея изображеніямъ по конюшнямъ.

160) Сирофениксъ. — Сиріецъ изъ Финикіи, торговецъ благовоніями. Идумея древній Эдомъ, на Югъ отъ Палестины, тогда какъ тутъ обозначается мѣстность близь Финикіи? Стихъ этотъ отзывается позднѣйшимъ объясненіемъ предыдущаго. Сирофениксъ очевидно содержатель харчевни, а Ціана служанка.

Съ головорѣзомъ какимъ ты его найдешь тамъ лежащимъ
Посреди матросовъ, воровъ и рабовъ убѣжавшихъ,
Посреди палачей, столяровъ носилокъ для нищихъ,
Рядомъ съ Галломъ, разлегшимся навзничъ у смолкшаго бубна [176]).
Тутъ свобода всѣмъ равная, общіе кубки и ложа
Нѣтъ никому отдѣльнаго, столъ какъ одинъ такъ другой тутъ.
Чтобы сдѣлалъ ты, Понтикъ, такого раба получивши?
Вѣдь бы въ рабочій сослалъ его домъ ты Луканскій иль Тусскій.
Вы же, потомки Троянъ, себѣ прощаете, — видно
Что рабочему гнусно, Волезамъ и Бруту прилично [182]).
Что жъ, если ты никогда столь грязныхъ, столько постыдныхъ
Не приведешь и примѣровъ, чтобъ худшихъ еще не осталось?
Ты, Дамазиппъ, спустивши добро, свой голосъ запродалъ
Сценѣ, чтобъ въ громогласномъ играть П р и в и д ѣ н ь и Катулла [186]).
Правда Лентулъ проворный отлично игралъ Лавреола [187])
И по мнѣ онъ креста настоящаго стоитъ. Но все же
Не прощай ты народу; вѣдь лобъ у народа безстыднѣй,

---

176) Г а л л ъ, смотр. Сат. II. 83.

182) В о л е з ъ родоначальникъ рода В а л е р і е в ъ.

185) Д а м а з и п п ъ типъ гуляки, заимствованный у Горація Сат. к. II. 3; но тамъ онъ превращается въ нравоучителя, а здѣсь во времена Нерона въ актера.

186) Катуллъ смотр. Сат. XIII. 111.

187) Поэтъ саркастически извиняетъ Дамазиппа тѣмъ, что это бываетъ и съ другими, напр. со знатнымъ Лентуломъ, который отлично исполняетъ роль увертливаго раба Лавреола, который въ качествѣ предводителя разбойничьей шайки долго избѣгалъ казни.

Если сидитъ онъ и смотритъ на патриціевъ въ фарсахъ,
Коль плосконогихъ онъ слушаетъ Фабіевъ, можетъ смѣяться [191])
Плюхамъ Мамеркамъ. За сколько себя тѣ навѣки хоронятъ [192])
Что за дѣло? Не гонитъ Неронъ никакой ихъ продаться.
Сами продаться идутъ къ надменному претору въ игры [194]).
Но допусти, что оттуда мечи, а здѣсь вотъ подмостки;
Что же лучше? Ужели такъ смерти кто устрашится,
Чтобы ревнивцемъ Тимелы иль въ парѣ быть съ глупымъ Коринѳомъ? [197])
Дѣло не дивное впрочемъ при Китаредѣ владыкѣ
Мимъ благородный. Чему же тамъ быть кромѣ игрищъ? И тутъ то
Видишь столицы позоръ: не въ оружіи Гракхъ Мирмиллона,
Не со щитомъ онъ сражается иль съ занесенною саблей,
Брезгаетъ онъ такимъ одѣяньемъ,—его ненавидитъ,
И не скрываетъ шеломомъ лица: вотъ поднялъ трезубецъ
Послѣ того, какъ правой рукой замахнувшись, онъ сѣтку

---

190) Если самъ не стыдится добровольнаго униженія патриціевъ.

191) Плосконогихъ, въ противоположность съ трагиками на высокихъ котурнахъ.

192) Мамерки изъ рода Эмиліевъ. Второстепенные актеры были наперстниками или подчиненными первоклассньмъ, которые въ комедіяхъ заушали ихъ на радость публикѣ.

194) По конструкціи и мѣсту спорный стихъ.

197) Zelotypus, здѣсь сценическій ревнивый мужъ. Тимела смотр. Сат. I. 35. Коринѳъ былъ второстепенный мимъ, игравшій олуховъ, смотр. 192.

200) Описаніе высшаго позора: Гракхъ является гладіаторомъ на аренѣ и даже не въ оружіи Мирмиллона, одѣтаго въ полномъ Галльскомъ вооруженіи, въ которомъ онъ могъ бы остаться неузнаннымъ, а въ одеждѣ ретіарія, метателя сѣтки, свисающей съ руки и съ трезубцемъ.

Свищую кинулъ напрасно, ко зрителямъ онъ обернулся
И съ обнаженнымъ лицомъ узнаваемъ бѣжитъ вдоль арены.
Вѣрить ли намъ тұникѣ, которая въ золотѣ съ шеи [207])
Книзу виситъ и длиннымъ извивамъ тесьмы колпака то?
Такъ то позоръ выносить довелося борцу нестерпимѣй
Всякой раны, когда его съ Гракхомъ принудили биться.
Если народу дать голосъ свободный, кто будетъ потерянъ
До того, чтобъ не знать предпочесть ли Сенеку Нерону, [212])
Для наказанья котораго даже одной обезьяны
Или одной змѣи иль мѣшка одного было-бъ мало? [214])
Преступленіе сына Агамемнона такое жъ,
Но причина рождаетъ несходство: по волѣ боговъ онъ
Мстилъ за отца на пиру убитаго, не запятнался
Онъ убійствомъ Электры или супруги Спартанской [218])
Кровію, онъ никакимъ роднымъ не мѣшалъ аконита

---

207) Зритель не вѣритъ глазамъ, видя на ретіаріѣ пышную одежду Салійскаго жреца, какимъ могъ быть только истый патрицій. На верхушкѣ колпака (apex) фламиновъ были двѣ извивающіяся тесьмы. Знатный Гракхъ, являясь гладіатромъ, сохраняетъ признаки родовитаго Салія, и поэтъ увѣряетъ, что такое безстыдство Гракха несноснѣе его противнику, простому борцу — всякой раны. 210.

212) Въ примѣръ истинной заслуги сопоставляется сынъ ритора Сенека съ Нерономъ.

214) Много разъ заслужившимъ казни отцеубійцы, (Цицеронъ pro Rosc. 23) которыхъ по древнему закону, сѣкли розгами и затѣмъ, зашивъ въ мѣшокъ съ собакой, пѣтухомъ, обезьяной и змѣей топили въ морѣ.

218) Герміона дочь Елены супруга Ореста.

И никогда Орестъ на сценѣ не пѣлъ, не писалъ онъ
Троики. Что-жь бы скорѣй отмщать оружьемъ Вергиній[221])
Долженъ былъ или съ Виндексомъ Гальба, въ дѣлахъ тѣхъ кровавыхъ,
Что Неронъ совершилъ жестокой своей тиранніей?
Вотъ дѣянья и вотъ вождя благороднаго вкусы,
Съ гнуснымъ пѣньемъ онъ радъ выставляться на сценѣ былъ чуждой
И вѣнокъ изъ плюща заслужить у Грековъ въ награду.
Лики предковъ его да примутъ награды за голосъ:
У подножья Домиція длинную сирму Тіеста[228].)
Иль Антигоны повергни иль Меналиппину маску.
Да на мраморный ты колоссъ подвѣсь ужъ и цитру.
Что кто либо, Катилина, найдетъ тебя родомъ славнѣе
Или Цетега? Межъ тѣмъ вооруженье ночное
Приготовляете вы и огонь для домовъ и для храмовъ,
Словно брючниковъ дѣти или потомки Сеноновъ,[234])

---

[221]) Противъ Нерона возстали въ Галліи Виндексъ, въ Испаніи Гальба и въ Германіи Вергиній Руфъ. Онъ дважды отказался отъ власти и умеръ при Нервѣ, въ 97 г. по Р. Х. Смыслъ тотъ: съ одной стороны убійства матери и родныхъ, а съ другой императоръ актеръ, что изъ этихъ преступленій долженъ бы по преимуществу наказывать Вергиній?

[228]) Въ 54 году императоръ потребовалъ у Сената статуи отца своего К. Домиція Нерона. На нее указываетъ Ювеналъ. Неронъ выступалъ актеромъ въ трагедіяхъ Тіеста, Антигоны и Меналиппы или скорѣй Меланиппы (царицы Амазонокъ). Сирма трагическая мантія.

[230]) Мраморный колоссъ поставленный Нерономъ самому себѣ.

[234]) Bracatorum pueri мы намѣренно перевели словомъ брючниковъ, вмѣсто болѣе понятнаго штанниковъ, ибо трудно не признать общаго корня словъ braca bracсae или bracca съ нашимъ (брюки) одеждой употреблявшейся у варваровъ, Персовъ, Германцевъ, Галловъ. Здѣсь подразумѣваются послѣдніе, громившіе Римъ подъ именемъ Кельтійскаго племени Сеноновъ (Лив. V, 34).

Дерзость, которую должно карать туникой мученья.
Консулъ не дремлетъ межъ тѣмъ и ваши значки окружаетъ
Онъ—новичекъ изъ Арпина, не родовитый и въ Римѣ [237])
Всадникъ муниципальный повсюду ставитъ охрану
Въ шлемахъ вокругъ оробѣвшихъ и каждый онъ холмъ защищаетъ·
Вотъ и въ стѣнахъ городскихъ гражданскою тогой стяжалъ онъ
Имя себѣ и титулъ, какихъ у Левкадіи только [241])
Да на поляхъ Θессалійскихъ Октавій добился, увлаживъ
Мечъ непрерывнымъ убійствомъ; но Римъ, спасенный отцомъ вѣдь
И отцомъ отечества Римъ прозвалъ Цицерона.
Вотъ и другой Арпинецъ, въ горахъ Вольсковъ получавшій
Плату съ найма, надъ плугомъ чужимъ утомляясь работой;
Позже объ темя ему ломали корявую палку, [247])
Ежели мѣшкатно онъ огораживалъ кольями лагерь.
Онъ же и Кимвровъ и всѣ государству грозящія бѣды
Встрѣтилъ одинъ и прикрылъ трепетавшую въ страхѣ столицу;

---

235) Туника мученья, изобрѣтеніе Нерона, пропитанная воскомъ и смолой для сжиганія преступниковъ живьемъ.

237) Родомъ изъ городка Арпина на юго-востокъ отъ Рима.

240) Буквально вѣрно, ибо титулъ отца отечества былъ данъ Цицерону немедля, тогда какъ Августъ стяжалъ этотъ титулъ лишь въ 752 г. отъ основ. Рима.

241) Левкадіи и Θессалійскихъ поляхъ—при Акціумѣ и Филиппахъ.

245) Другой Арпинецъ —Марій.

247) Позднѣй, когда онъ служилъ рядовымъ солдатомъ.

И уже послѣ, когда на побоище къ Кимврамъ слетѣлись
Вòроны, коимъ нигдѣ не встрѣчалося труповъ крупнѣе, [252])
И благородный сподвижникъ былъ лавромъ почтенъ второклассным̃ъ.
Души плебеевъ у Децiевъ и плебейское имя;
Но довольно однако ихъ было за всѣ легiоны,
За сподвижниковъ всѣхъ и за всю Латинскую юность
Для подземныхъ боговъ и земли нашей матери общей;
Децiи вышли дороже всего, что спасается ими.
Сынъ рабыни и пурпуръ и дiадему Квирина
Заслужилъ и связки изъ добрыхъ царей тотъ послѣднiй.
Предавая запоры воротъ, отворились Тираннамъ
Изганнымъ консула дѣти родныя, которымъ прилично
Было бы нѣчто великое при неокрѣпшей свободѣ, [263])
Что изумило бы Коклеса съ Муцiемъ также какъ дѣву,
Переплывшую Тибръ, границу тогдашняго царства.
Рабъ довелъ до Сената о преступленiи тайномъ
И достоинъ онъ плача матронъ; а тѣхъ справедливо [267])

---

252) На побоищѣ Кимвровъ и Тевтоновъ вороны нашли самые крупные трупы Германцевъ, славившихся ростомъ. И когда Марiй одинъ сдѣлалъ главное, то и товарищъ его Лутацiй Катулъ удостоился второстепенныхъ почестей.

255) Консулы Децiи отецъ и сынъ для спасенiя легiоновъ посвятили себя подземнымъ богамъ (при Везувiи и при Аскулумѣ) и боги, поясняетъ нашъ поэтъ, сочли ихъ личности, стоющими всего ими спасаемаго Рима.

260) Сервiй Туллiй.

263) Отъ дѣтей консула Брута должно было ожидать не предательства, а такого подвига, который могъ бы изумить Горацiя Коклеса, Муцiя Сцеволу и Клэлiю, бывшую въ заложницахъ у Порсенны, спасшуюся съ другими и вернувшуюся вплавь черезъ Тибръ.

Ждали удары бичей и топоръ—основа законовъ.[268]

Лучше по моему будь Ѳерситъ твой отецъ, лишь бы ты то
Былъ Эакиду подобенъ, хватая оружье Вулкана,
Чѣмъ бы тебя Ахиллесъ породилъ подобнымъ Ѳерситу.

И хоть въ древности ищешь и выводишь издревле
Имя, все же ведешь отъ притона ты гнуснаго родъ свой:[273]

Первый изъ предковъ твоихъ, кто-бъ ни былъ онъ несомнѣнно
Былъ пастухомъ иль инымъ чѣмъ нибудь, о чемъ умолчу я.

---

267) Матроны возложили на себя годичный трауръ по смерти консула Брута, но и рабъ донесшій о заговорѣ его дѣтей заслужилъ не меньшаго почета.

268) Основа законовъ республиканскихъ. Логическая голова Римлянина не смѣшивала вещей и Ливій II. 3. 4, противополагаетъ царскому милосердію слѣпой неумолимый законъ.

270) Эакидъ--Ахиллесъ.

273) Притонъ разбойниковъ при Ромулѣ.

Д. ЮНІЯ ЮВЕНАЛА

САТИРЪ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

САТИРА X.

Всюду во всѣхъ земляхъ, отъ Гадеса вплоть до Авроры
И до Ганга, не многіе лишь различать въ состояньи
Блага подлинныя отъ не сходнаго съ ними во многомъ,
И заблужденія свергнуть туманъ. Чего же разумно
Намъ бѣжать иль желать? Въ чемъ первый твой шагъ такъ удаченъ,
Чтобъ не жалѣлъ о попыткѣ за исполненьемъ желанья?
Разрушали самимъ просящимъ цѣлые домы
Благосклонные боги; мы молимъ о вредномъ въ дни мира
И на время войны; потокъ рѣчей былъ для многихъ

Сатира X.

Настоящая сатира родственна по содержанію съ Послан. I. 6 Горація, съ тою разницей, что Горацій совѣтуетъ Нумицію „ни чему не дивиться", такъ какъ предметъ изумленія этого не стоитъ, а нашъ Сатирикъ указываетъ, какъ то чего мы алчемъ какъ величайшаго блага—является для насъ причиной гибели. Поэтому нужно молиться только о тѣлесномъ и духовномъ здравіи.

И свое жъ краснорѣчіе смертоносны; тотъ сгибнулъ
Силѣ довѣрясь своей и мышцамъ крѣпкимъ на диво.
Но еще большихъ съ заботой чрезмѣрной скопленныя деньги
Душатъ и собственность, что превышаетъ чужія имѣнья
Также, какъ ростомъ Британскій китъ превосходитъ дельфиновъ [14]).
Такъ во время жестокостей, по приказанью Нерона,
Окружили Лонгина и садъ богатѣйшій Сенеки
Цѣлой когортой и пышный домъ Латерана постоемъ
Захватили: вѣдь рѣдко солдатъ на чердакъ заберется.
Если и малость несешь ты гладкихъ серебряныхъ чарокъ,
Ночью пускаяся въ путь, все жъ пикъ и мечей побоишься,
Будешь пугаться тѣней тростниковъ при мѣсяцѣ зыбкихъ,
Передъ разбойникомъ пѣснь затянетъ порожній прохожій.
Первая все же мольба, во всѣхъ извѣстная храмахъ,
Лишь богатство, чтобъ росъ достатокъ, чтобъ наша то касса
Больше всѣхъ на рынкѣ была. Но изъ глины не выпьешь
Акониту; ты бойся его, когда принимаешь

---

14) Британскій—сѣверный, крупный,

15) Примѣромъ того, какъ огромное богатство душитъ владѣльцевъ, приводятся богачи Кассій Лонгинъ, Сенека и роскошный Латеранъ (смотр. Сат. VIII 145), у которыхъ по осужденію конфискованы имѣнія.— Солдата не пошлютъ съ конфискаціей на чердакъ бѣдняка.

25) Римляне держали наличныя деньги у (argentarius) публичнаго банкира.

Чашу съ каменьями, въ золотѣ емкомъ Сетинъ то горючій. [27])
Или жъ ты хвалишь теперь, что одинъ изъ премудрыхъ смѣялся,
Какъ только ногу одну заносилъ съ своего онъ порога,
Чтобы идти, а противникъ его убѣжденія плакалъ?
Но легка кому хочешь хула суровой насмѣшки;
Я удивляюсь откуда глазамъ тѣхъ слезъ доставало.
Легкія смѣхомъ свои Демокритъ сотрясалъ непрестанно,
Хоть не бывало тогда у нихъ въ городахъ ни претексты
Ни порфиръ, ни носилокъ, ни связокъ, ни трибуналовъ.
Чтожъ еслибъ претора онъ увидалъ въ колесницѣ высокой
Стоймя стоящаго, гордаго, въ циркѣ въ пыли и въ туникѣ
Зевса и на плечахъ влекущаго тоги узорной
Пурпуръ Сарранскій и кругъ большаго вѣнца столь громадный [39]),
Что его удержать ни одинъ затылокъ не сможетъ?
Подлинно держитъ его потѣющій рабъ, въ колесницѣ

---

27) Сетинское вино какъ превосходное приводится и въ Ст. V. 33 и XIII. 213. Горючій, ибо сожигаетъ внутренности отравой, вмѣсто которой нашъ поэтъ часто ставитъ аконитъ.

35) Претекста окаймленная пурпуромъ одежда высшихъ чиновъ, trabea, первоначально царская порфира, но позднѣе торжественная одежда всадниковъ. Ювеналъ смѣется не надъ одеждами, а надъ тщеславіемъ личностей, не достойныхъ такого отличія.

39) Сарранскій. Сарра—Латинская форма Еврейскаго (Соръ—Тиръ) слѣдовательно тирскій пурпуръ. Преторъ открываетъ игры подобіемъ тріумфа, но при этомъ не надѣваетъ вѣнца, а заставляетъ раба держать его надъ собой. Не забытъ и скипетръ украшенный орломъ. Консуломъ обзываетъ здѣсь поэтъ претора вѣроятно по первоначальному безразличію и чтобы еще болѣе выставить неумѣстную напыщенность сцены.

Той же стоящій, чтобъ консулъ не возгордился чрезмѣрно.
Къ этому птицу прибавь надъ скиптромъ изъ кости слоновой,
Да трубачей, а вонъ тамъ впереди растянувшимся строемъ
Людъ чиновный и подлѣ узды бѣлоснѣжныхъ Квиритовъ,
Коихъ зарытый въ кисѣ подарокъ содѣланъ друзьями.
Но и тогда находилъ при встрѣчѣ съ людьми основанье
Смѣху тотъ самый, чья мудрость насъ убѣждаетъ, что могутъ
Люди высокіе, намъ служащіе дивнымъ примѣромъ,
Порождаться въ странѣ барановъ, подъ небомъ туманнымъ.
Надъ заботами онъ и радостью черни смѣялся
И надъ слезами порой, какъ самъ то грозной фортунѣ
Петлю на шею сулилъ и палецъ показывалъ средній [53]).
Стало быть молимся мы объ излишнемъ, даже о вредномъ,
Съ чѣмъ и воскъ прилѣплять къ колѣнямъ боговъ то не стоитъ.
Власть низвергаетъ иныхъ, находясь подъ давленьемъ великой
Зависти. Топитъ ихъ длинный и славный почестей списокъ,

45) Квириты въ бѣлыхъ тогахъ съ иголочки, дорожатъ патрономъ ради sportula подарокъ (см. Сат. I. 95)

50) Ѳракія и въ особенности родина Демокрита Абдера не менѣе Беотіи была пословицей, въ смыслѣ туманной родины глупцовъ.

53) Когда самъ онъ сулитъ петлю, т. е. говоритъ: удавись ты, а показывать средній палецъ значило обидно дразнить.

55) Вощаныя таблицы съ начертаніями испрашиваемаго.

Сходятъ статуи съ мѣстъ и за канатомъ влачатся [58]),
Самыхъ въ упряжкѣ колесъ щадить не хочетъ сѣкира
И неповинныхъ ни въ чемъ коней сокрушаются ноги.
Вотъ засвистѣли огни, въ горнахъ подъ мѣхами пылаетъ
Обожаемое народомъ лице и трещитъ ужь
Мѣдный Сейянъ; а затѣмъ изъ втораго лица во вселенной
Дѣлаютъ кружки, котлы, кастрюли и утварь ночную.
Лаврами домъ убери, веди къ Капитолію мѣломъ
Крашенаго ты быка: увидишь, какъ тащутъ Сейяна
Крюкомъ; всѣ радуются.—„Какія губы то были,
Что за лице у него? Никогда, повѣрь, не любилъ я
Этого вотъ человѣка! Но въ чемъ обвиненный погибъ онъ?
Кто же донесъ? и чѣмъ доказалъ? и кто былъ свидѣтель?“
—Не было этого. Но пришло съ многословьемъ и силой
Съ Капри письмо.—„Хорошо. Ни о чемъ не спрошу уже болѣе“,
Что же Рема толпа? Какъ вѣчно за счастьемъ—и падшихъ
Ненавидитъ. А тотъ же народъ, будь Норція къ Туску [74])

---

58) Во всемъ этомъ мѣстѣ передъ поэтомъ стоитъ образъ и судьба Сейяна, котораго даже статуя была свергнута и разбита, вмѣстѣ съ тріумфальной мѣдной колесницей и конями (иронически) неповинными.

65) Слѣдуетъ разговоръ въ народѣ возвращающемся съ казни. Вотъ и будь тріумфаторомъ; укрась домъ и приноси бѣлаго быка (хоть выкрашеннаго мѣломъ)—да посмотри, что сталось съ Сейяномъ.

74) Сейянъ былъ Тосканецъ(этрускъ), а Норція или Нурзія тосканское имя Фортуны.

Благосклонна, стань жертвой безпечная старость владыки,
Провозгласилъ бы тогда, въ тотъ самый же часъ онъ Сейяна
Августомъ. Съ самыхъ тѣхъ поръ, что уже никому голосовъ мы
Не продаемъ, онъ заботы стряхнулъ; ибо тотъ кто бывало [78])
Власть и связки вручалъ, легіоны и все, нынѣ сдержанъ
Сталъ и только онъ двухъ вещей боязливо алкаетъ,
Хлѣба и зрѣлищъ. „Я слышу, что многимъ придется погибнуть“.[81])
„Нѣтъ сомнѣнья, вѣдь горнъ то великъ; Брутидій мой блѣдный
У алтаря мнѣ Марсова прямо на встрѣчу попался“.[83])—
„Какъ я боюсь, чтобы мстить не сталъ Аяксъ побѣжденный [84])
За плохую защиту! Скорѣй побѣжимъ мы покуда
На берегу онъ лежитъ, да врага то Цезаря пяткой.

---

75) Старость Тиверія.

78) Съ той поры какъ выборы въ должности, бывшіе предметомъ явной торговли голосами, ослаблены при Августѣ и переданы при Тиверіи Сенату, народъ помышляетъ только о хлѣбѣ и зрѣлищахъ.

81) На замѣчаніе одного изъ толпы объ угрожающей многимъ опасности, слѣдуетъ примѣръ Брутидія Нигра, ритора изъ школы Аполлодора, эдила при Тиверіи, впослѣдствіи оратора и доносчика, именно обвинителя Сейяна (Тацит. анн. III. 66).

83) Алтарь Марса на форумѣ.

85) Можно съ нѣкоторою достовѣрностью предположить, что Брутидій нѣкогда во время риторскихъ упражненій защищалъ Аякса въ его спорѣ съ Одиссеемъ изъ за оружія Ахилла, и защищалъ неудачно. Очевидно этимъ обстоятельствомъ пользуется Ювеналъ для двойнаго удара, выставляя кромѣ того лисью осторожность запуганнаго ритора, который не смѣетъ назвать Сейяна, котораго такъ плохо защищалъ противъ Тиверія, а прячетъ его въ традиціонномъ имени Аякса. Подъ местью Сейяна онъ разумѣетъ то, что и плохою защитой Брутидій можетъ попасть въ число подозрительныхъ въ глазахъ правительства.

Только пусть видятъ рабы; чтобъ кто отрицая, къ разбору[87])
Трепетнаго не повлекъ господина веревкой за шею“ —
Вотъ о Сейянѣ то что тайкомъ толковали въ народѣ.
Хочешь ли ты какъ Сейянъ принимать поклоны? На столько
Быть богатымъ, тому доставлять курульное кресло,
Этого ставить начальникомъ войскъ? Считаться оплотомъ
Самодержца, сидящаго въ тѣсныхъ предѣлахъ Капреры
Съ стадомъ Халдейскимъ своимъ? И такъ когортъ ты навѣрно[94])
Хочешь и всадниковъ избранныхъ, вмѣстѣ со стражей домашней?
Какъ же тебѣ не хотѣть? Да кто и губить не желаетъ
Хочетъ мочь. Но какой же почетъ и счастіе стоятъ
Чтобы веселью для насъ и мѣра бѣдствій равнялась?
Предпочелъ ли бы ты претексту того вонъ, что тащутъ
Или въ Фиденахъ или хоть въ Габіяхъ быть полицейскимъ
И о мѣркахъ судить, иль рванымъ Эдиломъ въ Улубрахъ
Запустѣлыхъ крушить недомѣрныя вазы? Сознайся жь,

---

87) Демонстрацію ненависти необходимо сдѣлать при рабахъ, доносы которыхъ стали гибельны.

94) Халдейскихъ астрологовъ.

95) Преторіанцами.

100) Габіи, Фидены, Улубры мелкіе города, въ которыхъ распоряжалась одна полиція, разбивавшая мошенническія мѣрки.

Что не вѣдалъ Сейянъ, чего пожелать подобало.
Ибо желая не вмѣру почестей какъ и не вмѣру
Жаждя богатствъ, городилъ онъ только много надстроекъ
Башни великой, откуда паденіе было бы выше
И громаднѣй еще развалины павшаго зданья.
Что же Крассовъ и что Помпеевъ сгубило, а также
И того, кто подвелъ подъ бичи укрощенныхъ Квиритовъ? [109])
Подлинно высшее мѣсто, добытое всякой уловкой,
И чрезмѣрность мольбы, услышанной злыми богами.
Къ зятю Цереры немного царей безъ ранъ и убійства [112])
И немного тиранновъ нисходятъ отъ смерти безкровной.
Краснорѣчья себѣ Демосѳена или Цицерона
Начинаетъ молить съ ихъ славой и молитъ весь праздникъ
Всякій, Минерву пока ублажающій скуднымъ лишь ассомъ,
Тотъ, за кѣмъ еще рабъ сторожитъ его бѣдную сумку.
Отъ краснорѣчья межъ тѣмъ оратора оба погибли,
Предалъ смерти обоихъ широкій потокъ вдохновенья.
Вдохновенье отсѣкло и руку и шею;—ни разу
Мелкаго стряпчаго кровь не обагряла трибуны.
„О счастливый удѣлъ, что у—дѣлъ я Консула, Рима!“ [122].)

---

109) Ю. Цезарь.

112) Зять Цереры—Плутонъ.

115) Квинкватріи, пятидневный праздникъ Минервы въ Мартѣ, съ котораго начиналось ученіе вновь и взносилась школьная плата впередъ.

120) Цицерону, коего рука и голова были прибиты по повелѣнію М. Антонія къ трибунѣ, съ которой онъ говорилъ знаменитыя свои рѣчи противъ тріумвировъ, названныя Филиппиками, изъ коихъ 2-я наиболѣе блестящая.

Могъ бы Антоніевъ мечъ презирать онъ, если-бъ и все такъ
Онъ говорилъ. Я считаю, смѣшные стихи все же лучше
Чѣмъ божественная филиппика съ явною славой,
Что за первой во слѣдъ полилась. Суровой кончиной
Вырванъ и тотъ, кто дивя рѣчей потокомъ Аѳины,
Словно браздами умѣлъ театръ удерживать полный.
Былъ подъ гнѣвомъ боговъ рожденъ и въ сумрачной долѣ
Тотъ, котораго слѣпнувъ съ нагара пылающей массы,
Отъ клещей, да углей и наковальни, гдѣ ковались
Грязнымъ Вулканомъ мечи, отецъ сдалъ ритору въ школу.
Вся добыча войны, на обрубокъ трофеевъ надѣтый [133])
Панцырь, и съ каски совсѣмъ худой подбородникъ висящій
И безъ дышла ярмо и флагъ съ побѣжденной триремы
И на самомъ верху надъ аркою плѣнникъ печальный
Счастьемъ считается высшимъ чѣмъ блага людскія. За ними
Тянется греческій, римскій и варварскій военачальникъ;
Здѣсь причина его трудовъ и напасти сокрыта;
Вотъ на сколько сильнѣй чѣмъ доблести жаждемъ мы славы.

---

122) „O fortunatam natam me consule Romam“ Знаменитый или скорѣе пресловутый своей ребяческой игрой словъ, стихъ Цицерона изъ стихотворенія на собственное консульство. Мы по возможности сохранили въ переводѣ эту игру, которую Ювеналъ не простилъ великому оратору, говоря, что еслибы онъ писалъ только такіе пустяки, то не заслужилъ бы казни.

130) Отецъ Демосѳена былъ кузнецъ, изготовлявшій оружіе.

Самую доблесть то кто жъ изберетъ, коль отымешь награду?
Но иногда на отечество тягостнымъ гнетомъ ложилась
Жажда славы немногихъ, хвалы и титуловъ желанье,
Чтобы чертить ихъ на камняхъ, стражахъ праха, а ихъ то
Сможетъ разрушить и стволъ безплодной смоковницы дикой,
Ибо все та же судьба дается и самымъ кладбищамъ.
Взвѣсь Аннибала теперь? Въ величайшемъ вождѣ сколько фунтовъ
Ты найдешь? Вотъ онъ тутъ, которому Африки было
Мало, волной Мавританской омытой—до теплаго Нила,
До эѳіопскихъ народовъ затѣмъ и слоновъ исполинскихъ.
Царству придавши Испанію, онъ перешелъ Пиринеи.
Противупоставила снѣгъ и Альпы природа;
Онъ разверзаетъ скалы и уксусомъ рушитъ онъ гору.
Уже Италію взялъ; однакожъ стремится онъ далѣ.
„Ничего, говоритъ, я не сдѣлалъ, пока не сломилъ
Пунскимъ солдатомъ воротъ и стягъ я не внесъ на Субуру [156]).“

---

133) Новый примѣръ бѣдствій на военномъ поприщѣ. Tropaeum (трофей) собственно на мѣстѣ побѣды поставленный колъ или чурбанъ, на который приблизительно въ своемъ обычномъ расположеніи, надѣвались отбитые у враговъ доспѣхи. Всѣ эти знаки побѣды везлись въ тріумфѣ на колесницахъ, а изображеніе печальнаго плѣнника надъ тріумфальной аркой еще усиливало впечатлѣніе рѣшительной побѣды.

145) Извѣстно, что деревья выростая около надгробныхъ камней, современемъ въ состояніи разрушать ихъ мало по малу разростающимся корнемъ.

150) Аннибалъ.

156) Субура—многолюднѣйшая улица въ Римѣ.

О что за ликъ у него, какой картины достойно
То, какъ криваго вождя Гетульскій звѣрь на спинѣ несъ! [158].)
Но каковъ же исходъ? О слава! И онъ побѣждаемъ
И въ изгнанье стремглавъ онъ бѣжитъ и сидитъ тамъ великій,
Всѣмъ на диво кліентъ въ пріемномъ царскомъ покоѣ
До поры, какъ Виѳинскій тираннъ пожелаетъ проснуться [162]).
Прекращаютъ ту жизнь, что людскія дѣла возмутила,
Не мечи, не скалы, не копья, а былъ воздаяньемъ
Каннъ и мстителемъ сталъ такихъ кровавыхъ потоковъ
Перстень. Ступай же безумецъ, несись чрезъ суровыя Альпы,
Чтобы понравиться дѣтямъ и стать декламацій предметомъ!
Круга земли одного для Пелльскаго юноши мало [168])
И несчастный кипитъ стѣсненъ предѣлами міра,
Точно онъ запертъ въ скалахъ Гіара иль крошки Серифа;
Но какъ въ городъ войдетъ, укрѣпленный стѣнами изъ глины [171])
То саркофагомъ онъ будетъ доволенъ. Лишь смерть открываетъ

---

158) Гетульскій, африканскій слонъ.

162) Виѳинскій царь Прузій.

165) Перстень, въ которомъ онъ носилъ ядъ.

168) Александръ родился въ Пеллѣ столицѣ Македоніи.

170) Гіаръ и Серифъ были пословицей крошечныхъ островковъ Эгейскаго моря.

171) Очевидно историческія глинобитныя укрѣпленія восточныхъ городовъ отъ Вавилона до Самарканда.

Какъ не велички тѣла людскія. Вѣрятъ, что древле
Плавали черезъ Аѳонъ и всему, что Грецiя дерзко
Лжетъ въ исторiи, будто-бъ покрытое тѣми жь судами
Море содѣлавшись плотнымъ легло подъ колёса, мы вѣримъ,
Что не хватало большихъ потоковъ и выпиты рѣки
Въ завтракъ Мидянъ и всему, что поетъ Сострать влажнокрылый.
Но каково то онъ самъ отступалъ, Саламинъ покидая,
Варваръ привыкшiй терзать бичами и Кора и Эвра,
Не претерпѣвшихъ подобнаго даже въ тюрьмѣ у Эола,
Кто въ кандалы заковалъ самаго то Энносигея[182])
Мало того; что-жь еще? А развѣ его не призналъ онъ
Стоющимъ клеймъ? Кто-жь ему изъ боговъ-бы служить согласился[184])?
Но отступилъ то онъ какъ? На одномъ кораблѣ средь кровавыхъ
Волнъ вѣдь медленно онъ проходилъ по сплотившимся трупамъ.
Вотъ наказуется чѣмъ, столь часто желанная слава!

---

175) Ювеналъ саркастически отзывается о раздутомъ историками могуществѣ, отраженныхъ Греками, Персовъ, о выпитыхъ ихъ полчищами рѣкахъ во время приваловъ, какъ о томъ повѣствуетъ неизвѣстный поэтъ Сострать, котораго Ювеналъ характеризуетъ эпитетомъ влажныхъ крылъ, по нашему мокрая ворона.

180) Ксерксъ, готовъ наказывать вѣтры: Коръ, (кавръ) сѣверо-восточный, Эвръ юго-восточный, разрушившiе его мостъ, хотя ихъ не сѣкъ и самъ Эолъ, держащiй ихъ въ пещерѣ.

182) Энносигей (сотрясатель земли) Гомеровскiй эпитетъ Нептуна.

184) Геродотъ говоритъ о слухѣ, будто Ксерксъ посылалъ палачей клеймить Геллеспонтъ. Неудивительно, что послѣ такого обращенiя, боги не хотѣли ему служить.

„Дай мнѣ долгую жизнь, дай многихъ лѣтъ мнѣ, Юпитеръ!“
Этого съ яснымъ лицомъ и этого блѣдный ты молишь.[189].)
Но какихъ непрерывныхъ золъ и какихъ нестерпимыхъ
Долгая старость полна! Сперва на гнусный и гадкій
Ликъ, несхожій съ собою взгляни, на гнусную шкуру
Вмѣсто кожи, навислыя щеки въ морщинахъ, какія
Тамъ гдѣ Табрака тѣнь по дебрямъ своимъ распростерла,[194].)
Около рта, скоблитъ состаряся мать обезьяны.
Много средь юношей есть различій: тотъ этимъ красивѣй,
А вотъ тѣмъ то другой, вотъ этотъ сильнѣе другаго.
Тоже у старцевъ лице, и голосъ и члены трясутся
Голая вся голова и носъ младенчески мокрый,
Хлѣбъ бѣдняга жевать безоружными деснами долженъ.
До того онъ себѣ, супругѣ и дѣтямъ несносенъ,
Что ловцу онъ наслѣдствъ и Коссу то скуку наводитъ.[202])
Уже не радуетъ такъ ни вино ни пища тупаго
Нёба, а радость любви давно позабыта, но если-бъ
Ты и вздумалъ, лежитъ сморчекъ усохшій у корня
И хоть цѣлую ночь надъ нимъ провозись, пролежитъ онъ.

---

189) Здоровый равно какъ и больной.

194) Табрака на западъ отъ Карѳагена въ Африкѣ.

195) Переводимъ scalpit словомъ скоблитъ, какъ болѣе близкое по смыслу и сдва ли не тоже самое по корню.

202) Ловецъ наслѣдствъ Коссъ, скорѣе всякаго другаго способенъ переносить скуку, наводимую богатымъ старикомъ, впавшимъ въ дѣтство.

Развѣ можно чего ожидать отъ такого больнаго
Старца? Развѣ и впрямь не внушаетъ собой подозрѣнья
Похоть съ порывомъ любви и безъ силъ? Взгляни на другія
Бѣдствія ты. Ну какое же и отъ пѣвца наслажденье,
Даже первѣйшимъ онъ будь китаредомъ будь онъ Селевкомъ[211])
И изъ тѣхъ, что всегда въ золоченой блистаютъ одеждѣ?
Что за дѣло, гдѣ тотъ сидитъ въ обширномъ театрѣ,
Кто едва трубачей и роговъ сочетанія слышитъ?
Нужно громко кричать, чтобъ ухо его услыхало,
Если пришедшаго рабъ называетъ иль часъ возвѣщаетъ.
Кромѣ того оскудѣвшая кровь уже въ тѣлѣ холодномъ
Лишь лихорадкой горитъ. Тѣснятся къ нему цѣлымъ строемъ
Недуги всякихъ родовъ; которыхъ, коль спросишь названья,
То я скорѣе скажу, у Оппіи сколько любезныхъ,
Сколько больныхъ Темизонъ убьетъ за единую осень [221]),
Сколькихъ товарищей Базилъ, сколькихъ Гирръ малолѣтныхъ [222])
По обчистили, сколькихъ мужчинъ въ день высосать можетъ

211) Неизвѣстный актеръ Селевкъ, по мнѣнію Штрауха, болѣе блисталъ одеждой, чѣмъ дарованіемъ.

220) Оппія, примѣръ падкости на мужчинъ приводится тутъ же ст. 322, но ближе неизвѣстна.

221) Темизонъ (Плиній XXIX, 1, 5) знаменитый врачъ при Августѣ — конечно не затруднялся lege actis, по правиламъ искусства морить людей стекавшихся осенью въ столицу.

222) Базилъ, вѣроятно предсѣдатель банка или акціонернаго общества, Гирръ очевидно опекунъ.

Длинная Мавра и сколькихъ Гамиллъ обманетъ мальчишекъ? [224]).
Я скорѣй разскажу, какъ много виллъ себѣ нажилъ
Тотъ, кто юношѣ мнѣ брилъ скучную бороду съ трескомъ [226]).
Этотъ плечами разслабъ, тотъ ляшками, этотъ ногами,
Тотъ, потерявъ оба глаза, кривому завидуетъ, этотъ
Блѣдными пищу губами изъ чуждыхъ пальцевъ пріемлетъ;
Онъ, завидѣвши кушанье, ротъ раскрывать свой привыченъ,
Только зѣваетъ, какъ ласточки птенчикъ, къ которому съ полнымъ
Ртомъ прилетаетъ не ѣвшая мать. Но хуже упадка
Членовъ всѣхъ, слабоуміе, что ни именъ ужь прислуги,
Ни лица того друга непомнитъ, съ которымъ прошедшей
Ночью ужиналъ самъ, ни тѣхъ, которыхъ родилъ онъ
И воспиталъ. Вѣдь имъ своимъ завѣщаньемъ свирѣпымъ
Онъ воспрещаетъ ему наслѣдовать; все достоянье
Переходитъ къ Фіалѣ; вотъ ротъ то искусный какъ дышетъ [238])
Тотъ, что долгіе годы стоялъ въ каморкѣ подвала.
Пусть и здравый онъ смыслъ сохранитъ, такъ дѣтей вѣдь придется

---

[224]) Мавра (смотр. Сат. VI. 307) Гамиллъ, обвиняемый Марціаломъ (VII, 62) въ томъ же порокѣ.

[226]) Этотъ стихъ повторяется Сат. I, 25. Отсюда продолжается описаніе старческихъ недуговъ.

[238]) Римское законодательство не церемонилось съ развратомъ. Фіала въ качествѣ tulpis persona не могла наслѣдовать по завѣщанію. Но выжившій изъ ума старикъ и про это забылъ.

Похороны отбывать, увидать костеръ и супруги
Милой и брата и прахъ сестеръ воспріявшія урны.
Долго живущимъ дано наказаніе въ томъ, чтобы вѣчно
Возобновлялись въ дому утраты, чтобъ съ плачемъ всечаснымъ
Съ непрестанною скорбью старѣть и въ черной одеждѣ.
Царь Пилоса, коль ты хоть малость вѣришь Гомеру,
Былъ образцомъ, по годамъ одной уступавшимъ воронѣ.
Счастливъ дѣйствительно тѣмъ, что столько вѣковъ отстранялъ онъ
Смерть и ужъ правой рукой свои сосчитывалъ годы [249])
И многократно пивалъ молодое вино. Но размысли
Малость, какъ самъ онъ роптать на законы судебъ и на слишкомъ
Долгую нить, когда увидалъ борца Антилоха [252])
Бороду въ пламени и когда онъ всѣхъ предстоящихъ
Вопрошаетъ товарищей, чтожъ до сихъ поръ все живетъ онъ,
Что за проступокъ его привелъ къ долголѣтью такому?
Точно такъ и Пелей, какъ о гибели плачетъ Ахилла
И другой, кому слѣдъ былъ рыдать о пловцѣ Итакійцѣ [257]).
Въ нетревожимой Троѣ Пріамъ сошелъ бы до тѣни

---

[249]) Римляне по суставамъ лѣвой руки считали единицы и десятки, а сотни и тысячи по суставамъ правой, и Нестору очевидно съ своими 300 лѣтъ приходилось прибѣгать къ правой рукѣ.

[252]) Несторъ увидалъ въ пламени костра возмужалаго сына своего Антилоха, убитаго Мемнономъ; (Одисс. IV. 187).

[257]) Лаэртъ.

Ассарака съ великою пышностью: Гекторъ бы тѣло [259])
На затылкѣ понесъ съ остальными братьями между
Женъ Илiонскихъ въ слезахъ и первый бы стонъ подымала
Тутъ Кассандра и съ ней Поликсена, терзая одежду,
Если бы умеръ то онъ въ другое время, какъ строить
Не принимался Парисъ еще кораблей дерзновенныхъ.
Чѣмъ же долгая жизнь наградила его? Увидалъ онъ
Какъ всё пало и мечъ и огонь всю Азiю губятъ.
Тутъ Тiару сложивъ, онъ трепетный воинъ съ оружьемъ
Падаетъ предъ алтаремъ Зевеса всевышняго, словно
Старый волъ, что простеръ подъ ножъ своего господина
Тощую, бѣдную шею, уже неугодную плугу.
Всежъ человѣкомъ онъ умеръ, но въ злобѣ собачьею пастью
Лаяла, послѣ него, въ живыхъ оставшись супруга [272]).
Перехожу я къ своимъ, царя не касаяся Понта [273])
Съ Крезомъ, котораго гласъ правдивый и вѣщiй Солона
Убѣждалъ посмотрѣть на конецъ продолжительной жизни.
Ссылка, тюрьма и болота Минтурнскiя и за побѣдой [276])

---

259) Ассаракъ—отецъ Лаомедона, дѣдъ Прiама.

272) Гекуба, озлоблявшаяся съ лѣтами все болѣе по поводу испытанныхъ ею бѣдствiй, превратилась по сказанiю въ собаку.

273) Митридатъ, который процарствовавъ 57 лѣтъ, вынужденъ былъ приказать преданному воину убить его.

276) Марiй.

Карѳагенскою хлѣбъ подаянья отсюда жь начало
Взяли. Какого-бъ еще могла гражданина природа
Выставить намъ на землѣ иль Римъ межъ всѣми счастливѣй,
Еслибы онъ, окруженъ толпою плѣнныхъ и всею
Воинской пышностію, свой духъ испустилъ пресыщенный
Въ мигъ, когда пожелалъ сойти съ колесницы Тевтонской? [282])
Прозорливо дала Помпею Кампанія кстати
Лихорадку, но тутъ городовъ премногихъ обѣты
Препобѣдили. И такъ судьба и его и столицы
Голову ту, что спасла, снесла съ побѣжденнаго. Лентулъ
Казни подобной не зналъ и Цетегъ остался нетронутъ [287])
Наказаньемъ и цѣлъ былъ трупъ Катилины лежавшій.
Молитъ красы для ребятъ глухимъ, для дѣвочекъ громкимъ
Шопотомъ мать, какъ храмъ завидитъ Венеры, труслива
Даже до дѣтства въ мольбахъ. „За чтожь на нее, говоритъ онъ [291]),
Нападаешь? Краса Діаны отрадна Латонѣ“.
Но запрещаетъ молить красоты Лукреція той же [293]),

---

282) Колесница тріумфа надъ Тевтонами.

285) Помпей кстати занемогъ на походѣ къ Фарсалу, но мольбы городовъ испросили ему здравія на бѣду.

287) Даже Лентулъ и Цетегъ сообщники Катилины, были удавлены въ тюрьмѣ, самъ онъ палъ на полѣ битвы; поэтому трупы ихъ, словно въ воздаяніе за молодость, не были обезглавлены какъ трупъ предательски убитаго старика Помпея.

291) Говоритъ онъ, т. е. предполагаемый возражатель: мы бы сказали говорятъ мнѣ. Сама Латона радуется красотѣ своей дочери Діаны.

293) Запрещаетъ своимъ примѣромъ, убивая себя за красоту, привлекшую Секста Тарквинія; равно и Виргинія, убитая собств. отцемъ въ защиту отъ децемвира Аппія Клавдія.

Что была у нея, Виргинія рада бы взявши
Горбъ у Рутилы ей сдать свою красоту. А у сына
Съ дивнымъ тѣломъ всегда родители бѣдные въ страхѣ;
До того съ красотой уживается рѣдко стыдливость.
Если въ строгости домъ и передалъ нравы святые,
Подражая во всемъ Сабинцамъ древнимъ, къ тому же
И природа широкой рукой благосклонно снадбила
Чистой душей и лицемъ пылающимъ скромности кровью
(Чѣмъ же мальчика большимъ еще наградить въ состояньи
Дядьки и всякихъ заботъ сильнѣйшая въ этомъ природа?)
Мужемъ ему не бывать; потому что безчестная щедрость
Соблазнителя сбить дерзаетъ родителей самыхъ.
Удаль такая въ дарахъ. Ни одинъ тираннъ безобразныхъ
Отроковъ не оскоплялъ у себя въ суровыхъ чертогахъ,
Кривоножку Неронъ не хваталъ иль юношу съ зобомъ,
Или съ горбомъ, да еще съ животомъ одновременно вздутымъ.
Вотъ ступай, красотой восторгайся ты сына, который
Бо́льшихъ долженъ еще опасностей ждать: любодѣемъ
Ставши извѣстнымъ, онъ пусть страшится тѣхъ наказаній,
Что въ рукахъ у мужей раздраженныхъ; счастливѣй звѣзды онъ

295) Она помѣнялась бы съ горбатой и быть можетъ вымышленной Рутилой.

Марса не будетъ, чтобъ самъ никогда не попался онъ въ петли.
Больше обида порой алкаетъ, чѣмъ по закону
Власти обидѣ дано; вонъ тотъ убиваетъ желѣзомъ,
Этотъ бьетъ кнутьями въ кровь, найдутъ и ерша любодѣю.
Можетъ быть Эндиміонъ твой даже любовникомъ станетъ
Милой замужней, но чуть Сервилія дастъ ему денегъ,
Онъ отдастся и ей, которой не любитъ и сниметъ
Всѣ украшенья съ нея; какая жь межъ ними откажетъ
Въ чемъ сладострастію, будь она Оппія или Катулла?[332].)
Даже, зиждутся всѣ у женщины нравы на этомъ.
„Но цѣломудрому чѣмъ вредна красота?" Что жъ за польза
Въ строгости нравовъ нашлась Ипполиту илъ Беллерофонту?
Вѣдь отъ такого презрѣнья иль отвращенья краснѣя,
Стенобея не менѣе чѣмъ и Критянка пылала
И раздражалися обѣ. Вѣдь женщина тутъ то и злѣе.
Ежели ненависть въ ней подстрекнута стыдомъ. Разсуди же,
Что за совѣтъ дать тому, за кого хочетъ замужъ супруга

---

322) Оппія см. тутъ же ст. 220, богатая, а Катулла тѣхъ же нравовъ бѣдная, по Марціалу VIII. 53 предавалась своему гнусному ремеслу до 93 г. по Р. Хр.

325) Федра—дочь критскаго царя Миноса; мачиха Беллерофона у Гомера Антея у позднѣйшихъ Стенобея.

330) Указаніе на гнусное событіе при дворѣ Клавдія и несчастную судьбу К. Силія, мастерски описанную (Тацит. Ан. XI. 12). Мессалина захотѣла публичнаго бракосочетанія съ соблюденіемъ всѣхъ свадебныхъ обрядовъ.

Цезаря. Этотъ честнѣйшій, прекраснѣйшій также изъ рода
Патриціанскаго взорами Мессалины, бѣдняга,
Выбранъ на вѣрную смерть. Сидитъ ужь она въ покрывалѣ
Явно въ саду разстилается брачное Тирское ложе
И по обряду старинному тысяча ждетъ ужь сестерцій
И со свидѣтелями придетъ немедля гадатель.
Ты считалъ это тайной, объявленной только не многимъ;
Свадьбы желаетъ она лишь законной. Такъ какъ же? скажи ко.
Если откажешься ты, то раньше огней и погибнешь,
Еслижь допустишь ты зло, то дастся на время отсрочка,
Чтобы слухъ городской и народный дошелъ до владыки;
Безобразье домашнее онъ узнаетъ послѣдній.
Ты между тѣмъ покорись повелѣнью, если на столько
Жизнью немногихъ дней дорожишь. Что лучшимъ, легчайшимъ
Ни сочтешь, а готовь подъ мечъ свой прекрасный затылокъ.
Значитъ, молить ни о чемъ не слѣдуетъ людямъ? Совѣтъ мой:
Ты самимъ предоставь безсмертнымъ взвѣсить, что нужно
Намъ и что нашимъ дѣламъ полезно. Ибо намъ боги
Вмѣсто пріятнаго лишь пошлютъ, что какъ разъ подходяще.

---

335) Съ выдачей тысячи (большихъ) сестерцій — около 50 тысячъ рублей, при свидѣтеляхъ и благопріятныхъ предсказаніяхъ авгура.

340) Вмѣсто гибели въ тотъ же день до вечернихъ огней, проживешь до извѣщенія мужа о такомъ безстыдствѣ.

Имъ милѣй человѣкъ, чѣмъ онъ самъ себѣ. Мы, побужденьемъ
Духа и мощнымъ, слѣпымъ пожеланіемъ руководимы,
Ищемъ супружества и дѣтей отъ жены, а извѣстно
Имъ лишь, что же за дѣти, какая то будетъ супруга.
Но чтобъ молиться о чемъ, посвящая въ часовнѣ утробу
И куски поросеночка бѣлаго, долженъ просить ты,
Чтобы здоровымъ духъ сохранилъ ты въ тѣлѣ здоровомъ.
Мощнаго духа проси, котораго смерть не пугаетъ,
Что считаетъ въ числѣ даровъ природы и крайній
Жизни предѣлъ, что готовъ выносить труды хоть какіе,
Гнѣву не поддается, а самъ ничего не алкаетъ
И Геркулеса труды и подвиги цѣнитъ онъ выше
Похоти, ужиновъ и перины Сарданапала.
Видишь, что самъ ты себѣ можешь дать; а жизни покойной
Безъ сомнѣнья тропа лишь одна черезъ доблесть проходитъ.
Нѣтъ тебѣ нуждъ до боговъ, коль есть въ тебѣ мудрость, мы сами,
Сами, Фортуна, тебя богиней на небо возносимъ.

САТИРА XI.

Ежели Аттикъ отмѣнно пируетъ, слыветъ утонченнымъ [1]);

Сатира XI.

Сатира эта по конструкціи и мотиву болѣе приближается къ обычной формѣ Римской Сатиры. Это приглашеніе друга къ скромному деревенскому ужину, въ противоположность съ изысканными и дорогими пирами Римскихъ богачей. Такое сопоставленіе наводитъ Ювенала на обобщенія, доставившія пищу его насмѣшкамъ.

1) Аттикъ выставленъ здѣсь, какъ дѣйствительный богачъ, которому состояніе дозволяетъ давать утонченные пиры въ противоположность.

Еслижъ Рутилъ, то безумнымъ. Подлинно ктожъ возбуждаетъ [2])
Болѣе смѣху въ толпѣ, чѣмъ бѣдный Апицій? Во всѣхъ то [3])
Сборищахъ, баняхъ, харчевняхъ и въ цѣломъ театрѣ толкуютъ
Про Рутила. Затѣмъ что, пока его члены могучи,
Молоды, годны подъ шлемъ, пока и кровь въ немъ пылаетъ,
Безъ принужденія онъ, но безъ запрета Трибуна [7]),
Слышно, условье писать и слово дать хочетъ ланистѣ.
Далѣе многихъ ты видишь, какъ ихъ надуваемый часто
Кредиторъ поджидать привыкъ у входа на рынокъ,
Тѣхъ, что въ нёбѣ одномъ и жизни всю цѣль полагаютъ.
Лучше же всѣхъ и пышнѣй пируетъ самый злосчастный,
Тотъ, что скоро падетъ, ужь видя зарю разоренья.
Вкуснаго тою порой по всѣмъ они ищутъ стихіямъ
И никакая цѣна не сдержитъ желаній; вглядись ты
Поприлежнѣй, имъ тò и милѣй, что въ куплѣ дороже.
Точно не трудно опять подновить оскудѣвшія средства,

---

2) Рутилу, который промотавъ на пиры все до копѣйки, вынужденъ продаться въ рабство ланистѣ, т. е. содержателю гладіаторской школы. Поступокъ съ точки зрѣнія Римскаго гражданина ужасный и могущій возбуждать въ народѣ смѣхъ развѣ по нашей пословицѣ: „чужая бѣда людямъ смѣхъ“.

3) Апицій, смотр. (Сат. IV. 23), гдѣ этотъ богатый обжора иронически оже названъ бѣднымъ, но въ другомъ смыслѣ чѣмъ здѣсь, гдѣ Ювеналъ хочетъ сказать: что можетъ быть смѣшнѣе бѣдняка, корчащаго Апиція?

7) Трудно сказать какимъ образомъ трибунъ народный могъ бы припудить Рутила къ записи у ланисты, развѣ продажей за долги его имущества, чего онъ конечно не сдѣлалъ тамъ, гдѣ ничего не осталось. И Ювеналъ этого не прощаетъ моту, говоря: безъ запрета.

Блюдами, что заложилъ иль матери сломаннымъ бюстомъ, [18].)
Да въ ненасытный горшекъ четыреста сунуть сестерцій;
Такъ доходятъ они до гладіаторскихъ лакомствъ,
Важно поэтому, кто все тоже готовитъ; вѣдь роскошь
Только въ Рутилѣ одномъ, въ Вентидіѣ громкое имя [22])
Получая, влечетъ за имуществомъ славу. Того я
Вправѣ вполнѣ презирать, кто знаетъ насколько всѣхъ выше
Горъ Либійскихъ Атласъ, а самъ однако не знаетъ
Какъ до окованнаго сундука далеко небольшему
Кошельку. Съ небесъ низошло къ намъ γνῶθι σεαυτον [27]).
Это напечатлѣй и обдумай, въ груди сохраняя,
Въ бракъ ли желаешь вступить иль хочешь въ священномъ сенатѣ
Мѣсто занять; вѣдь никакъ для себя Ѳерситъ не желаетъ
Ахиллесова панцыря, въ коемъ Улиссъ то слышенъ былъ.
Коль защищать ты замыслилъ мудреное, шаткое дѣло,
Самъ ты себя вопроси, скажи себѣ, что ты такое:
Мощный ораторъ или крикунъ какъ Матонъ или Курцій? [34])

---

18) Конечно и блюда и бюстъ матери должны были быть серебряными, чтобы имѣть цѣну даже въ ломъ.

20) Въ казармахъ гладіаторовъ (ludi) пища давалась питательная, но самая простая, которая здѣсь насмѣшливо названа miscellanae лакомствами.

22) Вентидій, выставленъ какъ противоположность дѣйствительно богатаго человѣка промотавшемуся Рутилу.

27) Греческое изреченіе: „познай самого себя" должно руководить человѣкомъ и въ экономической и въ брачной и въ общественной жизни.

34) Матонъ знакомъ намъ изъ Сат. I. 32, и VII. 129. Курцій такой же высокопарный болтунъ, только не сенаторъ Курцій Монтанъ сат. IV. 107, котораго Тацитъ называетъ могучимъ vehemens ораторомъ.

Мѣру свою надо знать и хранить ее въ важныхъ занятьяхъ
И въ мельчайшихъ, когда покупается даже и рыба,
Не желай ты барвены, когда въ ларцѣ твоемъ только
На пискаря. Ибо что за исходъ тебѣ остается,
Коль все слабѣй кошелекъ, а глотка все шире. и сунулъ
Деньги отцовскія ты и добро въ утробу, въ которой
Деньги, проценты и скотъ и поля найдутъ помѣщенье?
У такихъ то господъ ужь послѣ всего и послѣдній
Перстень уходитъ, — затѣмъ Поллiонъ проситъ голой рукою.[43])
Не преждевременный прахъ, не горесть тяжкой кончины
Роскошь должны устрашать, а старость ужаснѣе смерти.
Часто тутъ степени есть: заемныя денежки въ Римѣ
Передъ довѣрившимъ ихъ проѣдаются; а какъ осталась
Малость какая нибудь и ссуду дававшiй блѣднѣетъ,
Мѣсто мѣняютъ они и кинутся въ Баи на устрицъ.
Вѣдь не стыднѣй покидать и рынокъ, чѣмъ выселяться
На Эсквилинъ, чтобы тамъ укрыться отъ душной Субуры.
Только горе одно у бѣгущихъ изъ родины, только
И печали, что годъ пришлось оставаться безъ зрѣлищъ.

---

[43]) Поллiонъ является и въ IX Сат. 6, какъ мотъ, предлагающiй тройные проценты и ненаходящiй кредиторовъ. Вѣроятно современная поэту, но намъ неизвѣстная личность.

Капли нѣтъ крови въ лицѣ; немногіе сдерживать станутъ
Стыдъ смѣшной, что совсѣмъ убѣжать изъ города хочетъ.
Нынѣ узнаешь ты самъ, словамъ ли вѣренъ прекраснымъ [56]),
Персикъ, я жизнью моей и нравами также на дѣлѣ;
Не хвалю ли стручковъ я, будучи въ тайнѣ обжорой,
Каши при всѣхъ заказавъ, не шепчу ли рабу про лепешки.
Ибо какъ ты обѣщалъ быть гостемъ моимъ, то Эвандра
Встрѣтишь во мнѣ, хоть придешь Тиринтійцемъ ты или меньшимъ
Гостемъ тѣмъ, что и самъ по крови сближается съ небомъ:
Этотъ волною, другой же огнемъ до звѣздъ вознеслися. [63])
Слушай о блюдахъ теперь, никакимъ не украшенныхъ рынкомъ.
Съ Тибуртинскаго намъ появится поля жирнѣйшій
Козликъ, нѣжнѣе онъ всѣхъ въ стадѣ, не знающій травки

---

56) Мы полагаемъ, что приглашаемый на скромный ужинъ, исторически неизвѣстный, Персикъ былъ богатый, знакомый Ювеналу холостякъ, ибо не возможно допустить, чтобы такой тонкій человѣкъ какъ Ювеналъ, приглашая богача на скромный ужинъ, приправилъ послѣдній намеками въ стих. 185—189, на ростовщичество послѣдняго и безнравственное поведеніе его супруги.—Поэтому необходимо предположить, что Персикъ холостякъ, которому его амфитріонъ только вчужѣ показываетъ, какія могутъ у другихъ быть тяжкія заботы.

60) Эвандръ, сынъ Меркурія и нимфы Карменты, съ аркадскими выходцами до паденія Трои основалъ на Тибрѣ колонію. Что Греки приписываютъ своему Кадму, то въ дѣлѣ образованія Римляне считали заслугой Эвандра, принимавшаго у себя Тиринтійца Геркулеса.

63) Этотъ Эней тоже по матери Венерѣ небеснаго происхожденія исчезъ въ ночной битвѣ съ Латинцами на берегу рѣки Нумика, тогда какъ Геркулесъ сгорѣлъ на кострѣ. Вода очищающая, а огонь выдѣляющая стихія.

И не смѣвшій глодать побѣговъ низменной ивы;
Болѣе въ немъ молока чѣмъ крови; дадутъ намъ нагорной
Спаржи, которую ключница, пряжу оставя, сбирала.
Кромѣ того будутъ теплыя прямо изъ гнутаго сѣна
Крупныя яйца и съ ними ихъ матери и сохраненный
Годъ почти виноградъ такимъ, какъ былъ онъ на лозахъ.
Груши Сигнійскія, Сирскія и изъ той же корзины [73])
Яблоки шлютъ ароматъ, не уступая Пиценскимъ;
Ты ихъ не бойся: съ тѣхъ поръ какъ холодъ въ нихъ высушилъ осень
И потеряли они зловредность сока сыраго.
Нѣкогда ужинъ такой и нашему даже сенату
Роскошью былъ. И Курій тотъ овощъ, что въ тѣсномъ саду онъ
Бралъ, на скромный очагъ самъ ставилъ, а имъ уже нынѣ
Брезгаетъ грязный копачъ въ кандалахъ огромныхъ и помнитъ
Какъ въ харчевнѣ съ огня привлекательно вымя свиное.
Плечи копченой свиньи, висящія въ рѣдкой плетенкѣ
Былъ обычай тогда сохранять для праздниковъ только
И предлагать роднымъ ко дню рожденія сала
Свѣжаго, если отъ жертвъ осталось, прибавивши мяса.

---

70) Изъ корзинъ или плетушекъ согнутыхъ изъ сѣна для насѣдокъ.

73) По имени Сигнія городка въ Лаціумѣ конечно какъ и Сирскія только сорты, но мѣстнаго происхожденія.

80) Рабъ въ цѣпяхъ.

Изъ родныхъ кто нибудь, кто званіе консула трижды
И начальника лагеря и диктатора съ честью
Отбывалъ, приходилъ къ такимъ торжествамъ съ позаранку,
Стоймя кирку унося съ горы, на которой работалъ,
Но какъ страшились они еще Фабіевъ, строгихъ Катоновъ,
Скавровъ или Фабрицієвъ, да суроваго нрава
Цензора даже и самъ его сотоварищъ боялся,
То никто не считалъ заботою подлинно важной
Знать, какая въ волнахъ Океана живетъ черепаха,
Чтобы ей пышною статъ, благородной кроватью Троянцамъ.
Но безъ убранства съ боковъ, въ головашкахъ скромныхъ изъ мѣди [96])
Выставляло въ вѣнкѣ ослиную голову ложе,
И забавлялись вокругъ шаловливыя сельскія дѣти.
Пища то вѣдь такова каковъ самъ домъ и пожитки.
Тамъ суровый солдатъ, неспособный искусствами Грековъ
Восхищаться, когда громилъ города, получая
Часть добычи, ломалъ величайшихъ художниковъ кубки,
Чтобы бляхами конь красовался, а каска рѣзные
Лики Ромуловской волчицы, судьбой государства

---

95) Патрицію ведущему родъ отъ троянскихъ выходцевъ.

96) Скромное ложе въ атріумѣ, гдѣ днемъ играли дѣти, въ головашкахъ было украшено мѣднымъ рельефомъ вѣнчаннаго осла. Оселъ посвященъ былъ непорочной Вестѣ за то, что крикомъ своимъ пробудилъ и спасъ ее отъ Пріапа, а увѣнчанъ онъ виноградными побѣгами за то, что обгладывая ихъ, научилъ людей обрѣзываніемъ лозъ умножать ихъ плодородіе.

100) Ювеналъ показываетъ, какъ суровый воинъ лишь на столько цѣнитъ художественныя произведенія, на сколько они, отломленныя отъ кубковъ и другой движимости, могли украшать его коня и оружіе.

Укрощенной, а тутъ близнецовъ подъ скалою Квиринскихъ
И въ изваяньи нагомъ со щитомъ и копьемъ въ приближеньи
Нисходящаго бога—врагу на погибель казала.
Такъ и кашу свою въ горшкѣ они ставили Тусскомъ,
А наличное все серебро на оружьи блистало;
Все то было тогда завидно, коль точно ты желченъ.
Храмовъ было слышнѣй величіе и среди ночи
Голосъ, что слышался всѣмъ средь города, ежели Галлы
Отъ береговъ Океана къ намъ приближались,—и боги
Прорицателей долгъ исполняли. Такъ наставлялъ насъ,
Такъ о Латинскихъ дѣлахъ бывалъ исполненъ заботы
Глиняный, златомъ еще не оскверненный Юпитеръ.
Столъ изъ домашняго лишь, у себя взращеннаго лѣсу
Видѣли въ тѣ времена; то дерево шло на подѣлку,
Ежели старый орѣхъ сваленъ былъ Эвромъ случайно.
Нынѣ жъ богатому нѣтъ никакой отрады за пиромъ,
Въ камбалѣ и въ газели нѣтъ вкуса, словно воняютъ
Благовонья и розы, коль крышу стола не подъемлетъ
Чернаго дерева столбъ и пардъ на дыбахъ, оскаляясь [123]),

123) Мастерское описаніе главной столовой тумбы изъ чернаго дерева, окруженной дыбящимися пардами изъ слоновой кости.

Самъ изъ тѣхъ онъ клыковъ, что шлютъ врата намъ Сіены [124]),
Да проворные Мавры, и Мавра темнѣйшій Индіецъ,
И которые звѣрь покинулъ въ лѣсу Набатейскомъ [126]),
Ужь не вподъемъ головѣ большіе. Отсюда и позывъ,
Тутъ и желудокъ сильнѣй; вѣдь имъ серебро этой ножки
То жь, что на пальцѣ кольцо желѣзное. Я обѣгаю
Гордаго гостя, который меня по себѣ измѣряетъ
И на скудность глядитъ съ презрѣньемъ. Кости слоновой
Унціи нѣтъ у меня, ни марки, ни кости игральной
Изъ матерьялу такого, затѣмъ что и ручки ножей то
Костяныя. Межъ тѣмъ отъ нихъ не пахнетъ приправа
Ржавчиной, и оттого не худшую курицу рушатъ.
Но ни кравчаго нѣтъ, которому вся уступаетъ
Школа, такого, что самъ отъ ученаго Триѳера вышелъ, [137])
У котораго вымя, кабанъ, антилопа и заяцъ,
Скиѳскія птицы, громадный фламинго съ Гетульской газелью,
Самыя дивныя вещи тупымъ ножемъ разнимаютъ
И вязовый то пиръ по всей раздается Субурѣ.

---

[124]) Полуостровъ и городъ Сіена на Нилѣ у границъ Эѳіопіи и Египта, откуда приходила Нубійская слоновая кость.

[126]) Набатея собственно страна въ Каменистой Аравіи, гдѣ слоновъ быть не могло и потому здѣсь объясняютъ это страной Троглодитовъ въ Африкѣ у арабскаго залива.

[130]) Равняетъ, требуетъ какъ отъ богача.

[135]) Триѳеръ, ученый кравчій, глава школы, въ которой вся кухонная живность и Скиѳскія птицы (фазаны) были складныя деревянныя (вязовый пиръ) какъ разъ соотвѣтственно кускамъ, на какіе слѣдовало ихъ разнимать. Ученики это дѣлали тупыми ножами и конечно стукъ колчужекъ слышался на многолюдной Субурской улицѣ.

Ни куска отъ козы утащить, ни грудки отъ птицы
Африканской не ловокъ у насъ ротозѣй и неряха
Вѣчный, привыченъ тайкомъ питаться кусочками мяса.
Кубки плебейскіе намъ, цѣною лишь въ нѣсколько ассовъ,
Малый предложитъ, одѣтый грубо, но въ стужу надежно.
Не Фригіецъ или Ликіецъ (*не у торговца*
Взятъ изъ нихъ кто нибудь), коль спросишь, спроси по латыни.
Таже одежа у всѣхъ, ихъ волосы прямы и въ стрижку
И лишь сегодня у нихъ расчесаны пиршества ради.
Этотъ вотъ сынъ пастуха, а этотъ сынъ вологона,
Все вздыхаетъ по матери, долго ея не видавши,
Да по избѣ и въ тоскѣ стремится къ знакомымъ козлятамъ,
Малый съ открытымъ лицемъ и совѣстью также открытой,
Какъ бы у тѣхъ быть должно, что одѣты въ пылающій пурпуръ.
Преждевременно зрѣлъ, бася не вступаетъ онъ въ баню,
Не велитъ у себя щипать подъ мышками волосъ
И боязливо свой стыдъ не скрываетъ сосудомъ съ елеемъ.
Онъ поднесетъ тебѣ винъ, что по тѣмъ холмамъ собирались,
Съ коихъ онъ прибылъ и самъ, у вершинъ которыхъ игралъ онъ;
Ибо родина тажъ у вина и того кто подноситъ.
Не ожидаешь ли ты, что громкій хоръ Гадитаной [162])

---

[162]) Гадитаны, изъ Гадеса, (Кадикса), извѣстные въ Римѣ сладострастными тѣлодвиженіями плясуньи съ кастаньетами.

Станетъ тебя шевелить и рады, что имъ рукоплещутъ,
Дѣвы, задомъ вертя, начнутъ до земли опускаться?
Съ мужемъ улегшись рядкомъ, на это замужнія смотрятъ,
А иному при нихъ и разсказывать это зазорно,
Это только задоръ для гаснущей страсти, крапива
Жгучая для богачей. Но пущее тутъ наслажденье
Полу другому. Сильнѣй его разбираетъ и только
Ухо коснется иль глазъ, сейчасъ повернется утроба.
Скромный домъ мой такихъ забавъ не знаетъ. Пусть внемлетъ
Трескъ кастаньетъ при словахъ, какихъ нагая рабыня,
Въ душномъ вертепѣ стоя, не выскажетъ, пусть веселится
Тотъ безстыдствомъ рѣчей и всѣмъ сладострастьемъ искусства,
Кто плевками вина пятнаетъ мраморъ Лаконскій;
Вѣдь богатству мы тутъ прощаемъ. Игральныя кости
Гнусны, любодѣяніе гнусно тожь не имущимъ.
Тоже продѣлай вонъ тѣ,—прослывутъ за изящноигривыхъ.
Наше пиршество дастъ сегодня забавы другія:
Будутъ намъ пѣть творца Иліады, а также Марона
Громозвучную пѣснь, что спорить готова о пальмѣ.
Что тутъ голосъ, когда стихи такіе читаютъ?
Но отклони ты теперь всѣ дѣла, откинувъ заботы
И отрадный покой себѣ дай, когда довелося

---

175) Какъ это дѣлаютъ тонкіе знатоки, выплевывая пробуемое ими вино на помостъ изъ мрамора, вывезеннаго изъ Спарты.

180) Поэма Виргилія готова спорить съ Гомеровскими.

Цѣлый день отдыхать. Ни единая мысль о прибыткѣ
Пусть не придетъ и не тронетъ въ молчащемъ желчи супруга,
Что на разсвѣтѣ ушла и вернулась ночью, принесши
Покрывало увлаженнымъ и въ подозрительныхъ складкахъ,
Волосы спутаны всѣ и въ пламени щеки и уши.
Все что давитъ отбрось сейчасъ предъ моимъ ты порогомъ,
Домъ забудь ты и слугъ и все, что они расколотятъ,
Неблагодарныхъ товарищей прежде всего позабудь ты.
Между тѣмъ значки Мегалезій объ играхъ Идейскихъ [193])
И торжествѣ ихъ гласятъ, подумаешь, словно въ тріумфѣ
Преторъ—жертва коней возсѣдаетъ и,—коли слово
Мнѣ великая, мощная чернь промолвить дозволитъ,
* * * * * * * * *
Циркъ сегодня въ себѣ вмѣщаетъ весь Римъ и мнѣ въ уши
Грохотъ проникъ, заключаю по немъ о побѣдѣ зеленыхъ [198])
Вѣдь проиграй-ко они, ты видѣлъ бы грустной, сраженной
Нашу столицу, какъ будто при Каннахъ во прахѣ разбиты

193) Торжество Мегалезій въ честь (μεγαλη μητηρ) великой матери боговъ Цибелы съ 4-го по 10 апрѣля. Къ открытію ихъ начальствующій (въ большинствѣ случаевъ преторъ) подавалъ знакъ знаменемъ (значкомъ).

195) О тріумфальномъ одѣяніи претора сличи (Сат. X. 36). Жертвой коней преторъ названъ потому, что принужденъ прибавлять громадные призы для побѣдившихъ коней.

198) Состязатели раздѣлялись по цвѣтамъ наѣздниковъ на бѣлыхъ, красныхъ, синихъ и зеленыхъ, что потомъ перешло въ Византію.

Консулы. Юноши пусть на это смотрятъ; къ лицу имъ
Съ крикомъ заклады держать и сѣсть близъ красивой дѣвицы.
Вешнимъ солнцемъ упейся наша морщлявая кожа,
Сбросивъ тогу. Уже ты можешь отправиться въ баню
Не смущаясь, хотя до шести еще часъ будетъ добрый.
Этого ты пять дней подрядъ не могъ бы продѣлать,
Такъ какъ даже такая жизнь ужасно наскучитъ.
Наслажденьямъ способствуетъ рѣдкое къ нимъ обращенье.

САТИРА XII.

Нынѣшній день мнѣ, Корвинъ, пріятнѣй чѣмъ праздникъ рожденья;
Ждетъ торжественный дернъ богамъ обреченную жертву [2]).
Я царицѣ небесъ подведу бѣлоснѣжную ярку,
Шерстью такой же снабдимъ и длань съ Мавританской Горгоной [4]);

---

205) Здѣсь ты можешь мыться и въ 5 часовъ, по нашему въ 11 утра, а не какъ въ Римѣ послѣ 8, т. е. въ 2 или 3 пополудни.

Сатира XII.

Спасеніе друга Катулла изъ великихъ опасностей вызываетъ поэта къ радостному жертвенному пиру, на который онъ приглашаетъ другаго друга своего **Корвина**. Ни тотъ, ни другой намъ неизвѣстны.

2) **Дернъ** алтарь дерновый, такъ какъ пиршество въ открытомъ полѣ.

4) Стихъ вполнѣ соотвѣтственный причудамъ Ювенала, постоянно мѣшающаго серьезный тонъ съ цинически-насмѣшливымъ и любящаго называть вещи не прямымъ, а самымъ изысканно-отдаленнымъ опредѣленіемъ. Въ предыдущемъ стихѣ онъ обѣщаетъ молодую овцу—ярку Юнонѣ, а здѣсь онъ хочетъ сказать, что ярокъ назначено двѣ. Одна Юнонѣ, а другая Минервѣ, побѣдительницѣ посредствомъ щита, на которомъ сверхъ (αἰγίς) **козьей шерсти** прикрѣплена голова Горгоны Медузы, коей родиною считалась западная Африка (Мавританія).

Но своевольно вдали напрягаетъ жертва веревку
И склоняетъ свой лобъ; ей пасть предъ Тарпейскимъ Зевесомъ.
То отважный телецъ, на алтарь созрѣвшій и въ храмахъ
Быть орошеннымъ виномъ, которому стыдно сосать ужъ
Мать и который деретъ дубки подростающимъ рогомъ.
Еслибъ богатство въ дому моему усердью равнялось,
Я приволокъ бы вола жирнѣе Гиспуллы, такого, [11])
Что отъ тука лѣнивъ, вскормленъ не сосѣдней травою,
А о привольи луговъ Клитумна вѣщая породой, [13])
Лишь здоровеннымъ жрецомъ быть долженъ ударенъ въ затылокъ,
Ради возврата досель дрожащаго друга, что вынесъ
Страшнаго столько и самъ дивится, что цѣлъ онъ остался.
Ибо помимо невзгодъ морскихъ и молній ударовъ
Онъ избѣжалъ. Густой темнотой охватила все небо
Туча одна и огонь внезапно ударилъ по реямъ;
Каждый считалъ, что его поразило и каждый со страху
Счелъ, что нельзя сравнить никогда кораблекрушенья
Съ тѣмъ, какъ горятъ паруса. Подобное все совершилось
И на столько ужасно, на сколько въ стихахъ возникаетъ [23])

---

11) Про Гиспуллу, упоминаемую въ Сат. VI ст. 74, какъ любовницу трагика, схоліастъ говоритъ, что она была жирная дама matrona pinguis.

13) Рѣка Клитумнъ въ Умбріи славилась, какъ сообщающая бѣлый цвѣтъ всѣмъ изъ нея пьющимъ животнымъ.

23) Все—даже рѣзкое сочетаніе темноты съ ударами молніи дѣйствительно случилось, точно въ стихотвореніи подобранные ужасы.

Буря. Послушай теперь другаго рода несчастье
И опять пожалѣй, хотя они части лишь той же
Горькой судьбы, хорошо знакомой многимъ, о коей
Посвященной доской нерѣдко часовни вѣщаютъ [27]).
Кто же не знаетъ, что хлѣбъ даетъ живописцамъ Изида? [28])
Сходная съ этимъ судьба и нашему вышла Катуллу,
Какъ вполовину былъ трюмъ водою наполненъ и также
Волны съ обѣихъ сторонъ корму разрушать принимались
И помочь кораблю никакое знанье сѣдаго
Кормчаго ужъ не могло, онъ началъ бросаньемъ мириться
Съ вѣтрами, въ этомъ бобру подражая, который себя же
Эвнухомъ дѣлаетъ самъ, желая спастися утратой
Плоти; вотъ до чего струи онъ знаетъ цѣлебность [36]).
„Все, что есть у меня,—кричалъ Катуллъ,—побросайте".
Выкинуть даже готовъ онъ самое лучшее платье
Пурпурное, что подъ стать изнѣженнымъ лишь Меценатамъ;
И другія, въ которыхъ природа травы благородной
Красила самую шерсть, но сокровенною силой
Тутъ и ключъ превосходный помогъ и воздухъ Бэтійскій. [42])
Не пожалѣлъ онъ бросать серебра, ни блюдъ, что работалъ

---

[27]) Избавившіеся отъ крушенія заказывали живописцамъ изображенія на доскѣ всѣхъ своихъ бѣдствій и ставили доски въ храмахъ, или надѣвъ ихъ на шею, просили милостыни.

[28]) Въ императорское время, привившаяся въ Римѣ Изида стала покровительницей плавателей.

[36]) Бобровой струи, капризное сближеніе!

[42]) Рѣка Бэтисъ (Гвадалквивиръ) слыла сообщающей розовый цвѣтъ испанской овечьей шерсти.

[44]) Парѳеній по схоліасту серебрянникъ. Мѣру урны смотр. Сат. VI,426.

Самъ Парѳеній, ни кубка обширнаго, мѣрою въ урну [44]
И достойнаго Пола поить иль Фуска супругу;
Тожь полоскательныхъ чашъ да тысячи мисокъ и много
Чаръ, изъ коихъ пивалъ хитрецъ покупатель Олинѳа. [47])
Но теперь кто другой найдется ли въ цѣлой вселенной,
Ктобъ серебру предпочелъ свою голову,—жизнь достоянью?
Не для жизни иные себѣ наживаютъ достатокъ,
А ослѣплены алчбой живутъ лишь ради достатка.
Большая кинута часть полезныхъ вещей, но не легче
Послѣ утратъ. Уже тутъ, съ возрастающимъ бѣдствіемъ только
Припоминаютъ, чтобъ мачту срубить топоромъ; такъ и спасся
Онъ изъ стѣсненья. Бѣда уже крайняя, ежели помощь
Мы подаемъ кораблю лишь тѣмъ, что его уменьшаемъ.
Вотъ и ступай, предавай вѣтрамъ свою душу, довѣрясь
Дереву струганому, отъ смерти лишь на четыре
Пальца, или на семь, коль точно бревно по плотнѣе.
Какъ только сѣтокъ набралъ и хлѣба съ пузатою флягой,
То не забудь прихватить топоровъ, для помощи въ бурю.

---

45) Полъ Центавръ, выпивавшій громадные кубки. Супруга Фуска, соперничествующая съ Центавромъ быть можетъ упоминаемая, сат. VI, 320, Савфея.

47) Филиппъ Македонскій, взявшій Олинѳъ подкупомъ, (50 и 51). Явно вставочные стихи.

60) Мы полагаемъ, что reticulis здѣсь какъ наши торбы для поклажи.

Но когда улеглось равниною море, и время
Благопріятное, вмѣстѣ съ судьбою пловца, одолѣло
Эвръ и волну; когда благосклонныя Парки запряли
Весело лучшій урокъ и основу затѣяли пряхи
Бѣлую, вѣтеръ же сталъ чуть легкаго крѣпче дыханья,
То несчастный корабль поплылъ съ безсильнымъ искусствомъ,
Распутивши одежды, и лишь съ однимъ, что остался,
Парусомъ. Вотъ при вѣтрахъ смолкающихъ съ солнцемъ восходитъ
И надежда на жизнь; тогда отрадный Іулу
И Лавинію милый по мачихѣ видѣнъ пріютъ сталъ
Острой вершиной своей; ему сообщила прозванье
Супоросъ бѣлая, всѣмъ Фригійцамъ вымя на диво [73])
И невидывано—тридцатью украшаясь сосцами.
Входитъ межъ тѣмъ онъ по сжатымъ волнамъ,— въ устроенномъ молѣ
До Фароса Тирренскаго, вспять обратившаго руки,
Что, выбѣгая впередъ въ открытое море, далеко
Оставляютъ Италію,—насъ природные порты
Поражаютъ не такъ,—но кормою разбитою кормчій
Входитъ во внутренній ставъ надежной бухты, знакомой
Байскимъ ладьямъ. Тутъ, свои волоса остригши, матросы [81])
Уцѣлѣвшіе рады болтать о всякихъ напастяхъ.

---

70) Іулъ (Асканій) сынъ Энея и Креузы избралъ себѣ горы Алба-Лонги, куда онъ переселился изъ Лавиніума (по имени мачихи его Лавиніи).

73) Супоросная свинья съ 30 поросятами, видѣнная Энеемъ во снѣ, должна была стать на яву для него добрымъ предзнаменованіемъ.

80) Внутренній ставъ, Лукринское озеро близъ Бай.

81) Спасенные отъ смерти стригли волосы и посвящали ихъ богамъ избавителямъ.

Такъ ступайте жъ ребята, съ набожнымъ духомъ и рѣчью
Въ храмы несите вѣнковъ и муки на ножи насыпайте [84]),
Мягкій украсьте алтарь и глыбы зеленаго дерна!
Я уже слѣдомъ пойду и, свершивъ, что должно по чину,
Въ домъ возвращуся опять, чтобъ малыя тамъ изваянья,
Тѣ, что изъ утлаго воску блестятъ, украсить вѣнками [88]).
Нашего тутъ ублажу я Юпитера, Ларамъ отцовскимъ
Ладономъ я воскурю, разноцвѣтныхъ разброшу фіалокъ.
Все блеститъ: у дверей ужъ тянутся длинныя вѣтви
И возвѣщается день торжества при раннихъ лампадахъ.
Подозрѣнья ты тутъ, Корвинъ, не питай: у Катулла,
Ради возврата котораго я алтарей столько ставлю,
Три наслѣдника есть. Поищи-ко, кто бы больную
Курицу, что ужъ глаза закрываетъ, пожертвовалъ другу,
Столь безплодному; нѣтъ, то былъ бы расходъ непомѣрный;
Перепелки никто для отца не убьетъ. Но почувствуй [98])
Жаръ изъ богатыхъ какой бездѣтный Галлита иль Пацій [99])

84) Жертвенные ножи посыпались мукой, чтобы ссыпать ее на голову жертвы.

88) Восковые бюсты предковъ.

95) Видимо риторическій пріемъ для нападковъ на ненавистныхъ искателей чужихъ наслѣдствъ: ибо невозможно въ пиршествѣ, по случаю спасенія друга отъ гибели, видѣть гоньбу за наслѣдствомъ.

98) Не столько по малому росту перепела были не въ почетѣ у гастрономовъ, сколько потому, что считались вредными, какъ многими и понынѣ. Больная курица постоянно закрываетъ глаза. Надо быть истымъ поэтомъ, чтобы неупустить этой черты.

99) Лихорадочный жаръ. Два богатыхъ неизвѣстныхъ намъ старика холостяка Галлита и Пацій.

То объявленьями весь покроютъ законными портикъ
И найдутся такіе, что гекатомбъ обѣщаютъ;
Такъ какъ у насъ не найдешь слоновъ и нѣтъ ихъ въ продажѣ,
Ни въ Лаціумѣ, нигдѣ подъ нашимъ небомъ подобный
Не зарождается звѣрь, а берется отъ чернаго люду
И въ Рутулійскихъ лѣсахъ на Турновомъ полѣ пасется
Цезарскій скотъ и служить онъ частнымъ людямъ не станетъ.
Хоть и Тирскому то Аннибалу когда то служили [107])
Да и нашимъ вождямъ и царю Молосскому предки [108]).
Этихъ звѣрей, и несли на спинѣ когорты и части
Нужныя въ дѣлѣ войны и башню идущую въ битву.
Стало быть нѣтъ задержки отъ Новія, нѣтъ и задержки
Отъ Пакувія Гистра клыки эти весть на закланье [112])
Предъ алтаремъ Галлитовыхъ ларъ, единственной жертвой,
Этихъ достойной боговъ и ихъ же ловцевъ по наслѣдствамъ.
А Пакувій, дай волю ему убивать, обречетъ вѣдь
Изъ толпы то рабовъ красивыхъ самыхъ и рослыхъ,

---

100) Портикъ храма увѣшаютъ закономъ дозволенными таблицами обѣтовъ, смотр. X. 55.

105) Только изъ этого мѣста видно, что въ области Рутуловъ, древнемъ достояніи Турна, былъ императорскій звѣринецъ со слонами, вѣроятно привозными, такъ какъ слоны плодятся только на волѣ.

107) Карѳагенъ, Тирская колонія и Аннибалъ названъ Тирскимъ.

108) Молоссъ, мѣстность въ Эпирѣ, почему и Пирръ получилъ это названіе у Ювенала, постоянно ищущаго избѣжать избитаго и потому впадающаго въ искусственность.

112) Новій и Пакувій Гистръ неизвѣстные гонцы за наслѣдствами.

Даже мальчикамъ онъ и дѣвочкамъ на лобъ повязокъ
Понавяжетъ, и если въ дому у него есть невѣста,
Ифигенія что ли, и ту на алтарь приведетъ онъ,
Хоть безъ надеждъ на замѣну тайкомъ трагической ланью.
Я своего гражданина хвалю; не сравню съ завѣщаньемъ
Тысячи я кораблей; какъ избѣгнетъ больной Либитины,
То и таблицы затретъ, и въ вершу попавъ, послѣ дивной [123]
Этой заслуги пожалуй онъ Пакувію прямо
Все отдастъ одному; а соперниковъ тотъ побѣдивши,
Гордо расхаживать станетъ. И такъ ты видишь какую [126]
Цѣну дѣлу придастъ уроженку зарѣзать Микены.
Пусть Пакувій живетъ не меньше Нестора, пусть онъ
Будетъ богатъ какъ Неронъ, награбившій золота горы,
Но никого ни любить, ни самъ любимымъ не будетъ.

---

120) Пакувій, не страшись онъ казни за убійство, готовъ въ душѣ изъ за будущаго богатства заколать въ жертву рабовъ и привязывать жертвенныя повязки дѣтямъ, даже незадумается пожертвовать дочерью невѣстой, хотя не можетъ расчитывать, что Діана подмѣнитъ ее ланью какъ Ифигенію.

123) Пакувій правъ: больной оправившись пожалуй затретъ прежнія таблицы завѣщаній и все отдастъ ему Пакувію.

126) Уроженка Микенъ Ифигенія, т. е. здѣсь дочь Пакувія.

Д. ЮНІЯ ЮВЕНАЛА

САТИРЪ

КНИГА ПЯТАЯ.

Сатира XIII.

Только примѣрное зло совершится, оно непріятно
Самому же виновнику. Въ томъ и первая кара,
Что предъ собою самимъ ни одинъ не оправданъ зловредный,
Хоть нечестиваго претора лживой помилованъ урной.[4])
Какъ полагаешь, Кальвинъ, о новомъ судятъ проступкѣ
Люди и уголовномъ такомъ нарушеньи довѣрья?
Но не настолько ты тощъ состояніемъ, чтобъ небольшая
Тяжесть урона тебя утопила, не столь же и рѣдко
Видимъ мы зло, какъ твое; тутъ случай многимъ знакомый,
Даже избитый и прямо изъ кучи всѣхъ жребіевъ взятый.

Сатира XIII.

Въ настоящей сатирѣ Ювеналъ, утѣшая друга своего Кальвина насчетъ убытка, нанесеннаго ему недобросовѣстнымъ пріятелемъ, которому Кальвинъ довѣрилъ деньги, говоритъ о неизбѣжномъ и тяжкомъ наказаніи, которое преступникъ находитъ въ собственной совѣсти.

4) Въ Римѣ во времена Ювенала было пять декурій или группъ судей, которые засѣдали поочередно. Въ урну претора бросали таблички съ ихъ именами, причемъ лживый, пристрастный въ пользу подсудимаго, преторъ могъ пускаться въ подтасовку желаемыхъ голосовъ, читая напримѣръ не то имя, что стояло на табличкѣ.

10) Куча жребіевъ,—множество житейскихъ случайностей.

Полно излишне стонать. Пылать черезъ мѣру въ мужчинѣ
Скорбь не должна и, быть обширнѣй чѣмъ самая рана.
Ты же частичку ничтожную, мелкую легкихъ несчастій
Вынести въ силахъ едва; закипаешь ты всею утробой,
Что не вернулъ тебѣ другъ поклажи довѣренной свято.
Иль это въ диву тому, кто уже за спиною оставилъ
Лѣтъ шестьдесятъ, и еще въ консулатъ Фонтея родился? [17])
Или нѣтъ лучшихъ плодовъ изъ опыта стольких событій?
Подлинно мудрость сильна, что въ книгахъ священныхъ насъ учитъ,
Какъ судьбу побѣждать; но мы и тѣхъ почитаемъ
За счастливцевъ, которыхъ жизнь научила невзгоды
Жизни сносить и ярма не сотрясать понапрасну.
Гдѣ столь праздничный день, чтобы онъ не выставилъ вора,
Вѣроломства, обмановъ и всей преступленьемъ стяжанной
Прибыли и отъ меча или яду родившихся денегъ?
Рѣдко хорошіе есть, едва ли ихъ столько же, сколько
Вратъ у Ѳивъ, а не то у богатаго Нила есть устій.
Нынѣ настала пора и вѣка желѣзнаго хуже,
Время пришло для злодѣйствъ, которыхъ даже природа

---

17) Фонтей Капитонъ былъ консуломъ въ 59 г. по Р. Хр.

Имя чтобъ подобрать не знаетъ такого металла.
Судъ людей и боговъ съ такимъ призываемъ мы крикомъ,
Какъ Фэзидія рѣчи горластая хвалитъ подачка,[32])
Иль ты не знаешь, старикъ, достойнѣйшій ладонки, сколько[33])
Прелести въ деньгахъ чужихъ? Не знаешь какой ты въ народѣ
Смѣхъ возбуждаешь своей простотой, какъ требовать станешь
Отъ кого либо, чтобъ не клялся онъ лживо,—и вѣрилъ
Что божество есть во храмахъ, на алтарѣ обагренномъ?
Нѣкогда въ нравахъ такихъ туземцы жили, покуда,
Снявъ діадему, Сатурнъ косы не избралъ земледѣльца
Въ бѣгствѣ своемъ, да пока была дѣвченкой Юнона,
А Юпитеръ былъ частнымъ жильцомъ въ Идейскихъ пещерахъ[41]),
Не бывало пировъ небожителей надъ облаками,
Ни Иліонскій слуга, ни красотка жена Геркулеса[43])
Не подавали имъ чашъ и некторъ Вулканъ осушивши
Невытиралъ себѣ рукъ отъ горна Липарскаго черныхъ.
Завтракалъ каждый себѣ въ одиночествѣ богъ и подобной

---

30) Послѣ золотаго, серебряннаго, мѣднаго и желѣзнаго.

32) Рѣчи адвоката Фэзидія вызываютъ оглушительные крики сочувствія въ толпѣ его кліентовъ, получающихъ отъ него подачку, (sportula).

33) Ладонка, смотр. сат. V. 164.

40) По одному преданію, владычеству Олимпійцевъ предшествовало владычество Титановъ съ Сатурномъ во главѣ.

41) Гора Ида на островѣ Критѣ родинѣ Юпитера.

43) Иліонскій слуга—Ганимедъ. Жена Геркулеса—Геба.

Не бывало толпы боговъ какъ нынѣ—и небо,
Малымъ довольно числомъ безсмертныхъ, давило полегче
Бѣднаго Атласа и никому еще жребій не отдалъ
Грустнаго царства пучинъ иль Плутону съ Сикульской супругой.
Не было ни колеса, ни Фурій, ни камня, ни казни [51])
Чернымъ коршуномъ, а безъ начальствъ веселилися тѣни.
Въ этомъ вѣкѣ была изумительнымъ чѣмъ то безчестность;
Тамъ считалось большимъ проступкомъ и смерти достойнымъ,
Ежели юноша встать не хотѣлъ передъ старцемъ, иль мальчикъ
Предъ бородатымъ какимъ, хотя-бъ земляники и больше
Видѣлъ онъ въ домѣ своемъ и огромнѣе желудей кучи [57]).
Тамъ внушало почетъ на четыре предшествовать года,
Даже и первый пушекъ отвѣчалъ за священную старость.
Нынѣ, ежели другъ отъ поклажи чужой не отперся,
Если онъ старый мѣшокъ возвращаетъ съ мѣдяшками всѣми,
Дивная честность его достойна писаній Этрусскихъ [62])

---

50) Хотя и въ морской пучинѣ для насъ мало веселаго, но такъ какъ эпитетъ triste принадлежность ада, то и грустное царство пучинъ надо признать не областью Нептуна, какъ признаютъ многіе, а адомъ подвластнымъ Плутону съ Сикульской (похищенной у Сицилійскаго города Генны, или Энны), Прозерпиной. Но такому пониманію мѣшаетъ раздѣлительное: иль, aut.

51) Колесо указываетъ на Иксіона, камень на Сизифа и черный коршунъ на Титія.

57) Богатство первобытныхъ людей, т. е. хотя бы онъ самъ былъ изъ болѣе достаточнаго дома.

62) Достойна быть вопросомъ въ священныхъ этрусскихъ книгахъ.

И вѣнчанною ярочкой ей надлежитъ освятиться.
Если примѣрнаго, честнаго мужа я вижу, то къ чуду
Мальчика съ тѣломъ двойнымъ иль къ рыбѣ на диво подъ плугомъ
Найденной я приравню или къ лошачихѣ жеребой.
Страшно, какъ если-бъ дождемъ низвергалися камни и пчелы
Роемъ длиннымъ какъ гроздъ на вершинѣ храма насѣли [68])
Еслибы въ море рѣка устремлялась въ водоворотахъ
Странныхъ и молокомъ на стремени шумномъ неслася.
Или плачешь, что десять тысячъ сестерцій обманомъ
Ухватили съ тебя? Что жъ если другой двѣсти тысячъ
Такъ тайкомъ потерялъ? а третій и большую сумму,
Что и огромный сундукъ въ своемъ не вмѣстилъ бы пріютѣ?
Такъ имъ просто, легко презирать свидѣтелей вышнихъ,
Лишь бы смертный о томъ ни одинъ не узналъ! Видишь, какъ онъ
Голосомъ твердъ запираясь и ликомъ поддѣльнымъ спокоенъ.
Онъ и солнца лучами и громомъ Тарпейскимъ клянется,
Пикою Марсовою, копьемъ прорицателя Цирры [79])
И стрѣлами то и колчаномъ охотницы дѣвы
И твоимъ то, отецъ Эгейскій, Нептунъ онъ трезубцемъ,

---

[68]) Рой пчелъ на вершинѣ, да еще на храмѣ считался грознымъ предзнаменованіемъ; смотр. Энеиды VII, 56–70.

[79]) Цирра, гавань передъ Дельфами Аполлона.

Прибираетъ онъ лукъ Геркулеса и пику Минервы,
Все, что находится лишь въ оружейной небесной доспѣховъ.
Если-же онъ и отецъ, то „съѣмъ,“ восклицаетъ,— „бѣдняги
Сына я полголовы приготовленной въ уксусѣ Фарскомъ“.
Есть такіе, что все возлагаютъ на случаи счастья,
Вѣря, что движется міръ, правителя вовсе не зная,
Такъ какъ природа обмѣнъ свѣта и года вращаетъ,—
И оттого, не страшась, у всѣхъ алтарей поклянутся.
Но боится иной, чтобъ кара не шла за проступкомъ.
Этотъ боится боговъ и лжетъ, а самъ про себя то:
„Съ тѣломъ моимъ пускай какъ хочетъ поступитъ Изида,
Пусть глаза мнѣ она поразитъ разгнѣваннымъ систромъ, [93])
Лишь бы слѣпой удержалъ я деньги, отъ коихъ отрекся.
Это стоитъ чахотки и гнойныхъ чирьевъ и ляшки
Лишь въ половину; и Ладъ бѣдняга бы не отказался [96])
Отъ подагры съ богатствомъ, коль точно ему Антикиры [97])

---

85) Изъ Фароса близъ Александріи лучшій уксусъ.

93) Систръ музыкальный инструментъ въ видѣ удлиненной подковы, среди которой болтаются металлическіе прутья, издающіе шумъ и звонъ. Разгнѣванный систръ вмѣсто гнѣвная Изида.

95) Ляшки вполовину—быть безногимъ.

96) Ладъ имя двухъ знаменитыхъ Олимпійскихъ скороходовъ, изъ коихъ одинъ умеръ, одержавъ побѣду и заслужилъ статую работы Мирона. И тотъ бы не отказался изъ-за денегъ отъ подагры.

97) Городъ Антикира въ Фокидѣ славился растущей въ окрестностяхъ чемеркой, спасительной для сумасшедшихъ.

98) Архигенъ врачъ, см. сат. VI 236—видно исцѣлявшій и сумасшедшихъ. Смыслъ: если онъ не помѣшанъ.

Иль Архигена не нужно; вѣдь чѣмъ же впроголодь лучше [98])
Слава проворныхъ ступней иль вѣтвь Пизейской оливы? [99]).
„Гнѣвъ боговъ хоть великъ, за то безъ сомнѣнія медленъ.
Ежели всѣхъ покарать они замышляютъ злодѣевъ,
Скоро-ль дойдутъ до меня? А можетъ быть я и прощенья
Испрошу у небесъ: вѣдь въ этомъ прощаютъ, и многихъ
За преступленье все тожъ различно судьба надѣляетъ:
Этотъ добылъ себѣ крестъ злодѣяньемъ, а тотъ діадему.“
Такъ свой трепетный духъ передъ тяжкой виной ободряетъ
Онъ, и тутъ то тебя, его же зовущаго къ храму,
Опережаетъ, готовъ и тащить и трепать тебя даже.
Ибо коль въ дѣлѣ худомъ великая явится смѣлость,
То у многихъ пойдетъ за честность. Онъ роль разыграетъ
Словно бѣглый тотъ шутъ въ комедіи тонкой Катулла [111]).
Ты же несчастный кричишь, сильнѣе пожалуй Стентора [112])
Или скорѣй какъ Градивъ у Гомера: „ты слышишь, Юпитеръ, [113]).

---

[99]) Храмъ Зевеса Олимпійскаго и поприще находилось въ области Элейской Пизы.

[111]) Мимическій или комическій писатель Катуллъ временъ Калигулы, Клавдія и Нерона. Мы встрѣтили его Тѣнь (сат. VIII.186), но часто упоминается и его Лавреолъ.

[112]) „Въ образѣ Стентора мощнаго, мѣдноголосаго мужа Такъ вопіющаго, какъ пятьдесятъ совокупно другіе“.

[113]) Градивъ—Марсъ.

— „И взревелъ Арей мѣднобронный Страшно, какъ будто бы девять иль десять воскликнули тысячъ“. Иліада Гнѣдич. ст. 785 и 859.

Это и губъ шевельнуть не хочешь, хотя бы голосъ
Былъ обязанъ подать, будь мраморный ты или мѣдный?
Ради чего жь на твои мы уголья набожно ладонъ,
Вскрывши бумажку кладемъ, иль печень тельца или бѣлый
Сальникъ свиной? Какъ взгляну, то нѣтъ различія между
Изображеньями вашими и Вагеллія ликомъ.“ [119])
Слушай, какія принесть утѣшенія въ силахъ на это
Тотъ, кто ни циниковъ взгляда, ни стоиковъ не раздѣляетъ,
Тѣхъ, что отъ циниковъ лишь туникой отстали,— и даже [122])
На Эпикура не смотритъ, довольнаго маленькимъ садомъ [123]).
Тяжко больные пускай къ великимъ врачамъ прибѣгаютъ,
Ты же хоть ученику Филиппа довѣрь свою вену.
Если ты на землѣ не сможешь столь гнуснаго дѣла [126])
Мнѣ указать, замолчу, не мѣшая тебѣ кулаками
Въ грудь ударять, иль себя по лицу бить плоской ладонью.
Такъ какъ вѣдь получа убытокъ и дверь запираютъ

---

[119]) Здѣсь очевидно рѣчь о томъ тупомъ адвокатѣ, о коемъ сат. XVI 23 говоритъ:

„Только достойно Вагеллія ритора съ нравомъ ослинымъ“.

Очевидно онъ самолюбиво самъ выставилъ свою статую или бюстъ.

[122]) Циники подъ палліумомъ (широкимъ верхнимъ платьемъ) не носили туники.

[123]) Садъ Эпикура въ смыслѣ его школы.

[125]) Филиппъ вѣроятно искусный хирургъ. Возьми хоть его ученика, чтобы бросить тебѣ кровь.

[126]) Если не найдешь худшаго поступка,—замолчу.

И вздыхаетъ весь домъ сильнѣе и съ большимъ смятеньемъ
Плачутъ по деньгамъ тогда, чѣмъ по умершемъ.— Не станетъ
Горемъ притворствовать тутъ никто, довольствуясь дернуть [132])
Воротъ у платья, да мучитъ глаза насильственной влагой.
Деньги утратя свои не притворными плачутъ слезами.
Еслижъ полными видишь всѣ рынки ты жалобъ подобныхъ,
Если съ другой стороны, прочтя разъ десять таблицы,
Рукоприкладство то все, сочтутъ пустой деревяшкой [137]),
Хоть тутъ ихъ же слова обличаютъ и оттискъ прекрасный
Сардоника, что цѣлъ въ шкатулкѣ изъ кости слоновой,—
Неужель—о чудакъ! ты думаешь чѣмъ то отдѣльнымъ
Стать ото всѣхъ? Такъ что жъ? Иль ты отъ курицы бѣлой,
Мы же изъ грѣшныхъ яицъ произшедшія низкія куры?
Меньшее зло ты несешъ и слабой достойное желчи,
Если глаза обратишь къ важнѣйшимъ злодѣйствамъ. Сличи-ко
Подкупнаго убійцу, поджогъ предпринятый съ сѣрой
И съ коварствомъ, причемъ сперва загорѣлися двери;

---

[132]) Разводить, дернуть въ стороны, какъ бы желая разорвать на себѣ верхнюю одежду.

[137]) Этотъ стихъ повторяется сат. XVI 41. Отказываясь отъ рукоприкладства къ деревянной табличкѣ, отрицаютъ его формальность и считаютъ самую табличку простой доской или деревяшкой: ligni.

Также и тѣхъ ты сличи, что крадутъ изъ древняго храма
Пышныя чаши съ священною ржавчиной или народный
Даръ, или древнимъ царемъ вѣнцы положенные тутъ-же.
Если тамъ этого нѣтъ, святотатецъ и меньшимъ доволенъ,
Золото онъ скребетъ съ бедра Геркулеса и даже
У Нептуна съ лица и пластинки съ Кастора сдираетъ:
Или смутится, всего Громовержца то плавить привычный?
Также сравни составителей и продавателей яда
И того, что волочатъ къ морю въ шкурѣ воловой,
Съ нимъ же по злобѣ судьбы безъ вины засадивъ обезьяну.
Тутъ что за часть тѣхъ злодѣйствъ, о коихъ сторожъ столицы
Галликъ долженъ съ зари до поздняго вечера слушать?[158])
Хочешь ты нравы людей узнать, то и этого дома
Будетъ довольно съ тебя; побудь въ немъ нѣсколько дней ты.
Да вернувшись оттоль, посмѣй называться несчастнымъ.
Горлу зобастому кто изумляется въ Альпахъ? иль груди,
Что въ Мероэ полнѣй здоровеннаго даже младенца?[163])

---

155) О казни отцеубійцы смот. сат. VIII 214.

158) Городской префектъ, Рутилій Галликъ Валенсъ былъ въ этой должности уже при Домиціанѣ; а какъ она была пожизненна, то онъ могъ исправлять ее и при слѣдующихъ императорахъ.

160) Домъ префекта.

163) Мероэ въ верховьяхъ Нила выше Хартума. Полнота и понынѣ считается у нѣкоторыхъ Африканскихъ племенъ принадлежностью женской кра-

Кто изумленъ голубыми глазами Германца, иль цвѣтомъ
Свѣтлыхъ волосъ иль какъ рогъ торчащимъ масляным чубомъ?
Подлинно это у нихъ всѣмъ общее свойство природы.
На неожиданныхъ птицъ Ѳракійскихъ съ ихъ звонкою тучей [167])
Воинъ Пигмейскій бѣжитъ въ своихъ маломѣрныхъ доспѣхахъ,
Скоро неравнымъ врагомъ однако онъ поднятъ на воздухъ
И свирѣпый журавль его мчитъ кривыми когтями.
Это средь насъ увидавъ, ты бъ трясся отъ смѣху, а тамъ то,
Какъ зачастую подобныя битвы въ глазахъ, не смѣется
Уже никто, гдѣ и вся то не выше фута когорта.
„Стало быть гнусный обманъ и клятвопреступное дѣло
Безъ наказанья совсѣмъ?“ Представь, что его заковали
Въ тяжкія цѣпи сейчасъ и—въ гнѣвѣ, чего жь тебѣ больше?—
Будетъ по нашему онъ желанью казненъ, но убытокъ
Всежъ остается, не станетъ врученное цѣло, а малость
Крови изъ трупа его ненавистное дастъ утѣшенье.
„Но вѣдь и мщенье само есть благо отраднѣе жизни“.

соты, а во времена Ювенала могла еще болѣе быть въ чести. Поэтому женская грудь больше самого младенца.

165) Германцы закручивали чубъ, который Ювеналъ сравниваетъ съ рогомъ.

167) На журавлей.

175) Спрашиваетъ потерпѣвшій.

Мнѣніе это невѣждъ, у которыхъ ты видишь, что сердце
Отъ ничтожныхъ причинъ иль слабыхъ нерѣдко пылаетъ:
Поводъ каковъ ни на есть, а все достаточенъ гнѣву.
Не тому поучаетъ Хризиппъ или мудрость Θалеса[184])
Кроткая, или старикъ близъ славнаго медомъ Гиметта.
Тотъ, что и въ тяжкихъ цѣпяхъ обвинителю части бы не далъ
Той цикуты, что пилъ. *По немногу блаженная мудрость*
Много пороковъ съ себя и всѣ заблужденья свергаетъ,
Первая правдѣ уча. Вѣдь мелкому только, больному
Духу и низменному доставляетъ мщенье отраду.
Прямо о томъ заключи изъ того, что никто не доволенъ
Такъ какъ женщина мщеньемъ. Но какъ же можешь считать ты
Ускользнувшими тѣхъ, которыхъ въ гнусномъ поступкѣ
Сознающійся умъ томитъ, поражая незримо,
Ибо душа какъ палачъ свой бичъ сокровенный заноситъ?
Кара однако же есть и гораздо больше сурова
Тѣхъ, что найдетъ Радамантъ или Цэдицій суровый[197])—
Денно и нощно носить своего же свидѣтеля въ сердцѣ.

---

[184]) Ни Хризиппъ, глава стоиковъ, ни одинъ изъ 7 древнѣйшихъ мудрецовъ Θалесъ, ни старикъ близъ горы Гиметта, т. е. въ Аθинахъ—Сократъ, не одобряли такихъ мѣръ.

[197]) Сопоставленіе Цэдиція съ неподкупнымъ судьею Тартара Радамантомъ, указываетъ и на его строгость справедливость.

Нѣкоему отвѣчала Спартанцу Пиѳійская жрица,
Что безнаказаннымъ онъ не будетъ за то, что въ сомнѣньи
Былъ, удержать ли ему поклажу, ее закрѣпивши
Ложною клятвой. А онъ вопрошалъ о мнѣніи бога
И не подастъ ли ему Аполлонъ на проступокъ совѣта.
Такъ возвратилъ онъ изъ страха, а не по нраву; однако-жъ
Всѣ слова онъ достойныя храма и точны я самъ же
Оправдалъ, истребленный со всѣмъ потомствомъ и домомъ
И со всѣмъ даже родомъ далеко разрохшися близкихъ.
Вотъ какая ждетъ казнь за одну грѣховную волю.
Ибо кто тайно въ себѣ о какомъ преступленіи мыслитъ,
Въ дѣлѣ ужъ тотъ виноватъ; а что жъ если замыслъ исполнилъ?
Не покидаетъ его боязнь и во время трапезы,
Какъ у больнаго во рту сухомъ межъ челюстей пища
Не покоряясь растетъ; дадутъ бѣднягѣ Сетину [213]),
Сплюнетъ; Албанскаго стараго драгоцѣнная древность
Не понемъ; покажи ему лучшаго крупной морщиной
Сьежится лобъ у него, отъ остраго словно фалерна.
Если забота порой сонъ краткій пошлетъ ему ночью
И метаться по всей постели члены затихнутъ.

---

213) Сетинъ изъ окрестностей Сетіума (нынѣ Sezza) слылъ наилучшимъ виномъ.

Непрестанно онъ храмъ и алтарь оскорбленнаго бога
И, что пуще томитъ еще до испарины душу,
Видитъ тебя онъ во снѣ. Твой ликъ почтенный и больше
Роста людскаго, въ немъ страхъ возбудя, принуждаетъ сознаться.
Эти то вотъ и дрожатъ и блѣднѣютъ при молніи каждой,
А загремитъ—безъ души при первомъ раскатѣ на небѣ;
Словно огонь приведенъ не случайной свирѣпостью вѣтра,
А раздраженный летитъ онъ на землю, местью пылая.
Эта безвредно прошла, съ заботой тягчайшей боится
Онъ ближайшей грозы, какъ бы этимъ отсроченной ведромъ.
Кромѣ того коль въ боку они боль съ лихорадкой безсонной
Чувствовать стали, они въ убѣжденьи, что въ тѣло болѣзнь имъ
Послана гнѣвомъ небесъ: вотъ это, по мнѣнью ихъ, камни
И снаряды боговъ. Скотины жъ блеящей въ часовнѣ
Посвятить или посулить хоть гребень пѣтушій
Ларамъ не смѣютъ они; какой же больнымъ нечестивцамъ
Ждать пощады? Не всякая-ль жертва цѣннѣе ихъ жизни?
Подвижна и измѣнчива такъ природа злодѣевъ.
Какъ къ преступленью идутъ, въ нихъ есть еще твердость; что должно,
Что не должно они начинаютъ чувствовать, только

Преступленье свершивъ, къ осужденнымъ однако же нравамъ
Снова природа бѣжитъ, измѣниться не въ силахъ. Да кто же
Можетъ поставить предѣлъ своимъ прегрѣшеньямъ? Когда же
Прогнана разъ со лба, затертая краска вернется? [242]
Гдѣ человѣка найдешь ты довольнаго только единымъ
Преступленьемъ? Ногой попадется въ петлю и нашъ то
Вѣроломный и въ темной тюрьмѣ на крюкѣ побываетъ,
Иль на утесѣ Эгейскаго моря, средь скалъ населенныхъ
Знатными ссыльными. Ты лица ненавистнаго горькой
Карѣ возрадуешься, и самъ признаешь въ весельи,
Что никто изъ боговъ не глухъ и никто не Тирезій. [249]

САТИРА XIV.

Много бываетъ, Фусцинъ, достойнаго славы не доброй
И на чистыя вещи кладущаго липкія пятна,
Въ чемъ родители сами примѣръ и наставники дѣтямъ.
Ежели любитъ старикъ запретныя кости, наслѣдникъ

---

[242]) Краска стыда.
[249]) Не слѣпъ, какъ знаменитый прорицатель.

Сатира XIV.

Эта сатира утверждаетъ, что порча молодежи коренится на безнравственности родителей, такъ какъ порокъ увлекаетъ къ подражанію. Между всѣми пороками сильнѣе и пагубнѣй для нравственности прививается корыстолюбіе. Фусцинъ, къ которому обращается Ювеналъ, намъ неизвѣстенъ.

Въ ладонкѣ тоже играетъ, рожкомъ пробавляяся малымъ.
Никому изъ родныхъ за себя получше надежды
Юноша тотъ не даетъ, который трюфели чиститъ,
Мариновать грибы и въ томъ же отварѣ поплывшихъ
У шелопая отца дроздовъ пожирать научился,
Старческой глоткѣ во слѣдъ. Когда седьмой проминуетъ
Мальчику годъ и не всѣ еще зубы выросли снова,
Хоть бородатыхъ къ нему приставь тамъ тысячу дядекъ,
Здѣсь такое жь число, захочетъ онъ ужинать пышно,
Не уронивъ никогда преданій возвышенной кухни.
Кротости ль духа и нравамъ прощенья-ли малымъ ошибкамъ
Учитъ Рутилъ, и души рабовъ и наши тѣла онъ [16]
Изъ матеріи тойже ль считаетъ и равной стихіи,
Или неистовству учитъ, когда онъ острому свисту
Радъ хлестанья и звука бича ни съ какою Сиреной
Не сравнитъ, Антифатъ, Полифемъ передъ трепетнымъ Ларомъ,
Счастливъ только въ тотъ разъ, когда, палача подозвавши,
Жгутъ желѣзомъ кого горячимъ за два полотенца?
Юношѣ что внушитъ, довольный бряцаніемъ цѣпи,
Тотъ, кто клеймамъ такъ радъ въ тюрьмѣ и въ домѣ работномъ?
Ты деревенщина ждешь, что не будетъ распутницей Ларги

---

5) Ладонка смотр. сат. V. 164. Кости игральныя бросались рожкомъ.

16) Рутилъ, какъ отецъ. Слич. сат. XI, 2.

20) Антифатъ царь Лестригоновъ Одисс. X. 115, и Циклопъ Полифемъ (тамъ же) людоѣды.—Таковъ Рутилъ передъ Ларомъ, т. е. домомъ и домашней прислугой, которую мучаетъ за 2 испорченныхъ полотенца.

25) Ларга очевидно фиктивный примѣръ.

Дочь, которой никакъ любовниковъ матери скоро
Такъ не счесть и назвать нельзя съ такой быстротою,
Чтобы не перевесть разъ тридцать духа? Въ дѣвицахъ
Съ матерью бывъ за одно, теперь съ ея словъ она письма
Пишетъ и шлетъ къ своему любовнику съ тѣмъ же распутнымъ.
Такъ природа велитъ: скорѣе и чаще насъ портятъ
Прегрѣшеній домашнихъ примѣры, духъ подчиняя
Образцамъ нашихъ старшихъ. Быть можетъ, тотъ ли, другой ли
Презритъ изъ юношей ихъ, когда съ благосклоннымъ искусствомъ
Грудь ему изваялъ Титанъ и изъ глины получше;
Но дурные слѣды отцовъ остальныхъ направляютъ
И влечетъ въ свой кругъ примѣръ указуемый долго,
Такъ удержись ты отъ зла. На это одна ужъ причина
Мощная та, что-бъ не шли за нами путемъ преступленій
Тѣ, что родились отъ насъ. Вѣдь всѣ подражать мы способны
Гнусному да преступному и Катилину во всякомъ
Ты народѣ найдешь, подъ всякою сферою міра,
Но ни Брута нигдѣ, ни дяди Брута не сыщешь [43]).
Гадкое слово иль видъ пускай не коснутся порога,
За которымъ отецъ есть; прочь и подальше отсюда
Дѣвы сводниковъ и полуночныя пѣсни гуляки!

---

35) Титанъ Прометей.

43) Дядей „послѣдняго Римлянина" Брута павшаго при Филиппахъ, былъ ему по матери Сервиліи, родной братъ ея М. Порцій Катонъ (Утическій).

Мальчику должно воздать уваженье большое; замысливъ
Нѣчто дурное, ты лѣтъ презирать не долженъ ребенка,
Пусть напротивъ въ грѣхѣ тебѣ сынъ младенецъ помѣхой.
Ибо коль цензора гнѣвъ позднѣй онъ поступкомъ заслужитъ
И подобнымъ тебѣ не однимъ лишь явится тѣломъ
Или лицемъ, но нравамъ будетъ твой сынъ. погрѣшая
Лишь во всѣмъ еще хуже во слѣдъ за тобой, то навѣрно
Станешь его ты журить и бранить съ ужаснѣйшимъ крикомъ
И затѣмъ измѣнить свое завѣщанье сберешься.
Мѣдный то лобъ у тебя откуда съ родительской властью,
Если самъ старикомъ ты хуже творишь и воздушный
Уже давно рожекъ головы твоей ищетъ безмозглой? [58])
Ежели гостя ты ждешь, никто изъ твоихъ не гуляетъ.
„Полъ подмети, покажи колонны въ полномъ ихъ блескѣ,
Ты смахни паука со всей паутиной сухою,
Гладкое ты перетри серебро, ты чаши рѣзные“.
Голосъ владыки гремитъ, съ угрозой держащаго розгу.
Такъ ты, несчастный, дрожишь, чтобъ гадкимъ собачьимъ пометомъ
Атрій противенъ не сталъ глазамъ приходящаго друга,

---

[58]) Пора давно тебѣ поставить къ сумасшедшей головѣ банки.

Чтобы портикъ покрытъ не былъ грязью; а полумѣркой
Только опилковъ тутъ все одинъ мальчишка очиститъ.
Но не подумаешь ты, что-бъ сынъ твой видѣлъ священнымъ
Домъ не запятнанный твой и чистый отъ всякихъ пороковъ?
Какъ хорошо, что ты далъ гражданина странѣ и народу,
Если содѣлалъ его отчизнѣ слугою, полезнымъ
Нивамъ, полезнымъ въ войнѣ и въ мірѣ къ веденію дѣла.
Ибо вопросъ въ томъ большой, въ какихъ искусствахъ и нравахъ
Ты наставляешь его. Змѣей дѣтенышей аистъ
Кормитъ и ящерицей, розысканной въ полѣ далекомъ:
И животныхъ такихъ же они оперенные ищутъ.
Коршунъ, съ павшихъ скотинъ, съ собакъ и съ крестовъ улетая,
Къ выводку прямо летитъ и часть ему трупа приноситъ;
Значитъ это и кормъ возросшему коршуну въ пищу,
Какъ таскать онъ гнѣздо на собственномъ деревѣ станетъ.
Но за зайцами да за козами прислужникъ Зевеса
И благородныя птицы въ лѣсахъ охотятся; эту
Въ гнѣзда добычу несутъ; но лишь молодежь, подоспѣвши,
Вылетитъ, голодъ ее устремляетъ на ту же добычу,
Что вкушала она впервые яйцо проломивши.
Былъ строитель большой Кретоній и то у Кайеты [86])

---

[86]) Кайета (Gaeta), Тибуръ (Tivoli) Пренеста (Palestrina).

На кривомъ берегу, то вдругъ на твердынѣ Тибура,
То въ Пренестинскихъ горахъ выводилъ высокія кровли
Виллъ и въ дальнихъ краяхъ добывалъ онъ Греческій мраморъ,
Побѣждая Фортуны и Геркулеса постройки,
Какъ и эвнухъ Позидъ побѣждалъ и нашъ Капитолій.
Такъ Кретоній поживъ, свое состоянье умалилъ
И разстроилъ дѣла; однако не малая доля
И осталась по немъ. Но сынъ свертѣлъ все безпутный,
Какъ изъ мрамора лучшаго новыхъ онъ виллъ понастроилъ.
Тѣ, кому жребіемъ данъ отецъ почитатель субботы,
Ничего не чтутъ кромѣ тучъ и святыни небесной
И различить не хотятъ отъ людскаго мяса свинины,
Коль отецъ не ѣдалъ, а затѣмъ и препуціи рѣжутъ.
Хоть привычны они презирать законы у Римлянъ,
Но изучаютъ, хранятъ и блюдутъ Іудейское право
То, гдѣ имъ Моисей въ таинственной передалъ книгѣ
Никому не казать путей кромѣ вѣрящихъ въ тоже
И къ желаннымъ струямъ приводить обрѣзанныхъ только.
Но отецъ виноватъ, который съ седьмою зарею
Лѣнится и никакихъ житейскихъ дѣлъ не коснется.

---

90) Побѣждая, оставляя за собой, превосходя. Храмъ Фортуны въ Пренестѣ также знаменитъ какъ Геркулесовъ въ Тибурѣ.

91) Позидъ, разбогатѣвшій эвнухъ вольноотпущенецъ имп. Клавдія (Sueton, Claud. 28) выстроилъ въ Баяхъ великолѣпныя бани.

Добровольно во всемъ остальномъ молодежь подражаетъ,
Въ скупости только одной упражняться велятъ ей насильно.
Вѣдь обольщаетъ порокъ добродѣтели видомъ и тѣнью,
Если на видъ онъ суровъ и строгъ по лицу и одеждѣ,
Безъ сомнѣнья скупца порой какъ воздержнаго хвалятъ,
Такъ какъ онъ человѣкъ умѣренный и за своимъ то
Смотритъ вѣрнѣе добромъ, чѣмъ если-бъ стерегъ тожь богатство
Гесперидскій драконъ иль Понтійскій. Къ тому же прибавь ты [114]):
Тотъ, о комъ говорю, слыветъ въ народѣ великимъ
Мастеромъ наживать; вѣдь кузнецъ этотъ множитъ достатокъ,
Но и множитъ его всякимъ способомъ и расширяетъ,
Вѣкъ у наковальни, у всегда горящаго горна.
И отецъ то въ душѣ скупцовъ за счастливцевъ считаетъ,
Онъ, богатству дивясь, полагаетъ, что нѣтъ и примѣра
Счастья при бѣдности, онъ и юношей увѣщеваетъ,
Что-бъ они тѣмъ же путемъ къ тому же ученью стремились.
И въ порокахъ свои есть начала; вотъ ихъ то внушаетъ
Онъ имъ сперва и скупость познать до мелочи учитъ.

---

[114]) Драконъ въ саду Гесперидъ, стерегшій яблоки и Понтійскій въ Колхидѣ золотое руно.

Скоро научится онъ ненасытной жаждѣ прибытка.
Мучаетъ онъ животы рабовъ невѣрною мѣрой,
Самъ голодая притомъ. Никогда стерпѣть онъ не можетъ,
Чтобы съ плѣсныю не ѣсть кусковъ потемнѣвшаго хлѣба,
До половины привыкъ Сентября хранить онъ вчерашній
Сборъ объѣдковъ, беречь до времени съ прошлой трапезы,
Припечатавъ, бобы, съ частицей дешевой макрели
И половиной куска гнилаго сома и туда же,
Пересчитавъ, запирать и перья стрѣльчатаго луку.
Съ мосту на это кого позови,—и тотъ не захочетъ [134]).
Но къ чему же богатство добытое столькимъ терзаньемъ,
Если безумно вполнѣ и все сумасбродство въ томъ видно,
Что-бъ умереть богачемъ, проживши въ долѣ убогой?
Между тѣмъ какъ мѣшокъ раздулся до самаго краю,
Алчность къ деньгамъ ростетъ, какъ выросли самыя деньги,
А у кого ихъ нѣтъ, ихъ меньше желаетъ. Вотъ нужно
Новую виллу тебѣ, какъ мало одной ужъ деревни
И раздвинуть ты радъ границы и кажется хлѣбъ то
Больше и лучше тебѣ у сосѣда; ты купишь и это
Съ садикомъ и съ горой, что сплошь убѣлили оливы.
Если же ни предъ какой цѣной не сдается хозяинъ,
Ночью воловъ съ испитой и безсильной отъ голода шеей,

134) Съ мосту—нищаго.

Или быковъ у него по зеленому колосу пустятъ
И не прежде домой уведутъ ихъ, чѣмъ все ужъ поле
Въ алчныя брюхи пойдетъ, что подумаешь снято серпами.
Еле возможно сказать, какъ плачутся часто на это
И какъ много земель продажныхъ создала обида.
— Но какая молва, какъ трубитъ позорная слава!—
„Что за бѣда,“—говоритъ,—„дороже мнѣ шкурка лупина
Чѣмъ, что похвалятъ меня по цѣлой сосѣдней округѣ,
Я же съ ничтожной земельки немножечко хлѣба снимаю“.
Словно болѣзней уже и дряхлости знать ты не будешь
И избѣгнешь заботъ и плача и долгіе годы
Жизни послѣ того тебѣ лучшей судьбою дадутся,
Какъ захватишь одинъ распашнаго поля ты столько,
Сколько при Таціи весь то пахалъ народъ его Римскій.
Позже преклоннымъ однимъ лѣтами, Пунійскія битвы
Или ужаснаго Пирра, Молосскихъ мечей властелина [162])
Вынесшимъ, лишь за множество ранъ два осьминника развѣ [163])
Отдавалось; и эта награда за кровь и усилья
Ниже заслуги никѣмъ не считалась или воздаяньемъ
Неблагодарной отчизны. Кормилъ уголочекъ подобный

---

160) При первомъ союзѣ Ромула съ Сабинскимъ царемъ Таціемъ.

162) Молосскихъ смотр. сат. XII 108.

163) Два осминника такъ переводимъ мы jugera bina, чтобы не переводить jugerum (28, 800 квадр. футовъ) обычнымъ десятина. Легко убѣдиться приведя 2400 сажень десятины въ футы, что jugerum составляло только $1/2$ осминника.

И отца самого и прочихъ въ дому, гдѣ лежала
Въ родахъ жена, а дѣтей играющихъ четверо тутъ же,
Три барчука и одинъ слуга; но старшихъ ихъ братьевъ
Отъ лопаты иль плуга идущихъ ужинъ особый,
Бóльшій ждалъ и въ горшкахъ просторныхъ дымилась похлебка;
Нынѣ подобнаго поля не хватитъ для нашего сада.
Вотъ гдѣ причина почти всѣхъ злодѣйствъ, ни одинъ изъ пороковъ
Въ сердцѣ людскомъ—не мѣшалъ такъ много яду и часто
Такъ желѣзомъ не буйствовалъ, какъ ужасная алчность
Не померныхъ богатствъ. Ибо кто стать хочетъ богатымъ,
Хочетъ и скоро имъ стать; но гдѣ жъ уваженье къ законамъ,
Гдѣ же совѣсть и страхъ въ торопливости алчной скупаго?
„Юноши, въ жизни своей довольствуйтесь этою хатой
И холмами!" твердитъ бывало Марзъ или Герникъ
Или Вестинъ имъ старикъ, „плугами добудемте хлѣба,
Сколько намъ нужно на столъ; то хвалятъ сельскіе боги,
Милостью коихъ и помощью, послѣ отраднаго дара
Колоса, съ старыхъ дубовъ человѣку не нравится желудь.
Ничего запрещенаго дѣлать не станетъ, кто по льду

---

180) Марзы и Вестины Самнитскія, а Герники латинскія племена, здѣсь представители древне италійскихъ нравовъ.

Чеботъ надѣлъ безъ стыда высокiй, кто вѣтръ переноситъ
Въ шкурѣ навыворотъ; намъ иностранный совсѣмъ неизвѣстенъ,
Наводящiй на зло и на всѣ преступленiя,—пурпуръ."
Вотъ какiя меньшимъ наставленiя дѣды давали.
Нынѣ жъ какъ осень минетъ, съ полночи уставшаго сына
Будитъ крикливый отецъ словами: „возьми ко таблицы,
Сынъ, да не спи, а пиши, за тяжбы возьмись, вновь законы
Красные предковъ прочти иль проси запискою лозу.[193])
Но головѣ чужой гребешку и ноздрямъ волосатымъ
При широкихъ плечахъ пускай удивляется Лэлiй.
Мавровъ шатры разори, затѣмъ укрѣпленья Бригантовъ,[196])
Чтобъ съ награжденьемъ орла въ шестьдесятъ только лѣтъ получилъ ты;[197])
Если же брезгаешь ты продолжительной въ лагерѣ службой
И пугливый животъ тебѣ рога пробираютъ
Съ трубами вмѣстѣ, берись за то, что продать ты
Больше чѣмъ вдвое бы могъ, ни какимъ не гнушайся товаромъ,

---

193) Отецъ самъ отводитъ сына отъ сельскаго обычнаго труда и научаетъ быть или юристомъ, изучающимъ законы, начинавшiеся съ красной буквы, или проситься въ Центурiоны, у которыхъ знакомъ власти была палка изъ виноградной лозы, для наказанiя солдатъ.

195) Но въ такомъ случаѣ нужно, чтобы твой начальникъ Лэлiй замѣтилъ твою суровую до дикости наружность и отличилъ тебя.

196) Бриганты Британское воинственное племя на Сѣверѣ.

197) Здѣсь невольно высказывается иронiя Ювенала, помимо совѣта отца сыну: тутъ ты только въ 60 лѣтъ отъ роду получишь въ качествѣ трибуна легiонъ, коего значкомъ былъ орелъ.

Хоть бы пришлось отсылать его по ту сторону Тибра,[202])
Никогда полагать не думай различія между
Благовоньемъ и кожей: барышъ ото всякаго дѣла
Пахнетъ отлично. Храни постоянно въ устахъ изреченье
И повторяй боговъ и Зевеса достойное слово:
„*Взялъ откуда, никто не спроситъ, а нужно, чтобъ было.*“
Этому ползающихъ ребятъ ихъ старыя няньки
Учатъ и дѣвочки всѣ узнаютъ раньше альфы и беты.
Настоятельно такъ обучающему бы отцу я
Могъ сказать: о скажи мнѣ, безумнѣйшій, кто тебя гонитъ
Спѣшно такъ? Отвѣчаю, что лучше учителя будетъ
Ученикъ. Уходи, не страшась: превзойденъ будешь также,
Какъ Теламонъ былъ Аяксомъ и какъ Пелей Ахиллесомъ.
Нѣжныхъ нужно щадить; еще не вошло негодяйство
Зрѣлое въ мозгъ ихъ костей, а только бороду станетъ
Онъ чесать и приставитъ къ ней бритвы длинное жало,
Лжесвидѣтелемъ будетъ и дешево ложныя клятвы
Продавать, и алтарь и ногу Цереры цалуя.
Мертвой считай ты сноху, коль она вашъ порогъ переступитъ
Съ смертоносным приданымъ: чьи пальцы давить ее станутъ

202) Зловонные товары складывались по ту сторону Тибра.

220) Твой сынъ не затруднится задушить свою богатую жену изъ за приданаго.

Сонную! Ибо все то, чего по землямъ и морямъ ты
Помышляешь набрать, кратчайшимъ путемъ онъ добудетъ.
Нѣтъ труда въ преступленьи большемъ. „Никогда не училъ я
Этому“,—скажешь потомъ, „не давалъ я подобныхъ совѣтовъ.“
Но отъ тебя изошла причина дурныхъ побужденій.
Ибо кто дѣтямъ внушаетъ любовь къ состоянью большому
И преступнымъ совѣтомъ ихъ наводитъ на скупость
И обманомъ свое удвоять родовое научитъ[229]),
Тотъ запряжкѣ даетъ свободу и всѣ отпускаетъ
Возжи; хоть кличь ты ее, она удержаться не хочетъ
И, съ презреньемъ къ тебѣ, помчится, меты покидая.
Не доволенъ никто быть преступнымъ, насколько дозволишь,
До того къ самому себѣ снисходительнѣй каждый.
Если ты сыну зовешь дуракомъ, кто подѣлится съ другомъ,
Кто облегчитъ нищету, своему помогая родному,
Учишь и грабить его, надувать и всякимъ злодѣйствомъ
Добиваться богатствъ, къ которымъ любви въ тебѣ столько,
Сколько было ея къ отчизнѣ у Деціевъ въ сердцѣ[239])
И у Менэція, если правдива Греція къ Ѳивамъ;
Гдѣ у нихъ по браздамъ изъ зубовъ змѣи легіоны,

---

[229]) Этого лишняго стиха нѣтъ во многихъ рукописяхъ.

[239]) Деціи смот. сат. VIII, 255.

[240]) Менэцій, сынъ Креона, для спасенія Ѳивъ по предвѣщанію Тирезія, ринулся со стѣны во время осады семью героями. Тутъ снова прорывается нелюбовь истаго Римлянина Ювенала къ иностраннымъ лживымъ Грекамъ и онъ заподозрѣваетъ правдивость Ѳивскихъ преданій, въ которыхъ

Со щитами родясь, немедля вступаютъ въ сраженья
Страшныя, словно притомъ и трубачъ за одно народился.
Вотъ и увидишь огонь, котораго искры ты самъ же
Заронилъ, широко воспылавшимъ и все уносящимъ.
Да и тебѣ бѣдняку не будетъ пощады, подхватитъ
Въ клѣткѣ воспитанный левъ, взревѣвъ, хозяина въ страхѣ.
Знаютъ астрологи твой гороскопъ, но трудно дождаться
Поздней прялки: ты кончишь еще съ необорванной нитью [249]).
Уже мѣшаешь ему ты теперь, замедляя желанья,
Уже юношу мучаетъ долгая старость—оленья.[251])
Архигена скорѣй зови и купи, что состряпалъ [252])
Митридатъ, если вновь снимать ты смоквы желаешь,
Да рвать розы опять, запасаться нужно лѣкарствомъ,
Что передъ пищею пить отцамъ надлежитъ и владыкамъ.
Зрѣлище дивное тутъ, какого нигдѣ на театрѣ,
Ни у роскошнаго претора ты не найдешь на подмосткахъ,
Если посмотришь, какой покупаютъ опасностью жизни
Пріумноженье въ дому, большое богатство въ баулѣ
Мѣдномъ и къ бдительному идущія Кастору деньги,

фигурируетъ невозможный посѣвъ зубовъ дракона, порождающій вооруженныхъ воиновъ, немедля вступающихъ въ битвы, словно и сигналистъ съ ними вмѣстѣ родился изъ земли.

249) Прялка Парокъ—еще не дотянетъ должной по твоей природѣ нити, какъ уже твой сынъ перерветъ ее насильственно.

251) По Гезіоду олень живетъ три вѣка вороньихъ.

252) Архигенъ (смотр. сат. VI 236), и купи противоядіе Митридата.

260) Въ храмѣ Кастора на форумѣ, противъ лавокъ мѣнялъ, повидимому хранили деньги, какъ это было въ Аѳинахъ въ храмѣ Паллады.

Съ той поры какъ Марсъ отмститель шлемъ то утратилъ [261])
И добра своего не могъ уберечь. Такъ оставь же
Всѣ игрища ты Флоры, Цереры или Цибелы,
Такъ какъ дѣлъ людскихъ далеко занятнѣе игры.
Больше ли радуютъ духъ тѣла, что швыряетъ машиной
Кверху иль тотъ, что привыкъ сходить по тугому канату
Чѣмъ ты, который сидишь на Корикской палубѣ вѣчно, [267])
Тамъ и живешь, колыхаемъ то западнымъ вѣтромъ, то южнымъ,
Спятившій продавецъ изъ мѣшка предметовъ зловонныхъ,
Только и радъ, что сидръ густой со стариннаго Крита
Ты везешь и съ родной стороны Зевеса бутылки?
Тотъ однако, кто шаткой ступней свой слѣдъ утверждаетъ
Этимъ промысломъ хлѣбъ добываетъ, онъ этой веревкой
Гонитъ холодъ и голодъ; ты-жь ради тысячъ талантовъ
И ставилъ такъ отваженъ. Взгляни на гавань и море
Полное большихъ кораблей: на водахъ то народу
Больше ужь стало; вѣдь флотъ пойдетъ туда, гдѣ надежда
Прибыли взманитъ, пройдетъ не Карпатской одной иль Гетульской [278])

---

261) Намекъ на святотатство изъ храма Марса мстителя (ultor).

267) Корикъ, городъ и горный хребетъ въ Сициліи, у Страбона хребетъ на Критѣ. Надо полагать, что корабль названъ такъ потому, что построенъ изъ Критскаго лѣсу.

270) Passum собственно вино изъ сухаго винограда, т. е. изюма, мы рѣшились перевести словомъ сидръ.

278) Карпатское море отъ острова Карпата въ южной части Эгейска-

Онъ волною, а Кальпъ оставивъ далеко, дерзнетъ онъ
ВъГеркулесской пучинѣ увидѣшь шипящее солнце.
Дивной наградой труда будетъ то, что съ набитымъ мѣшкомъ ты
Можешь вернуться домой, гордясь раздутой кисою,
Да что чудищъ морскихъ съ морской молодежью ты видѣлъ [283]).
Не однимъ одержимы умы безумствомъ. Тотъ въ страхѣ,
Даже въ объятьяхъ сестры, Эвменидъ и факелы видитъ,
Этотъ мнитъ, поражая быка, что реветъ Агамемнонъ [286])
Или Итаки герой. Хоть тунику щадитъ и накидку,
Но во врачѣ нуждается тотъ, кто корабль набиваетъ
Полонъ товаромъ въ края, отъ волны отдѣленъ лишь доскою,
Коль причиной бѣды такой и столькихъ мученій
Лишь куски серебра съ начертаньями буквъ и портретовъ [291]).
Набѣгаютъ и тучи и громъ. „Канатъ то отдайте!“
Восклицаетъ хозяинъ зерна и перца скупнаго,
„Тѣнь эта въ небѣ ничто, полосы этой черной нестрашно;
Лѣтняго времени громъ.“ А въ ту ночь же быть можетъ несчастный
Вмѣстѣ падетъ со своимъ кораблемъ разбитымъ волною

го. Гетулія часто вмѣсто Африки. Кальпъ (Гибральтаръ) Геркулесовы столбы.

283) Тритонъ съ Нереидами.

285) Орестъ, даже унимаемый Электрой, видитъ Эвменидъ.

286) Аяксъ Теламонидъ, впавъ въ бѣшенство послѣ присужденія Агамемнономъ оружія Ахилла, не ему, а Одиссею,—разитъ овецъ и быковъ.

291) Чеканеная монета.

Залитъ, и будетъ держать зубами и лѣвой свой чересъ.
Но тому, чьимъ желаньямъ недавно такъ золота мало
Было всего, что Тагъ иль Пактолъ желтоватый уносятъ,
Станетъ довольно плаща прикрывать холодное тѣло
И убогой ѣды, какъ, утратя корабль при крушеньи,
Станетъ онъ асса просить, и малеванной бурей кормиться [302]).
Что изъ столькихъ золъ изошло, то съ великой заботой
Въ страхѣ хранятъ; бѣда сторожитъ большія богатства.
Богатѣйшій Лицинъ, приготовивши ведра, всѣ ночи
Сонмищу слугъ велитъ караулить, страшась за янтарь свой,
За статуэтки свои, за колонны Фригійскаго камня,
За слоновую кость и пласты черепахи. Но бочка
Не горитъ у нагаго Циника; хоть разобьется,
Завтра же новый домъ, иль этотъ свинцомъ онъ спаяетъ.
Чувствовалъ самъ Александръ, жильца великаго видя
Въ глиняной бочкѣ, на сколько счастливѣе тотъ, кто не хочетъ
Ничего передъ тѣмъ, кто круга земнаго желаетъ.
Обреченъ выносить опасности въ мѣру дѣяній.
Что тебѣ небо, когда ты разуменъ; мы сами въ богини

---

[302]) Смотр. сат. XII, 27.

[305]) Лицинъ, смотр. (сат. I, 109).

[310]) Діогенова бочка. У древнихъ бочки были большей частью глиняныя и спаявались свинцомъ.

Производимъ, Фортуна, тебя. Въ какомъ же размѣрѣ
Состоянье довлѣетъ, скажу, если кто меня спроситъ:
Въ томъ, въ какомъ его требуютъ голодъ и жажда и стужа,
Въ томъ, въ какомъ, Эпикуръ ты доволенъ былъ маленькимъ садомъ
И въ какомъ въ старину вмѣщали пенаты Сократа.
Никогда ни природа ни мудрость другаго не скажутъ.
Еслижъ, по твоему, сжалъ я тебя въ суровыхъ примѣрахъ,
То придай хоть чего изъ нашихъ нравовъ, закончи
Суммой, къ четырнадцати рядамъ по закону Оттона [324])
Если жь и это морщитъ твой лобъ и губу топыритъ,
Всадниковъ двухъ забирай, будь трижды четыреста тысячъ.
Еслижъ подола и тутъ не насыплю и станетъ онъ шире,
Ни все Креза имущество, ни Персидское царство
Не насытятъ души, ни все богатство Нарцисса [329]),
Коему Клавдій Цезарь все дозволялъ, повелѣнью
Коего слѣдовалъ онъ, убить приказавши супругу.

САТИРА XV.

Кто не знаетъ, Волюзій Виѳиникъ, какихъ обожаетъ

---

324) Цензомъ всадника, по которому доступны первые 14 рядовъ скамеекъ въ зрѣлищахъ.

329) Вольноотпущенецъ Клавдія, ускорившій казнь Мессалины, изъ боязни, что Клавдій проститъ и снова подпадетъ подъ ея вліяніе.

Сатира XV.

Настоящее посланіе къ неизвѣстному намъ Волюзію Виѳинику, скорѣе заслуживаетъ названіе эклоги, чѣмъ сатиры, такъ что многіе не при-

Чудищъ безумный Египетъ? Часть молится тамъ крокодилу, [2])
А другая чтитъ Ибиса, сытаго часто змѣями.
Изваяніе тамъ блеститъ золотое мартышки [4]),
Гдѣ разбитый Мемнонъ магическихъ звуковъ исполненъ
И, сто вратъ разваля, лежатъ старинныя Ѳивы.
Кошекъ здѣсь, тамъ рыбу рѣчную, здѣсь городомъ цѣлымъ
Почитаютъ собаку, никто же не знаетъ Діаны [8]).
Лукъ и порей тамъ грѣшно кусать или трогать зубами.
О священный народъ, у котораго столько родится
Въ огородѣ боговъ! Животныхъ въ шерсти не бываетъ
Тамъ на столѣ, тамъ грѣхъ у козы зарѣзать козленка;
А дозволяется ѣсть человѣчье мясо. Какъ-только
О злодѣйствѣ подобномъ Улиссъ за столомъ Алкиною
Сказывать сталъ пораженному, желчь или смѣхъ возбудилъ онъ
Въ нѣкоторыхъ, какъ лжецъ и болтунъ площадной. „Или въ море
Некому этого свергнуть достойнаго лютой Харибды,

знаютъ его принадлежащимъ Ювеналу. Съ этимъ однако невозможно согласиться, такъ какъ острое шило Ювенала то и дѣло торчитъ даже изъ необычнаго ему мѣшка. Здѣсь разсказывается случай дикаго людоѣдства въ Египтѣ, во дни Адріана, людоѣдства, которому если самъ ссыльный Ювеналъ и не былъ свидѣтелемъ, то могъ почерпнуть о немъ свѣденія изъ ближайшихъ источниковъ.

[2]) Трудно предположить, чтобы Ибисъ изъ породы куликовъ питался змѣями.

[4]) Такая же неточность и въ названіи обезьяны cercopithecus (мартышка), не она была священной, а cynocephalus, собачье-головый Павіанъ.

[8]) Собака аттрибутъ Діаны, а между тѣмъ въ Египтѣ собака символъ Анубиса, ничего общаго съ Діаной не имѣющаго.

Что Лестригоновъ свирѣпыхъ тутъ сочинилъ и Циклоповъ [18])?
Ибо скорѣй я повѣрю про Сциллу, про встрѣчу утесовъ
Кіанейскихъ или про мѣха начиненные бурей,
Или, что тонкою лишь лозою Цирцеи ударенъ
Эльпеноръ по свиному захрюкалъ съ другими гребцами [22]).
Пустоголовымъ онъ, знать, народомъ считаетъ Феаковъ."
Такъ одинъ подѣломъ сказалъ еще трезвый и меньше
Крѣпкаго пившій вина изъ Корцирейской посуды;
Ибо одинъ то вѣщалъ безъ свидѣтелей имъ Итакіецъ.
Тоже о дивѣ и мы разскажемъ, но бывшимъ недавно
Въ консульство Юнка, повыше отъ стѣнъ раскаленнаго Копта [28]),
О злодѣйствѣ народа ужаснѣе всякихъ котурновъ [29]).
Ибо злодѣйствъ, хоть всѣ отъ Пирры ты шлейфы изслѣдуй,

---

[18]) Лестригоновъ, смотр. сат. XIV, 20.

[20]) Кіанеи острова при входѣ изъ Босфора Ѳракійскаго въ Понтъ Эвксинскій, къ скаламъ коихъ здѣсь примѣнено то, что Одиссеи XII, 61, говорится о бродящихъ утесахъ; — мѣха начиненные бурей—у Эола Одисс. X, 1—75.

[22]) Эльпеноръ въ Одиссеѣ не упоминается въ числѣ превращенныхъ въ свиней, а напротивъ разсказано, что, свалившись пьяный съ крыши, онъ убился. А какъ поэты не стѣснялись превращеніями, считая ихъ символами, то Ювеналъ могъ такого невоздержнаго человѣка счесть свиньей.

[25]) Корцира (о. Корфу).

[28]) Въ 127 г. по Р. Х. при Адріанѣ былъ дѣйствительно консуломъ Юнкъ. По выше торговаго г. Копта, гг. Тентира и Омбъ, изъ коихъ въ дѣйствительности первый сѣвернѣе, а другой южнѣе Копта, почему и не могли быть ближайшими сосѣдями, какъ о томъ говорится въ сатирѣ, если не допустить, что одно изъ именъ принадлежало и мелкому, намъ неизвѣстному городку.

[29]) Всякой трагедіи.

Ни одинъ народъ не свершаетъ у трагиковъ. Слушай,
Что за примѣръ въ нашъ вѣкъ представило дикое звѣрство.
Между сосѣдними Омбомъ и Тентирой пылаетъ
Древняя злоба, безсмертная ненависть неисцѣлимой
Раною даже по днесь. Въ народѣ взаимная ярость,
Высшая изъ-за того, что каждое мѣсто сосѣднихъ
Ненавидитъ боговъ, затѣмъ, что считаетъ богами
Тѣхъ лишь, которымъ само поклоняется. Но показалось
Въ каждомъ враждебномъ народѣ вождямъ и старѣйшинамъ время
Праздниковъ кстати, чтобъ тѣ веселаго дня удовольствій
Не вкусили и радости тоже великаго пира,
Въ храмахъ и въ переулкахъ наставивъ столовъ, вокругъ коихъ
Все подстилки лежатъ и денно и нощно; ихъ даже
И седьмое порой видитъ солнце. Конечно Египетъ
Дикъ; но въ роскоши тамъ, какъ это и самъ я замѣтилъ,
Варварская толпа не уступитъ въ причудахъ Канопу [46]).
Ты прибавь, что побѣда легка надъ бормочущимъ, пьянымъ
И отъ вина ногами плетущимъ. У тѣхъ тамъ мужская
Пляска съ флейтщикомъ чернымъ, съ мастями кое какими

30) Syrma, шлейфъ трагической мантіи, вмѣсто трагедіи.

46) Канопъ на самомъ западномъ рукавѣ Нила близъ Александріи, по наплыву въ немъ Грековъ, сливавшихъ эллинизмъ съ восточными нравами,— славился роскошью, утонченностью и распущенностью.

И цвѣтами и многими на головахъ ихъ вѣнками;
Здѣсь же у трезвыхъ вражда. Но ругань сперва раздается
У распаленныхъ сердцами,—и это труба столкновеній.
Тутъ съ одинаковымъ крикомъ сбѣгутся и вмѣсто оружья
Буйствуютъ голой рукой. Немногія щеки безъ раны,
Лишь у немногихъ, коль ни у кого въ цѣлой свалкѣ не тронутъ
Носъ. Ты по всей бы толпѣ, увидалъ половинныя лица,
Совершенно не прежнія, да торчащія кости
Изъ растерзанныхъ щекъ, въ крови изъ глазъ кулаки всѣ
Сами же это они считаютъ игрою и дѣтскимъ
Подражаньемъ войнѣ, что нигдѣ на трупъ не наткнутся.
Да и подлинно чтожь, что толпа въ столько тысячъ дерется,
Если всѣ живы? Поэтому злѣе напоръ и ужь камни,
Руки склоняя къ землѣ, подымаютъ и тутъ начинаютъ
Уже этимъ домашнимъ оружіемъ бунта кидаться.
Но вѣдь и камень не тотъ, что у Турна былъ и Аякса,
Или вѣсомъ какого Тидидъ Энея по-берцу
Поразилъ, а такой, какой въ состояніи руки
Бросить несходныя съ тѣми и въ наше рожденныя время.
Ибо та порода еще при Гомерѣ мельчала;
Нынѣ злобныхъ людей земля производитъ и крошекъ.

---

63) Турнъ въ Энея (Энеид. XII, 896). Аяксъ въ Гектора (Иліад. VII 268) и Тидидъ Діомедъ въ Энея (Иліад. V, 302).

Такъ и богу, кого ни завидитъ, смѣшно и противно.
Но съ отступленья опять вернемся къ разсказу. Затѣмъ какъ,
Укрѣпившись подмогой, противниковъ часть ужъ дерзнула
Въ ходъ желѣзо пустить, обновляя сраженье стрѣлами,
Омбамъ тѣснящимъ свой тылъ показали въ быстромъ побѣгѣ
Тѣ, что въ Тентирѣ живутъ у пальмъ тѣнистыхъ въ сосѣдствѣ.
Кто то падаетъ тутъ, въ испугѣ свой бѣгъ ускоряя,
И попадается въ плѣнъ. Но его на многія части
И куски разрубивъ, чтобъ одинъ мертвецъ доставался
Многимъ, толпа побѣдителей, кости всѣ оглодавши
Съѣла всего, не жаривши даже въ котлѣ накаленномъ
Или на вертелѣ; долгимъ и медленнымъ ей показалось
Дожидаться печей, а сырымъ ублажилася трупомъ.
Должно намъ радоваться, хоть огня то они не сквернили,
Что землѣ даровалъ Прометей, похитивши съ высшей
Части небесъ; поздравляю стихію и думаю радъ ты
Тоже. Но кто вкусить отважился трупа, охотнѣй
Ужъ никогда ничего не ѣдалъ, чѣмъ подобное мясо.
Чтобъ при злодѣйствѣ такомъ не спрашивалъ ты, сомнѣваясь,
Ощущала ли первая глотка отраду: такъ бывшій
Сзади всѣхъ, ужъ когда все тѣло съѣли, перстами

По землѣ поводилъ, чтобъ хоть нѣсколько крови отвѣдать.
Есть молва, что Васконцы подобною пищею древле[93])
Души питали свои; но дѣло другое, то были
Крайняя злоба судьбы и войны, исключительный случай
И суровая нищета столь долгой осады.
Здѣсь, о чемъ мы теперь говоримъ, сожалѣнья достоинъ
Долженъ быть пищи примѣръ и народъ, о которомъ сказалъ я,
Послѣ всякихъ травъ и живности всякой, всего что
Яростью требовалось пустаго желудка, (врагамъ вѣдь
Жаль было ихъ сухоты и блѣдныхъ и тощихъ ихъ членовъ)
Съ голоду члены они чужіе терзали, готовы
Ѣсть и свои. Да кто-жъ изъ людей иль боговъ отказался-бъ
Брюхамъ прощеніе дать, нужду и весь ужасъ терпѣвшимъ
И которымъ могли-бъ извинить и тѣни тѣхъ самыхъ,
Коихъ тѣлами они питались? Насъ лучшему учатъ
Наставленья Зенона, затѣмъ что не все ради жизни[107])
Дѣлать дозволено въ нихъ; но откуда же было Кантабру[108])
Стоикомъ быть, особливо въ старинное время Метелла?

93) Васконцы (Vascones) Баски въ верховьяхъ Эбро.

95) Упоминаніе Метелла, и самая мѣстность заставляетъ принять здѣсь осаду не Нуманціи, а Калагурра, вытерпѣвшаго въ союзѣ съ Серторіемъ не менѣе страшную осаду.

107) Зенонъ, основатель стоической школы.

108) Кантабрами Римляне обзывали всѣхъ сѣверныхъ Испанцевъ.

Въ цѣломъ свѣтѣ теперь Аѳины Грековъ и наши,
Краснорѣчивая Галлія въ стряпчіе учитъ Британцевъ[111])
И толкуютъ уже о наемкѣ ритора въ Ѳулѣ,
Но благородному мы тому, что назвалъ я, народу
Какъ и погибшему честно и храбро, но пуще Сагунту[114])
Можемъ такое простить: алтаря Меотійскаго даже
Злѣе Египетъ. Затѣмъ, что Таврида, ужаснѣйшей жертвы
Изобрѣтательница, людей—(если вѣришь всему ты,
Что повѣствуютъ стихи) закалаетъ только и жертва
Дальше и хуже ножа ничего не боится. Но тѣхъ то
Что побудило къ тому? Какой ихъ голодъ иль къ тыну
Строй подступившій принудилъ рѣшиться на ужасъ столь гнусный?
Чѣмъ бы худшимъ могли внушить они ненависть Нилу[122]),
Еслибъ засохла земля Мемфиса, коль тотъ не разлился?
Какъ не дѣлалъ ни Кимвръ, внушающій страхъ, ни Бритонецъ[124]),

---

110) Аѳины въ смыслѣ образованія.

111) Научась отъ насъ краснорѣчію, Галлія въ свою очередь формируетъ адвокатовъ изъ Британцевъ. Ѳулъ какъ крайній сѣверъ вообще.

114) Римляне пощадили хоть стѣны Калагурра, тогда какъ Сагунтъ совершенно истребленный Аннибаломъ, погибъ пуще.

115) (Palus Meotis) Меотійское озеро (Азовское море). Указаніе на алтарь Діаны въ Херсонесѣ съ человѣческими жертвоприношеніями.

122) Необычайно своевольный оборотъ мысли: какимъ бы еще худшимъ преступленіемъ могли они заслужить ненависть Нила, которая, какъ они сами полагаютъ, выражается неполнымъ его разлитіемъ и слѣдовательно засухой полей. Если же онъ не разлился, то они могутъ обратно заключать, что заслужили чѣмъ то такой гнѣвъ: „чѣмъ бы—худшимъ?“

124) Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ вмѣсто Бритонецъ стоитъ Бистонецъ (Ѳракійскій народъ извѣстный въ древности убійствомъ Орфея, изнасилованіемъ Прокны и людоѣдскими конями Діомеда). Савроматы (Сарматы) и Агатирсы сѣверо-восточ. кочевыя племена.

Ни Савроматскій дикарь, ни ужасный народъ Агатирсовъ,
Злобѣ такой безполезная, робкая чернь предается,
Лишь привычна подъ крошечнымъ парусомъ къ глинянымъ лодкамъ [127]),
Да на горшкахъ расписныхъ налегать на короткія весла.
Ни наказанія ты не найдешь преступленью, ни казни,
Коей достоинъ народъ, въ умахъ котораго равны
И подобны и гнѣвъ и голодъ. Что нѣжное сердце
Роду людскому дала, сама заявляетъ природа,
Слезы давшая намъ, наилучшую часть ощущеній.
Такъ она плакать велитъ о другѣ, защиту ведущемъ
Противъ позорныхъ клеветъ, о зовущемъ на судъ крючкотворца
Опекаемомъ, коего ликъ орошенный слезами
При дѣвичьихъ его волосахъ наводитъ сомнѣнье[137]).
По повелѣнью природы вздыхаемъ мы, ежели взрослой
Дѣвушки похороны встрѣчаемъ иль въ землю ребенка
Сложутъ, что малъ для костра. Кто будучи добръ и достоинъ
Тайнаго факела такъ, какъ жрецъ того хочетъ Цереры [141]),
Можетъ ли счесть бѣду не своей? Отдѣляетъ насъ это

---

127) Невоинственное племя плаваетъ по Нилу (о чемъ говоритъ и Страбонъ ст. 788) въ глиняныхъ судахъ, устроивая между прочимъ плоты изъ связанныхъ вмѣстѣ горшковъ, надъ чѣмъ трунитъ Ювеналъ.

130) Какъ бы изумился Ювеналъ, услыхавъ новѣйшія не безосновательныя ученія психо-физіологовъ, о тождествѣ въ корнѣ голода и гнѣва. Психологія чувствованій Ник. Грота стр. 513.

137) На счетъ пола.

140) Младенцевъ не сожигали, а хоронили.

141) Отъ участниковъ въ тайнахъ Цереры Іерофантъ требовалъ нравственной чистоты.

От безсловесных скотов, поэтому только одни мы
Разумом надѣлены и божеских дѣл сопричастны,—
И способны вести и себѣ усвоить искусства,
Чувство ниспосланное с небесных высот получили,
Коего нѣт у склоненных и в землю смотрящих. С начала
Міра всеобщій строитель снабдил их только душами,
Нам же он дух даровал, чтоб нас взаимное чувство
И о защитѣ просить и самим защищать понуждало,
Сочетать отдѣльных в народ, бѣжать из старинной
Рощи и бросить лѣса, в которых дѣды живали.
Строить дома, приближать к родным нашим ларам чужую
Кровлю, чтоб безопасные сны при сосѣднем порогѣ
Общая дружба дала, спѣшишь с оружьем к защитѣ
Павшаго иль зашатавшагося от ран гражданина,
Общею знак подавать трубой, защищаться всѣм тѣми жь
Башнями и одним ключем от ворот запираться [158]).
Но и у змѣй даже больше бывает согласья. Не тронет
Однонороднаго звѣрь в подобных же пятнах. Когда же
Жизнь у льва отнимал сильнѣйшій лев? И в какой же

---

[158]) Ключем от городской крѣпости.

Рощѣ вепрь умиралъ отъ клыковъ еще большаго вепря?
Тигръ Индѣйскій въ ладу пребываемъ съ яростнымъ тигромъ,
Непрерывно и злые живутъ въ согласьи медвѣди,
Но человѣку все мало, что онъ сковалъ на преступной
Наковальнѣ смертоносную сталь, кирки хоть да грабли
Были привычны варить и уставъ надъ мотыкой да плугомъ,
Первые кузнецы тянуть мечей не умѣли.
Видимъ народы теперь, которымъ кого либо въ гнѣвѣ
Мало убить, а они и груди и руки и лица
Ради за нищу считать. Ну что на это сказалъ бы,
Или куда-бъ убѣжалъ, когда бъ этотъ ужасъ увидѣлъ,
Пиѳагоръ, что воздерживался отъ мяса животныхъ,
Какъ отъ людскаго, а ѣсть дозволялъ не всякій и овощь?

САТИРА XVI.

Кто перечислить, Галлъ, преимущества могъ бы счастливыхъ
Воиновъ? Такъ если можно попасть съ удачею въ лагерь,

* * * * * * * * * * * *

Сатира XVI.

Судьба настоящей Сатиры или лучше отрывка во многихъ отношеніяхъ любопытна и поучительна. Древнѣйшіе и слѣдовательно болѣе компетентные грамматики признаютъ ее принадлежащей Ювеналу, а позднѣйшіе отвергаютъ. Въ ней повидимому восхваляется солдатская жизнь на слѣдующихъ основаніяхъ: если солдатъ ударитъ гражданина, то послѣдній не осмѣлится жаловаться; если у солдата процессъ, то его разберутъ безотлагательно, тогда какъ въ гражданскихъ судахъ нѣтъ возможности добиться разбирательства. Если солдатъ нажилъ состояніе, то онъ можетъ завѣщать и при жизни отца,

Приняли бы и меня новобранцемъ пугливымъ ворота [3]),
Подъ счастливой звѣздой. Ибо часъ полезнѣе добрый,
Чѣмъ еслибъ Марсу письмомъ насъ препоручала Венера
И родительница, что песками довольно Самоса.
Общія прежде всего упомянемъ удобства, изъ коихъ
Не послѣднее то, что тебя гражданинъ не посмѣетъ
Бить, а если его и побьютъ, то онъ скрывъ, не посмѣетъ
Претору показать зубовъ своихъ выбитыхъ, или
Черную шишку въ лицѣ, распухшую съ сизымъ отливомъ
Да и глазъ, что хоть цѣлъ, да лѣкарю мало надеженъ.
Въ судьи тому кто запроситъ, чтобъ былъ виновный наказанъ,

чего гражданину не дозволяетъ законъ. Итакъ по внѣшности эта не сатира, а скорѣе панегирикъ. Но ex ungve leonem. Если мы хорошо ознакомились съ поисками Ювенала за новымъ, оригинальнымъ, доводящимъ его до изысканнаго перекручиванія своей фразы, то намъ трудно предположить, чтобы подражатель старался воспроизводить недостатки оригинала, помимо его достоинствъ; а взглянувъ на 5 и 6 стихи мы вынуждены признать ихъ вычурно Ювеналовскими. Остается вопросъ панегирикъ ли это солдатчинѣ или тончайшая скрытая иронія? На этотъ счетъ предоставляемъ читателю самому рѣшать дѣло и ограничимся только слѣдующими указаніями. Со времени Августа легіоны, получившіе такое значеніе въ судьбахъ имперіи, все болѣе и болѣе пріобрѣтали правъ, стѣснительныхъ для высокообразованнаго класса. Между тѣмъ мы видѣли, что по поводу безтактнаго примѣненія публикой Ювеналовскаго стиха, авторъ принялъ при Адріанѣ въ чужомъ пиру похмѣлье и попалъ въ изгнанье въ Египетъ. Можно ли было при такихъ условіяхъ пользоваться другимъ оружіемъ, кромѣ самой скрытой ироніи? Сатира обращается къ неизвѣстному намъ Галлію или въ позднѣйшихъ рукописяхъ Галлу.

3) Ворота лагеря—я пошелъ бы добровольно въ солдаты.

5—6) Счастье въ этомъ случаѣ лучше рекомендательнаго письма Венеры къ Марсу или и самой его матери Юноны, со знаменитымъ храмомъ ея на островѣ Самосѣ, окруженномъ прибрежными песками.

10) Преторъ отошлетъ жалующагося въ военный судъ, подъ предсѣдательствомъ трибуна или центуріона.

Дастся Бардайскій сапогъ и мощныя икры къ скамейкамъ [14]),
Такъ какъ по древнимъ законамъ лагеря, въ духѣ Камилла
Соблюденнымъ, солдатъ не долженъ судиться за тыномъ
И вдали отъ значковъ. Поэтому судъ самый правый
Центуріоновъ надъ воиномъ, и за меня ужь накажутъ,
Если жалобы я законной представлю причину.
Вся когорта однако враждуетъ и всѣ уже роты
Въ голосъ одинъ говорятъ, что можно помочь наказанью [21])
И что оно тяжелѣй самой обиды. Такъ было бъ
Только достойно Вагеллія ритора съ нравомъ ослинымъ [23]),
Чтобъ двѣ голени сталъ подставлять подъ столько сапогъ ты
И подъ столько тысячъ гвоздей. Кто пойдетъ такъ далеко
За городъ, кто настолько Пиладъ, чтобъ за насыпь окопа
Выйти? Нѣтъ лучше скорѣй осушить свои слезы и лучше

---

14) Бардайцы или Вардайцы иллирійское племя, отъ котораго шла самая прочная обувь. Здѣсь сапогомъ обозванъ самъ его носящій центуріонъ, а мощныя икры,—совѣтъ солдатъ на скамьяхъ.

21) Только что указавъ на судъ скорый и правый, Ювеналъ указываетъ и на его милостивость, которая въ томъ же кругу, къ которому принадлежитъ обвиняемый—является милостивымъ до полной безнаказанности —такъ какъ по общественному мнѣнію наказанью можно помочь:—если оно денежное—взносомъ пени, если арестъ, можно развлекать арестанта, ублажая его удобствами, а тѣлесное бить только насмѣхъ.

23) Надо быть такимъ тупымъ и упрямымъ адвокатомъ какъ Вагеллій см. сат. XIII, 119, который способенъ ораторствовать даже во вредъ защищаемому дѣлу, чтобы собственныя голени подставлять одному подъ удары столькихъ солдатскихъ сапогъ, подбитыхъ здоровенными гвоздями. Кто изъ друзей настолько преданный Пиладъ, чтобы рѣшиться идти изъ города въ лагерь въ качествѣ свидѣтеля. Всякій при этихъ условіяхъ найдетъ отговорку.

Уже не кликать друзей, которые всежъ извинятся.
Если же скажетъ судья: „п о с т а в ь с в и д ѣ т е л я“, кто бы
Ни дерзнулъ, хоть видѣлъ побои, промолвить: я в и д ѣ л ъ,
Я бы достойнымъ счелъ его бороды нашихъ предковъ
И волосъ. Ты скорѣй лжесвидѣтеля выставить противъ
Гражданина бы могъ, чѣмъ тутъ говорящаго правду
Противъ благополучія и противъ чести военныхъ.
* * * * * * * * *
Выгодъ теперь мы другихъ и другихъ преимуществъ коснемся
Подприсяжныхъ. Когда на дѣдовскомъ полѣ долину [36])
Или ниву мою отниметъ сосѣдъ нечестивый,
Иль съ середины границы онъ выроетъ камень священный,
Что ежегодно честилъ я кашей съ широкой лепешкой [39]),
Или должникъ возвратить упорствуетъ взятыя деньги,
Рукоприкладство то все считая пустой деревяшкой [41]);
Годъ достанется ждать, покуда всего ужъ народа [42])

---

30) Кто дерзнулъ бы какъ свидѣтель сказать я в и д ѣ л ъ, того я счелъ бы доблестнымъ не хуже нашихъ предковъ, съ небритыми бородами и не стриженными волосами въ родѣ Курія Дентата. Неужели это хвала, а не иронія?

36) Sacramentorum. Мы не знаемъ болѣе близкаго слова для обозначенія солдатъ, принявшихъ присягу императору.

39) Священный камень, представлявшій граничнаго бога Термина на вешнихъ праздникахъ (Терминаліяхъ, 23 февраля) бывалъ почитаемъ приношеніями лепешекъ и каши.

41) Стихъ повторяется сат. XIII 137.

42) Такъ какъ со времени Августа уже присяжные неохотно отбывали свою службу, а зимнія ваканціи продолжены были и на Ноябрь и на Декабрь, то

Иски начнутся и тутъ выносить сколько тысячъ придется
Дрязгъ и тысячъ препонъ: то только успѣютъ скамейки
Разстановить, вотъ и плащъ снимаетъ рѣчистый Цедиций,
Вотъ ужъ у Фуска позывъ на мочу, а мы хоть готовы
Все же уходимъ топтать песокъ медлительный рынка.
Тѣмъ же, которые перевязь и оружіе носятъ,
Время дается суда какое самимъ имъ угодно
И не трется добро ихъ долгимъ тормазомъ иска.
Кромѣ того завѣщать дается однимъ лишь военнымъ
Право при жизни отца; ибо что составлялось трудами
Воинскими, рѣшено, чтобы то не входило въ имѣнье
Все, которымъ отецъ управляетъ. Вотъ и Корана [54]),
Что всегда у знаменъ и въ станѣ деньгу наживаетъ,
Ловитъ отецъ, хоть самъ то уже трясется. А тотъ то
Награжденъ подѣломъ и достойнымъ трудамъ въ воздаянье.

истцу приходилось нерѣдко ждать очереднаго разбирательства до январскаго засѣданія въ слѣдующемъ году и тутъ новыя проволочки: приготовятъ скамейки для суда и уйдутъ, а тутъ только что адвокатъ Цедиций соберется сбросить съ оффиціальной тоги плащъ, а уже предсѣдатель Фускъ, плотно позавтракавшій, закрываетъ засѣданіе и намъ приходится уходить съ рынка (форума, на которомъ такъ тянутъ дѣла. Вейднеръ считаетъ Фуска робѣющимъ адвокатомъ противной стороны.

50) Кто кромѣ Ювенала способенъ на такую мѣткую, хотя и смѣлую метафору?

54) Имя Корана быть можетъ заимствовано изъ Горац. (С. II, 5, 57), гдѣ тесть Назика старается воспользоваться деньгами зятя Корана. Здѣсь этого добивается дряхлый отецъ.

60) Кромѣ обычныхъ золотыхъ цѣпей у позднѣйшихъ Римлянъ были и медали, даже съ драгоцѣнными каменьями.

Кажется мнѣ и самимъ полководцамъ заботиться нужно,
Чтобы тотъ, кто былъ храбръ, счастливѣйшимъ былъ въ тоже время,
Чтобы медали ихъ всѣхъ и цѣпи ихъ всѣхъ веселили.

* * * * * * * * *

[illegible]

* * * * * * * * *

45\. Расстановятъ, [illegible] рѣчистый Пеонiй.

Вотъ ужъ у Фуска [illegible] на мочу, а мы хоть готовы.

Все же [illegible] медлительный рынка.

Тѣмъ же, которые перевязь и оружiе носятъ,

Время дается суду какое [illegible] имъ угодно.

50\. И не трется добро ихъ долгимъ тормазомъ [illegible]

Кромѣ того завѣщать дается однимъ лишь воинамъ,

Право [illegible] тру-[illegible]

[illegible] чтобы то не входило въ имѣнье

Всѣ которымъ отецъ управляетъ. Вотъ и Корвина [2])

55\. Что всегда у знамени и въ стаѣ деньгу наживаетъ.

[illegible] хоть самъ [illegible] А тотъ то

Награждаетъ [illegible] и достойнымъ трудамъ вознагражденiе.

[illegible]

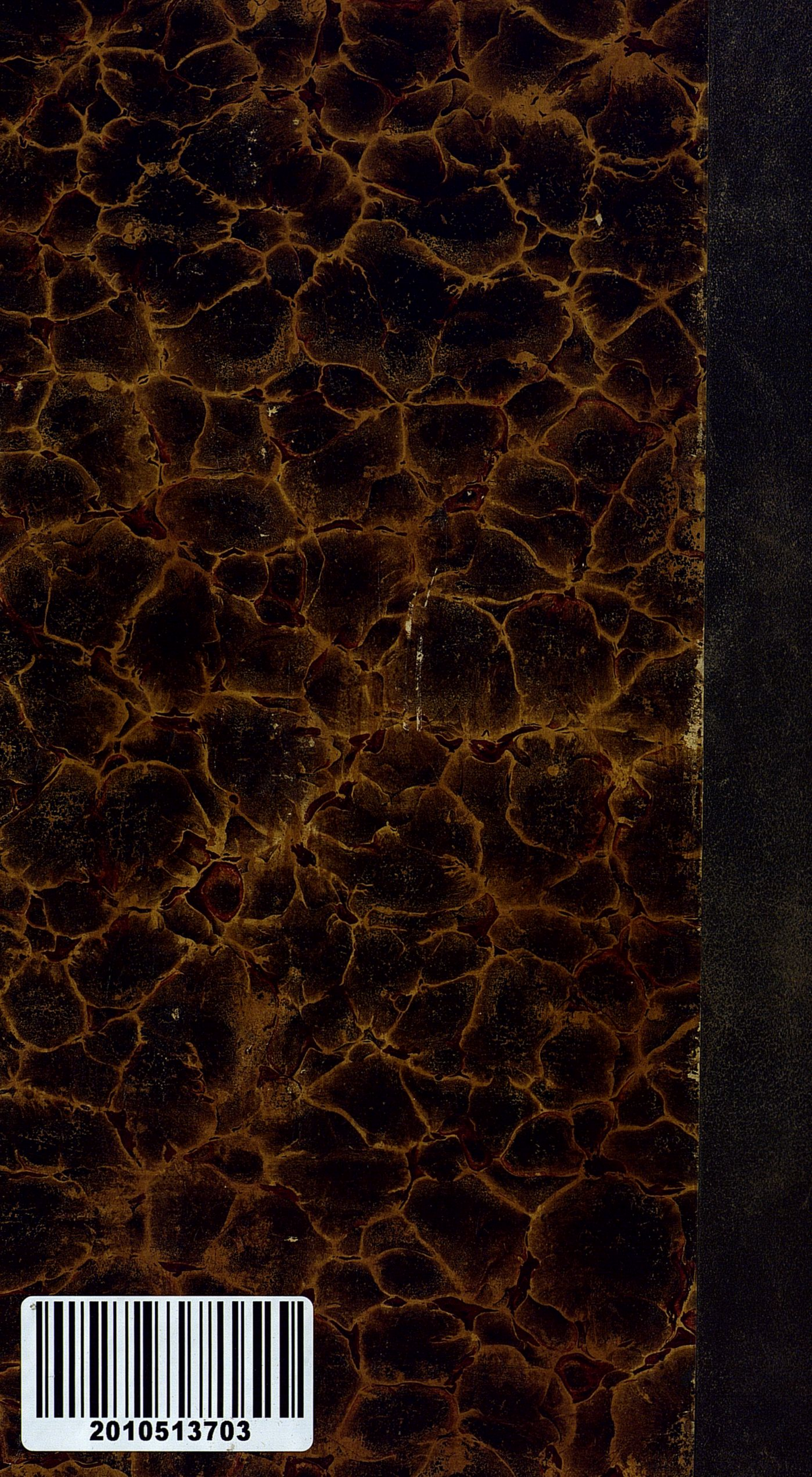
ibid. 72. viscera не въ прямомъ смыслѣ, а иносказательно: вѣдь эти греки, по прибытіи въ Римъ поселившіеся въ Виминалѣ (ст. 71), гдѣ скучилось богатѣйшее народонаселеніе города, скоро переберутся въ magnas domus" и будутъ тамъ viscera" ихъ, т.е. любимцами, сравнительно владѣльцевъ.
ibid. 103. Endromis не шуба, а плащъ изъ лохматой ткани т.е. бурка;
ibid. 107. crepitum dedit = pepedit.
ibid. 114. Transi не ходишь, а „оставляешь безъ вниманія"; „вотъ о немъ-то (facinus'ъ = проступкѣ школы философовъ, имѣющей большее значеніе, нежели на костра) послушай, если только то, что случается въ палестрахъ, можно еще оставить безъ вниманія".
ibid. 116 - у г. Фета discipulam - ученицу, а не discipulum;
ibid. 129 orbis = бездѣтный, а не сирота; Dudum vigilantibus = уже проснувшемся;
ibid. 136 sella = кресло cf. VI, 91 и IX, 51.
ibid. 158. Ювеналъ говоритъ о двухъ классахъ юношей, различныхъ между собою - о juvenes cultos pinnirapi, т.е., воспитанникахъ или дѣтяхъ гладіатора, и о juvenes lanistae т.е. молодыхъ гладіаторахъ (въ - питанникахъ lanistae = учителя, содержателя и поставщика гладіаторовъ: Cultus = не воспитанный, а разряженный, выхоленный; juvenes = дѣти, сыновья.
ibid. 180. У Благовѣщенскаго переведено лучше: „здѣсь (постоянно) тратится больше, чѣмъ достаточно, и это больше берется изъ чужого сундука".
ibid. 231 „не ящерицы, а мѣста, достаточнаго для помѣщенія одной ящерицы = unius lacerti, angelli (Кауревскій).
ibid. 239 „богачъ несется надъ головами толпы рослыми Либурнцами".
ibid. 269 „г. Фетъ не обратилъ должнаго вниманія на падежъ „tectis sublimibus; "не „на эти крыши" обращаетъ Умбрицій вниманіе своего собесѣдника, а на spatium = пространство, отдѣляющее его отъ этихъ крышъ.
Прим. къ 267 ст. обычая класть покойнику въ ротъ оболъ для Харона какъ-тая, не было у Римлянъ". Можно утвердительно сказать, что римляне, также какъ и греки, соблюдали этотъ обрядъ. О немъ говорятъ Propert. IV, 11; Verg. VI, 299 и во многихъ Римскихъ могилахъ въ Германіи находили такую монету (Seyffert „De nummis in ore defunct. reper. ...).
ibid. 308: vivarium = загонъ, а главное садокъ для рыбъ, но никакъ не „звѣринецъ", а еще менѣе „живодерня", какъ у г. Благовѣщенскаго. Изъ русскихъ комментаторовъ вѣрнѣе прочихъ понялъ этотъ стихъ г. Кауревскій, по которому „vivarium здѣсь въ смыслѣ пруда", къ коему разбойники съ Помптинскихъ болотъ и Галлинарійскаго лѣса „стекаются (currunt), чтобы ловить рыбу въ мутной водѣ."
Sat. IV, 4 vidua не столько вдова, сколько innupta = незамужняя женщина, съ кой поэтому возможенъ concubitus, но adulterium совершить нельзя.
ibid. 5. porticus здѣсь никакъ не „манежъ". 3. aeger = разслабленный; Конечно, если таковой въ современномъ смыслѣ слова можно вообще предполагать у Римлянъ, = hypodromus; а porticus = крытыя улицы, по которымъ кристникъ прогуливался въ носилкахъ.
ibid. 15. mullus = барвена, краснобородка (Леонтьевъ).
ibid. 32. Что сомы были дешевы въ то время, особенно въ Египтѣ, гдѣ они водились во множествѣ въ Нилѣ, это несомнѣнно; но municipes имѣетъ другое значеніе, коего нельзя обходить, т.к. этимъ самымъ Ювеналъ подтверждаетъ указаніе ст. 24 („Succinctus patria quondam, Crispine, papyro"), что Криспинъ былъ Египтяниномъ. „Siluri", обитатели Нила, которыхъ продавалъ, при-

-ходнаго ему поэтому municipibus = земляками".
ibid. 35. Тонкая, чисто Ювеналовская, насмѣшка надъ цѣломудріемъ мужъ, который многочисленныхъ дѣтей ли не весьма дѣвятьхъ прижилъ?
ibid. 61. Minorem относится къ Iulus, а не къ Vesta, какъ перевелъ г. Фейнъ. Огонь Троянскій, посвященный Вестѣ, былъ перенесенъ въ Лаціумъ Троянскими выходцами: Iulus major Энеемъ въ Ланувій, а Iulus minor сыномъ Энея-Асканіемъ въ Альбу. Рядомъ съ храмомъ, въ которомъ, хотя не съ прежнимъ благоговѣніемъ, поддерживался Iulus minor, находился дворецъ Домиціана.
ibid. 77: тоже здѣсь, вѣроятно, не „только что", а не болѣе",, только". Ювеналъ хочетъ сказать, что Пегасъ въ сущности только Villicus urbi, хотя и носитъ званіе Praefectus. Этотъ стиха-критика надъ порабощеніемъ и униженіемъ Рима Цезарями, кои въ urbe видѣли только свой Praedium, и потому въ praefectus urbis — только villicus = только приказчика, приставленнаго надъ господскою собственностью.
„Anne aliud tunc praefecti?" = „а развѣ префекты тогда были что другое?"
ibid. 123. Вейентонъ сравнивается съ жрецомъ Беллоны; онъ несется, какъ Bellonarius, фанатикъ de aede Bellonae Pulvinensis; oestro означаетъ здѣсь уколы, наносимые себѣ жрецами и даже жрицами этого культа во время процессій въ честь богини.

Цѣна 3 рубля.

ibid. 149: praecipiti penna, и. что гонецъ, несшій письмо съ печальными извѣстіями, имѣлъ прикрѣпленнымъ къ посоху перо, тогда какъ вѣсти о побѣдахъ передавались Риму черезъ epistola laureata, носитель которой имѣлъ на посохѣ лавровую вѣтвь.
sat. V, 43: vagina не рукоятка, а ножны; in fronte vaginae = наружная сторона ножень, т.е. та, которая не прилегаетъ къ тѣлу (до́лженъ ...).
ibid. 71: artopta (слѣд. читать, а не artocopi = хлѣбодаръ) = слово-рода, на которой подавались горячіе хлѣбы (какъ у насъ блины — прямо съ ...) = vas in quo panis assatur. Plaut. Aulular. X, 112.
ibid. 86: - на лат. яз. нѣтъ термина вполнѣ соотвѣтствующаго сливкамъ, Плиніево spuma lactis = вспѣненное, взбитое молоко.
ibid. 88. Боккари, зятѣ югурты, не нумидійцы, а царь Мавританіи
ibid. 111: ... ut coenes civiliter (Лубинъ: posceimus ut sine injuria clientium coenes) = учтивая, не озорничая.
ibid. 118: Tibi habe = оставь ее (пшеницу) у себя, т.е., намъ ея не надо.
ibid. 120: Ювеналъ смѣется надъ роскошью и выводитъ тафельдекера — structor — скачущаго между столами, и chironomon — оберъ-форшнейдера — въ тактъ махающаго ножемъ и подъ музыку по всѣмъ правиламъ искусства и придворнаго этикета разрѣзающаго зайцевъ и птицъ. —
ibid. 125: „Если ты только заикнешься, что (будто) у тебя при имени, вслѣдствіе чего ты равноправный Виррону гражданинъ, то тебя немедленно вышвырнутъ за дверь."
ibid. 168: Деммеръ проводитъ справедливую аналогію между strictas panis и strictas cassis, т. к. Ювеналъ намѣревался выразить, что кліенты-паразиты держатъ хлѣбъ на головѣ, чтобы съ нимъ кушать то, что патрону заблагоразсудится подать вслѣдъ имъ.

Sat. VI, 21: и Ursidius и Postumus — одно и тоже лицо.
ibid. 38: iubae mullorum, turtur magnus — все это дары, которыми captator hereditatis — не „соблазнитель", а ловецъ завѣщаній, наслѣдства, старается задобрить холостаго или бездѣтнаго старика. Captatore macello и. что дѣйствуетъ рынкомъ", т.е. на рынкѣ посылаемые имъ подарки покупаетъ онъ.
ibid. 46: надо читать mediam, а не unam venam, media vena б. одна изъ трехъ жилъ, кои анатомія древнихъ признавала годными для кровопуска-нія: basilica, cephalica и mediana или media. Delicias hominis = красавецъ, золотой ты мой! (здѣсь къ Урсидію, а в XIII, 140 къ Кальвину).
ibid. 56 agro = здѣсь деревня. Terent. Neque agri neque urbis odium me umquam percipit.
ibid. 69 = Tenent = вздыхаютъ по, съ умиленіемъ вспоминаютъ...
Subligar не фартукъ, а повязка. Cic. Off. 1, 35, 129: scenicorum mos tantum habet a vetere disciplina verecundiam, ut in scenam sine subligaculo (subligar) prodeat nemo: verentur enim ne, si quo casu evenerit, ut corporis partes quaedam aperiantur, aspiciantur non decore.
105: radere = бриться; coeperat sperare requiem т.е. на отставку;
119: ancilla Мессалины историческое лицо, по Плинію она превосходила въ развратѣ даже свою властительницу: eandemque die ac nocte superavit quinto et vicesimo concubitu."
121:


2010513703